

Карлос Кастанеда.

Разговоры с доном Хуаном.

Оглавление

Введение.....	2
Часть первая. Учение.....	8
1.....	8
Пятница, 23 июня 1961 года.....	8
Воскресенье, 25 июня 1961 года.....	9
2.....	12
Понедельник, 7 августа 1961 года.....	12
Суббота, 5 августа 1961 года.....	15
Воскресенье, 6 августа 1961 года.....	16
Четверг, 17 августа 1961 года.....	17
Воскресенье, 20 августа 1961 года.....	18
3.....	19
Пятница, 23 августа 1961 года.....	19
Воскресенье, 3 сентября 1961 года.....	20
Среда, 6 сентября 1961 года.....	22
Воскресенье, 10 сентября 1961 года.....	23
23 ноября 1961 года.....	26
26 декабря 1961 года.....	28
27 января 1962 года.....	31
15 апреля 1962 года.....	33
4.....	35
Воскресенье, 24 декабря 1961 года.....	36
30 января 1962 года.....	36
12 апреля 1962 года.....	37
14 апреля 1963 года.....	37
6 июня 1962 года.....	37
3 июня 1962 года.....	43
5.....	44
27 января 1962 года.....	44
28 января 1962 года.....	44
21 апреля 1963 года.....	45
18 апреля 1963 года.....	49
19 апреля 1963 года.....	50
6.....	51
27 июня 1963 года.....	51
29 июня 1963 года.....	51
6 июля 1963 года.....	52
7.....	56
23 декабря 1963 года.....	56
24 декабря 1963 года.....	56
31 декабря 1963 года.....	57
28 декабря 1963 года.....	59
28 января 1964 года.....	60

8.....	62
Суббота, 12 сентября 1964 года.....	62
10 сентября 1964 года.....	64
11 сентября 1964 года.....	65
9.....	66
Понедельник, 28 декабря 1964 года.....	66
24 декабря 1964 года.....	68
26 декабря 1964 года.....	68
28 декабря 1964 года.....	69
10.....	70
31 декабря 1964 года.....	70
27 января 1965 года.....	70
20 января 1965 года.....	71
7 февраля 1965 года.....	71
Воскресенье, 28 марта 1965 года.....	71
23 марта 1965 года.....	73
Воскресенье, 4 апреля 1965 года.....	73
Суббота, 10 апреля 1965 года.....	74
11.....	76
Пятница, 29 октября 1965 года.....	76
Часть вторая. Приложения к первой книге.....	81
Структурный анализ.....	81
Оперативный порядок.....	82
1. Человек, обладающий знанием.....	82
2. Человек знания имел союзника (<i>олли</i>).....	85
3. <i>Олли</i> имел правило.....	88
4. Правило подтверждено специальным соглашением.....	92

...Не имеет значения, что кто-либо говорит или делает...

Ты сам должен быть безупречным человеком...

...Нам требуется *все наше время и вся наша энергия*, чтобы победить идиотизм в себе. Это и есть то, что имеет значение. Остальное не имеет никакой важности...

Дон Хуан (К. Кастанеда "Второе Кольцо силы")

Введение.

Летом 1960 года, будучи студентом антропологии Калифорнийского университета, что в Лос-Анжелесе, я совершил несколько поездок на юго-запад, чтобы собрать сведения о лекарственных растениях, используемых индейцами тех мест. События, о которых я описываю здесь, начались во время одной из поездок.

Ожидая автобуса в пограничном городке, я разговаривал со своим другом, который был моим гидом и помощником в моих исследованиях. Внезапно наклонившись, он указал мне на седовласого старого индейца, сидевшего под окошком, который, по его словам, разбирался в растениях, особенно в пейоте. Я попросил приятеля представить меня этому человеку.

Мой друг подошел к нему и поздоровался. Поговорив с ним немного, друг жестом подозвал меня и тотчас отошел, не позаботившись о том, чтобы нас познакомить... Старик ни в коей мере не был удивлен. Я представился, а он сказал, что его зовут Хуан и что он к моим услугам. По моей

инициативе мы пожали друг другу руки и немного помолчали. Это было не натянутое молчание, но спокойствие естественное и ненапряженное с обеих сторон.

Хотя его темное лицо и морщинистая шея указывали на возраст, меня поразило, что его тело было крепкое и мускулистое... Я сказал ему, что интересуюсь лекарственными растениями. Хотя, по правде сказать, я почти совсем ничего не знал о пейоте, я претендовал на то, что знаю очень много и даже намекнул, что ему будет очень полезно поговорить со мной.

Когда я болтал в таком духе, он медленно кивнул и посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я отвел глаза от него, и мы кончили тем, что сидели против друг друга в гробовом молчании. Наконец, как мне показалось, после очень долгого времени, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Как раз подходил его автобус. Он попрощался и покинул станцию.

Я был раздражен тем, что говорил ему чепуху и тем, что он видел меня насквозь.

Когда мой друг вернулся, он попытался утешить меня в моей неудаче...

Он объяснил, что старик часто бывает молчалив и необщителен — и все-таки я долго не мог успокоиться.

Я постарался узнать, где живет дон Хуан, и потом несколько раз навестил его. При каждом визите я пытался спровоцировать его на обсуждение пейота, но безуспешно... Мы стали, тем не менее, очень хорошими друзьями, и мои научные исследования были забыты или, по крайней мере, перенаправлены в русло весьма далекое от моих первоначальных намерений.

Друг, который представил меня дону Хуану, рассказал позднее, что старик не был уроженцем Аризоны, где мы с ним встретились, но был индейцем племени яки из штата Сонора в Мексике.

Сначала я видел в доне Хуане просто довольно интересного человека, который много знал о пейоте и который замечательно хорошо говорил по-испански. Но люди, с которыми он жил, верили, что он владеет каким-то "секретным знанием", что он был "брухо". Испанское слово "брухо" означает одновременно врача, колдуна, мага. Оно обозначает человека, владеющего необыкновенными и, чаще всего, злыми силами.

Я был знаком с доном Хуаном целый год, прежде, чем вошел к нему в доверие. Однажды он рассказал, что имеет некоторые знания, которые он получил от учителя — "бенефактора" (благоприятный фактор) — как он называл его, — который направлял его в своего рода ученичестве. Дон Хуан, в свою очередь, взял меня в свои ученики, но предупредил, что мне нужно принять твердое решение, ибо обучение будет долгим и утомительным.

Рассказывая о своем учителе, дон Хуан использовал слово "диаблеро" (по-испански диаволо — черт) позднее я узнал, что диаблеро — термин, используемый только соноракскими индейцами. Он относится к злому человеку, который практикует черную магию и способен превращаться в животных — птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Во время одной из поездок в Сонору, со мной произошел любопытный случай, хорошо иллюстрирующий чувства индейцев к диаблеро... Как-то ночью я ехал с двумя испанскими друзьями, когда я увидел крупную собаку, пересекающую дорогу. Один из моих друзей сказал, что это была не собака, а гигантский койот. Я притормозил и подъехал к краю дороги, чтобы получше разглядеть животное. Постояв несколько секунд в свете фар, оно скрылось в чапарале.

Это был, без сомнения, койот, но в два раза крупнее обычного.

Возбужденно переговариваясь, мои друзья пришли к выводу, что это было необычное животное и, скорее всего, что это мог быть диаблеро. Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить индейцев о их вере в существование диаблеро. Я говорил со многими людьми, рассказывая им эту историю и задавая им вопросы. Следующие три разговора показывают их типичные реакции.

— Ты думаешь, это был койот, Чой? — спросил я молодого человека после того, как он выслушал эту историю.

— Кто знает? Хотя для койота он явно великоват.

— А тебе не кажется, что это диаблеро?

— Ну, что за ерунда! Такого не бывает.

— Почему ты так думаешь, Чой?

— Люди выдумывают всякое. Я бьюсь об заклад, что если бы ты поймал его, то убедился бы, что это собака. Вот я однажды отправился по делам, я поднялся до рассвета и оседлал лошадь... Выехал я до рассвета и увидел темную тень на дороге, похожую на большое животное. Моя лошадь шарахнулась и выкинула меня из седла... Я тоже перепугался. Но это оказалась женщина, шедшая в город.

— Ты хочешь сказать, Чой, что ты не веришь в существование диаблеро?

— Диаблеро? Что такое диаблеро? Скажи мне, что такое диаблеро?

— Я не знаю, Чой. Мануэль, который ехал со мной той ночью, сказал, что этот койот мог быть диаблеро. Может быть, ты мне расскажешь, что такое диаблеро?

— Говорят, что диаблеро — это брухо, который может принимать любую форму, какую он хочет принять. Но каждый ребенок знает, что это враки.

Старики здесь набиты историями о диаблеро. Но ты не найдешь ничего подобного среди нас, молодежи.

— Что за животное это было, как ты думаешь, донна Лус? — спросил я женщину средних лет.

— Лишь бог знает наверняка. Но я думаю, что это был не койот. Есть вещи, которые только кажутся койотами, но не являются ими в самом деле.

Да, а бежал твой койот, или он ел?

— Большую часть времени он стоял, но когда я в первый раз увидел его, то мне показалось, что он что-то ел.

— А ты уверен, что он ничего не тащил во рту?

— Может быть, и нес. Но скажи мне, какая разница?

— Разница есть... Если он тащил что-нибудь, то это был не койот.

— Что же это было тогда?

— Это был мужчина или женщина.

— Как вы называете таких людей, донна Лус?

Она не отвечала. Я настаивал еще некоторое время, но безрезультатно.

Наконец, она сказала, что не знает. Я спросил, не называют ли таких людей диаблеро, и она сказала, что это одно из названий, даваемых им.

— А ты знаешь какого-нибудь диаблеро? — спросил я.

— Я знала одну женщину, — ответила она, — она была убита. Это произошло, когда я была еще девочкой... Женщина, как говорили, превращалась в суку, и как-то раз ночью собака забежала в дом белого человека, чтобы украсть сыр. Он застрелил ее из пистолета. И в тот самый момент, как собака подошла в доме белого человека, — женщина умерла в своей хижине. Ее родственники собрались вместе, пришли к белому человеку и потребовали выкуп. И ему пришлось немало выложить за ее убийство.

— Как же они могли требовать выкуп, если он убил лишь собаку.

— Они сказали, что белый знал, что это не собака, потому что с ним были другие люди, и все они видели, что собака встала на задние лапы и, как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, подвешенном к крыше. Люди ждали вора, так как сыр того белого человека исчезал каждую ночь. Когда тот человек убивал вора, он знал, что это не собака.

— Есть ли диаблеро теперь, донья Лус?

— Подобные вещи очень секретны. Говорят, что больше диаблеро нет, но я сомневаюсь в этом, потому что кто-нибудь из семейства диаблеро обязан изучить то, что знает о диаблеро. У диаблеро есть свои законы, и один из них состоит в том, что диаблеро должен обучить своим секретам одного из своего рода.

— Как ты думаешь, что это было за животное, Хенаро? — спросил я одного глубокого старика.

— Какая-нибудь собака, что же еще?

— А, может быть, диаблеро?

— Диаблеро? Ты с ума сошел! Их же не существует.

— Подожди, их нет теперь или же не было никогда?

— Одно время они были, да. Это всем известно. Каждый это знает. Но люди их боялись и поубивали их всех.

— Кто убил их, Хенаро?

— Кто-кто, люди, конечно. Последний диаблеро, о котором я знал, был с... Он убил десятки, может быть, сотни людей своим колдовством. Мы не могли этого стерпеть, и люди собрались вместе, захватили его врасплох среди ночи и сожгли живьем...

— Когда это было, Хенаро?

— В 1942 году.

— Ты видел это сам?

— Нет. Но люди до сих пор говорят об этом. Говорят, от него не осталось пепла, даже несмотря на то, что костер был сделан из сырых дров.

Все, что нашли, так это большую лужу грязи...

Хотя дон Хуан определил своего бенефактора, как диаблерио, он никогда не называл место, где он учился и ни разу не назвал имени своего учителя.

Фактически, дон Хуан рассказал ничтожно мало о своей личной жизни. Все, что он сообщил, так это то, что он родился на юго-западе в 1891 году, что он провел почти всю свою жизнь в Мексике, что в 1900 году его семья была изгнана мексиканским правительством в Центральную Мексику вместе с тысячами других соноракских индейцев и что он жил в Центральной и Южной Мексике до 1940 года. Таким образом, поскольку дон Хуан много путешествовал, то и его знания могут быть продуктом многих влияний. И, несмотря на то, что он считал себя индейцем из Соноры, я не был уверен, можно ли привязать его знания только к культуре соноракских индейцев.

Однако... Однако, здесь я не намерен определять точно его культурное происхождение.

Мое ученичество у дон Хуана началось в июне 1961 года и до этого я не встречался с ним часто, но беседовал с ним всегда, как антрополог-наблюдатель. Во время этих первых разговоров я делал записи описательного характера. Позднее, по памяти, я восстанавливал весь разговор. Однако, когда я стал его учеником, этот метод стал весьма затруднительным, так как разговоры затрагивали много различных тем. Потом дон Хуан все-таки разрешил мне, после долгих протестов, открыто записывать все, что сказано. Мне очень хотелось также фотографировать и делать записи на магнитофоне, но он этого не позволил.

Мое ученичество проходило вначале в Аризоне, а затем в Соноре, так как дон Хуан в период моего учения переехал в Мексику. Распорядок, которым я пользовался, состоял в том, чтобы видеться с ним по несколько дней и как можно чаще. Мои визиты стали более частыми и длительными в летние месяцы 1963-64 гг. Оглядываясь назад, я теперь считаю, что такой метод тормозил мое продвижение, так как он не давал мне полностью попасть под влияние учителя, в чем я очень нуждался для успешного обучения. Однако, с моей личной точки зрения, этот метод был полезен тем, что давал мне определенную несвязанность, а это, в свою очередь, обостряло чувство критического восприятия, которое было бы невозможным, будь я учеником постоянно, без перерывов. В сентябре 1965 года я добровольно отказался от ученичества.

После моего отказа от ученичества мне нужно было осознать то, что я пережил, а то, что я испытал, мне нужно было уложить в странную систему индейских верований. С самого начала моего обучения для меня стало очевидным, что учение дон Хуана имеет четкий внутренний строй. Как только он начал преподавать его мне, он давал свои объяснения в определенном порядке. Распознать этот порядок и понять его оказалось для меня труднейшей задачей. В связи с моей неспособностью понять я и через четыре года ученичества все еще был начинающим. Было ясно, что знание дон Хуана и метод, которым он преподавал, были теми же, что и у его бенефактора, поэтому мои трудности в понимании его учения были аналогичны тем, с которыми встретился он сам. Дон Хуан сам указал на наше сходство, как начинающих, упомянув случайно о своей неспособности понять учителя в пору своего ученичества. Это замечание привело меня к убеждению, что любой начинающий — индеец или не индеец, — получает знания невоспринимаемыми с точки зрения каких-либо характеристик или систем тех явлений, которые он испытывает. Лично я, как западный человек, нашел эти характеристики такими запутанными, что было совершенно невозможно объяснить их в системе понятий моей собственной каждодневной жизни; и я был вынужден прийти к заключению, что любая попытка классифицировать мой полевой материал своими словами была бы неудачной.

Таким образом, для меня стало очевидно, что знание дон Хуана следует рассматривать в том плане, в каком он сам его понимает. Лишь в этом плане оно может быть очевидным и убедительным. Пытаясь совместить мои собственные взгляды с таковыми дон Хуана, я понял, однако, что когда бы он ни пытался объяснить свое знание мне, он использовал понятия, относящиеся к понятным для него. Поскольку эти понятия и концепции были чужды мне, попытки понять его учение так, как он его понимал, поставили меня в тупик. Поэтому моей первой задачей было определить его порядок изложения концепций... Работая в этом направлении, я заметил, что дон Хуан сам сделал особое ударение на определенную часть своего учения — использование галлюциногенных растений. На основе этого заключения я пересмотрел свою собственную схему категорий. Дон Хуан использовал в отдельности и в различных обстоятельствах три галлюциногенных растения: кактус (пейотль), дурман и грибы, вероятно.

Задолго до своего контакта с европейцами американские индейцы знали о галлюциногенных свойствах этих растений. Из-за своих свойств эти растения широко применялись для получения удовольствия, для лечения и для достижения состояния экстаза. Особую часть своего учения дон Хуан посвящал получению силы; силы, которую он называл *олли*. Он объяснял использование его для достижения мудрости или знания того, как правильно жить.

Дон Хуан понимал значение растений в их способности продуцировать состояния особого восприятия в человеческом существе. Он вводил меня в последовательное постижение этих стадий с целью развернуть и показать ценность своего знания. Я назвал их "состояния необычной реальности", имея в виду необычную реальность, которая противостоит нашей повседневной жизни. В контексте учения дона Хуана эти состояния рассматривались, как реальные, хотя их реальность была отделена от обычной.

Дон Хуан считал, что состояния необычной реальности были единственной формой прагматического учения и единственным способом достижения силы. Он упоминал, что все прочие пути его учения были случайными для достижения силы. Эта точка зрения определяла отношение дона Хуана ко всему, не связанному прямо с состоянием необычной реальности.

В моих полевых записках разбросаны замечания относительно того, что чувствовал дон Хуан. Например, в одном из разговоров он заметил, что некоторые предметы имеют в себе определенное количество силы; он сказал, что они часто использовались колдунами (брухо) низшего порядка; что сам он не испытывал особого уважения к предметам силы. Я часто спрашивал его о таких предметах, но он, казалось, был совершенно незаинтересован в обсуждении этого предмета. Когда на эту тему в другой раз зашла речь, он, однако, внезапно согласился рассказать о них.

— Есть определенные предметы, которые наделены силой, — сказал он. — есть масса таких предметов, которые используются могущественными людьми с помощью дружественных духов. Эти предметы-инструменты — не обычные инструменты, а инструменты смерти. Все же это только инструменты. У них нет силы учить. Правильно говоря, они относятся к категории предметов войны и предназначены для удара. Они созданы для того, чтобы убивать.

— Что это за предметы, дон Хуан?

— Они в реальности не предметы, скорее это разновидности силы.

— Как модно заполучить эти разновидности силы, дон Хуан?

— Это зависит от типа предмета, который нужен тебе.

— А какие они бывают?

— Я уже говорил, что их много. Все, что угодно, может быть предметом силы.

— Ну, а какие являются самыми сильными?

— Сила предмета зависит от его владельца, от того, каким человеком он является. Предметы силы, употребляемые низшими колдунами — почти что шутка; сильный же, мужественный, могущественный брухо дает свою силу своим инструментам.

— Какие предметы силы наиболее обычны тогда? Какие из них предпочитают большинство колдунов?

— Тут нет предпочтения. Все они предметы силы. Все одно и то же.

— Есть ли у тебя какие-нибудь, дон Хуан? — он не ответил, он просто смотрел на меня и смеялся. Долгое время он ничего не отвечал, и я подумал, что раздражаю его своими вопросами...

— Есть ограничения для этих типов силы, — продолжал он, — но я не уверен, что это будет тебе понятно. Я потратил чуть ли не всю жизнь, чтобы понять это: *олли* может открыть все секреты этих низших сил, показав, что это детские игрушки. Одно время у меня были инструменты подобного рода, я был очень молод.

— Какие предметы силы у тебя были?

— "Маис-пинто" — кристаллы и перья.

— Что такое "маис-пинто", дон Хуан?

— Это небольшой участок, вырост зерна, который имеет в своей середине язычок красного цвета.

— Это один единственный вырост?

— Нет, брухо владеет 48-ю выростами.

— Для чего эти выросты, дон Хуан?

— Любой из них может убить человека, войдя в его тело.

— Как вырост попадает в тело человека?

— Это предмет силы, и его силы заключаются, помимо всего прочего в том, что он входит в тело.

— Что он делает, когда войдет в тело?

— Он растворяется в теле, затем оседает в груди или на кишечнике.

Человек болеет и, за исключением тех случаев, когда брухо, который его лечит, сильнее, чем тот, который околдовал, он умрет через три месяца после того, как вырост вошел в его тело.

— Есть ли какой-нибудь способ вылечить его?

— Единственный способ — это высосать вырост из тела, но очень мало брухо осмеливаются делать это. Брухо может добиться успеха и высосать вырост, но, если он недостаточно могуществен, чтобы извергнуть его из себя, то этот вырост попадет в него самого и убьет его.

— Но каким образом вырост проникает в чье-либо тело?

— Чтобы объяснить тебе это, я должен объяснить тебе колдовство из зерен, которое является одним из самых сильных, какие я знаю. Колдовство делается двумя выростами. Один из них помещают внутрь бутона желтого цветка. Цветок затем помещают в такое место, где он войдет в контакт с жертвой; где тот ходит каждый день, или любое другое место, где он обычно бывает. Как только жертва наступит на вырост или коснется его как-либо, — колдовство исполнено, вырост растворится в теле.

— Что случится с выростом после того, как человек его коснется?

— Вся его сила уходит в человека, и вырост свободен. Это уже совсем иной вырост. Он может быть оставлен на месте колдовства или сметен прочь — не имеет значения. Лучше замести его под кусты, где птица подберет его.

— Может ли птица съесть его прежде, чем его коснулся человек?

— Нет, таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал очень сложную процедуру, путем которой эти выросты могут быть получены.

— Ты должен понимать, что "маис-пинто" — это лишь инструмент, но не *олли*, — сказал он. — Когда ты сделаешь для себя это разделение, у тебя не будет здесь проблем. Но если ты рассматриваешь такие инструменты, как совершенные, ты — дурак.

— Столь же сильны предметы силы, как *олли*? — спросил я.

Дон Хуан укоризненно рассмеялся, прежде, чем ответить. Казалось, что он очень старается быть терпеливым со мной.

— Кристаллы, "маис-пинто" и перья — просто игрушки по сравнению с *олли*. Это лишь трата времени — исследовать их, особенно для тебя. Ты должен стараться заполучить *олли*. Когда ты преуспеешь в этом, ты поймешь то, что я говорю тебе сейчас. Предметы силы, — это все равно, что игрушки для детей.

— Не пойми меня неверно, дон Хуан, — запротестовал я. — Я хочу иметь *олли*, но я также хочу знать все, что смогу. Ты сам говорил, что знание — это сила.

— Нет, — сказал он с чувством. — Сила покоится на том, какого вида знанием ты владеешь. Какой смысл от знания вещей, которые бесполезны?

В системе поверий дона Хуана процесс достижения *олли* означал, исключительно, эксплуатацию состояний необычной реальности, которые он продуцировал во мне при помощи галлюциногенных растений. Он считал, что фиксируя внимание на этих состояниях и опуская прочие аспекты знания, которому он учил, я подойду к стройному взгляду на те явления, которые я испытывал.

Поэтому я разделил эту книгу на две части. В первой части я даю выборки из моих полевых заметок, относящиеся к состояниям необычной реальности, которые я испытывал во время моего учения. Поэтому я расположил свои записки так, чтобы они давали непрерывность повествования, но они не всегда оказываются в правильном хронологическом порядке. Я никогда не записывал состояние необычной реальности ранее, чем через несколько дней после того, как испытывал его; я ждал до тех пор, пока мог писать спокойно и объективно. Однако, мои разговоры с доном Хуаном записывались по мере того, как они велись, сразу после каждого состояния необычной реальности. Поэтому, мои отчеты об этих разговорах иногда опережают описание самого опыта. Мои полевые записки описывают субъективную версию того, что я ощущал во время опыта. Эта версия излагается здесь точно так, как я излагал ее дону Хуану, который требовал полного и верного восстановления каждой детали и полного пересказа каждого опыта.

Во время записей этих опытов я добавил отдельные детали в попытке охватить состояние необычной реальности полностью. Мои полевые записки также освещают содержание верований дона Хуана.

Я сжал длинные страницы вопросов и ответов между доном Хуаном и мной для того, чтобы избежать возвратов разговоров в повторение. Но, поскольку я хочу также передать общее настроение наших разговоров, я сокращал лишь те диалоги, которые ничего не добавили к моему пониманию его пути знания.

Информация, которую дон Хуан давал мне о своем пути знания, всегда была спорадической, и на каждое высказывание с его стороны приходились часы моих расспросов. Тем не менее, было бесчисленное число случаев, когда он свободно раскрывал свое понимание.

Во второй части этой книги я даю структурный анализ, выведенный исключительно из материала, изложенного в первой части.

Часть первая. Учение.

1.

Мои заметки о моем первом занятии с доном Хуаном датированы 23 июля 1961 года. Это была та встреча, с которой началось учение... Я уже несколько раз встречался с ним до этого, но лишь в качестве наблюдателя.

При каждом удобном случае я просил учить меня о пейоте. Он каждый раз игнорировал мою просьбу, но никогда не отказывал наотрез, и я истолковывал его колебания, как возможность того, что он будет склонен поговорить со мной о своем знании.

В этот раз он дал мне понять, что согласится на мою просьбу, если я обладаю ясностью мысли и направленностью по отношению к тому, о чем прошу.

Для меня было невозможно выполнить это условие, так как моя просьба об обучении была лишь средством установить с ним тесную связь. Я считал, что его знакомство с этим предметом может его расположить к тому, что он будет более открыт и более склонен к разговорам и, тем самым, откроет для меня дверь к своему знанию о свойствах (качествах) растений. Он, однако, истолковал мою просьбу буквально и интересовался лишь моей устремленностью в желании учиться знанию о пейоте.

Пятница, 23 июня 1961 года.

- Ты будешь учить меня о пейоте, дон Хуан?
- Почему ты хочешь знать об этом?
- Я действительно хочу знать об этом. Разве просто хотеть знать — недостаточная причина?
- Нет, ты должен порыться в своем сердце и обнаружить, почему такой молодой человек, как ты, хочет поставить себе такую задачу учения.
- Почему ты учился этому сам, дон Хуан?
- Почему ты спрашиваешь об этом?
- Может, у нас обоих одна причина?
- Сомневаюсь в этом. Я индеец. У нас разные пути.
- Единственная причина — это то, что я хочу узнать об этом, просто, чтобы знать. Но уверяю тебя, дон Хуан, что у меня нет плохих намерений.
- Я верю тебе. Я курил о тебе.
- Что ты сказал?
- Это сейчас неважно. Я знаю твои намерения.
- Ты хочешь сказать, что видел сквозь меня?
- Ты можешь называть это так.
- Ну, а будешь ли ты учить меня?
- Нет.
- Это потому, что я не индеец?
- Нет, потому, что ты не знаешь своего сердца. Что важно, так это то, чтобы ты точно знал, почему хочешь связаться с этим. Учение о "мескалите" — крайне серьезно.

Воскресенье, 25 июня 1961 года.

В пятницу я весь день находился с доном Хуаном, собираясь уехать в семь часов вечера. Мы сидели на веранде перед его домом и я решился еще раз задать вопрос об его учении. Это уже был надоевший вопрос, и я ожидал получить отказ... Я спросил его, есть ли такой способ, при котором он мог бы принять просто мое желание, как если бы я был индеец. Он долго не отвечал. Я был вынужден ждать, так как он, казалось, пытался что-то решить. Наконец, он сказал, что способ есть и начал объяснения.

Он указал на то, что я устаю, когда сижу на полу и что мне следует найти "пятно" на полу, где я мог бы сидеть без усталости. Я сидел с поджатыми к подбородку коленями, обхватив ноги руками. Когда он сказал, что я устал, я понял, что спину мою ломит и что я совсем вымотан.

Я ожидал, что он объяснит мне, что это за "пятно", но он не делал этого. Я решил, что он думает, что мне нужно сменить положение тела, поэтому поднялся и пересел ближе к нему. Он запротестовал и подчеркнул, что "место" означает место, где человек может чувствовать себя естественно счастливым и сильным. Он похлопал по месту, где я сидел, и сказал, что это его собственное место и добавил, что он поставил передо мной задачу, которую я должен решить самостоятельно и немедленно.

То, что он имел в виду, было для меня загадкой. Я не имел представления ни с чего начать, ни даже что я должен делать.

Несколько раз я просил его дать хоть какое-то объяснение или хотя бы намек на то, с чего следует начинать поиски места, где я буду чувствовать себя счастливым и сильным. Я настаивал на объяснении, что он имеет в виду, так как ничего не понимал. Он предложил мне ходить по веранде, пока я не найду пятно.

Я поднялся и начал ходить по полу. Я чувствовал себя очень глупо и опять сел рядом с ним.

Он, казалось, был очень недоволен мной и обвинил меня в том, что я не слушаю его и сказал, что, по-видимому, я не хочу учиться. Через некоторое время, успокоившись, он объяснил мне, что не на каждом месте хорошо сидеть или находиться и что в пределах веранды было одно место уникальное, "пятно", на котором мне будет лучше всего. Моей задачей было выделить его среди всех остальных мест.

Основной чертой было то, что я должен "почувствовать" все возможные места, пока я без всяких сомнений смогу определить, которое место то, что нужно.

Я возразил, что, хотя веранда и не очень велика (4х 2.5м), возможных мест на ней масса и у меня займет очень много времени проверка их. И что, поскольку он не указал размеров пятна, то количество их возрастает до бесконечности. Но мои возражения пропали даром. Он поднялся и предупредил меня очень резко, что, может быть, у меня уйдут на это дни, но что, если я не решу проблему, то могу уезжать, так как ему будет нечего сказать мне. Он подчеркнул, что сам знает, где находится "мое" пятно, поэтому я не смогу ему солгать. Он сказал, что это единственный способ, при помощи которого он сможет принять мое желание учиться о мескалито, как достаточную причину. Он добавил, что в его мире ничего не было подарком и все, что есть в нем, чему можно учиться, изучается трудными путями. Он пошел в кусты за дом помочиться, потом вернулся прямо в дом через заднюю дверь.

Я думал, что задание найти определенное место счастья было просто его способом отделаться от меня. Однако, я поднялся и начал шагать туда-сюда по веранде. Небо было ясным, и я мог хорошо видеть, как на самой веранде, так и рядом с ней. Должно быть, я ходил около часа или более того, но ничего не случилось, что открыло бы мне местонахождение "пятна". Я устал шагать и сел. Через несколько минут я пересел на другое место, а затем на другое, пока таким полусистематическим образом не прошел весь пол. Я старательно старался "почувствовать" разницу между местами, но у меня не было критерия для различия. Я чувствовал, что напрасно трачу время, но оставался... Я оправдывал себя тем, что я приехал издалека лишь для того, чтобы встретиться с доном Хуаном, и мне действительно нечего больше делать.

Я лег на спину и положил руки за голову, как подушку. Потом перекатился на живот и полежал так немного. Я повторил такой процесс перекачивания по всему полу. В первый раз мне показалось, что я наткнулся хоть на какой-то критерий. Я почувствовал себя теплее, лежа на спине.

Я стал кататься опять, теперь в обратную сторону, полежал во всю длину пола лицом вниз там, где прежде я лежал на спине. Я испытывал то же самое ощущение тепла или холода в зависимости от того положения, в котором я лежал, но разницы между местами не было.

Затем мне пришла мысль, показавшаяся мне блестящей: место дона Хуана.

Я сел там и затем лег, сначала лицом вниз, а затем на спину, но и это место было совсем таким же, как и другие.

Я встал. С меня было довольно. Я хотел распрощаться с доном Хуаном, но мне было неудобно будить его. Я взглянул на свои часы. Было два часа ночи. Я катался по полу уже шесть часов.

В этот момент дон Хуан вышел и пошел вокруг дома в кусты чапаралья. Он вернулся и встал у двери. Я чувствовал себя совершенно отверженным, и мне хотелось сказать ему что-нибудь отвратительное и уехать. Но я сообразил, что это не его вина, что это был мой собственный выбор идти через всю эту чепуху. Я сказал ему, что побежден и, как идиот, катался всю ночь по его полу и все еще не вижу никакого смысла в загадке.

Он рассмеялся и сказал, что это его не удивляет, так как я не пользовался глазами. Это было верно, хотя я был слишком уверен в том, что мне нужно, по его словам, "почувствовать" разницу. Я сказал ему об этом, но он возразил, что глазами можно ощущать, когда не глядишь прямо на вещи.

Постольку, поскольку это касается меня, сказал он, то у меня нет другого средства решить эту задачу, как только использовать все, что у меня есть — мои глаза.

Он вошел внутрь, я был уверен, что он наблюдал за мной. Я думал, что иного способа у него не было узнать, что я не пользовался глазами.

Я снова начал кататься, так как такой метод поиска был самым удобным.

Однако, на этот раз я клал руки на подбородок и всматривался в каждую деталь. Через некоторое время темнота вокруг меня изменилась. Когда я фиксировал свой взгляд на точке, находящейся прямо перед моими глазами, то вся периферийная зона моего поля зрения становилась блестяще окрашенной зеленовато-желтым цветом. Эффект был поразительным. Я держал глаза фиксированными на точке прямо перед ними и начал ползти в сторону на животе, передвигаясь по 30 см за раз.

Внезапно, в точке, находящейся примерно на середине пола, я почувствовал перемену оттенка. В точке справа от меня, все еще на периферии поля зрения, зеленовато-желтый оттенок стал интенсивно пурпурным. Я сконцентрировал на этом свое внимание. Пурпурный цвет изменился на более бледный, но все еще блестящий и оставался таким постоянно, пока я держал на нем свое внимание. Я отметил место своим пиджаком и позвал дону Хуана. Он вышел на веранду. Я был очень возбужден.

Я действительно видел разницу в оттенках. Он, казалось, не был удивлен этим, но сказал мне, чтобы я сел на это место и описал, что я чувствую.

Я уселся, а затем лег на спину. Он стоял рядом и спрашивал меня, как я себя чувствую. Но я ничего не чувствовал особенного. Примерно в течение пятнадцати минут я пытался ощутить или увидеть разницу, в то время, как дон Хуан терпеливо стоял рядом. Я чувствовал какое-то отвращение. Во рту был металлический привкус. Внезапно у меня заболела голова. Появилось ощущение, что я заболел. Мысль о моем бессмысленном предприятии раздирала меня до ярости. Я поднялся.

Дон Хуан, видимо, заметил мое глубокое упадочное состояние. Он не смеялся, он сказал, что мне следует быть несгибаемым с самим собой, если я хочу учиться. Лишь два выхода есть у меня, сказал он. Или сдаться и ехать домой — и в этом случае я никогда не буду учиться — или же решить задачу.

Он вновь ушел в дом. Я хотел немедленно уехать, но был слишком усталым для этого. К тому же ощущение оттенков было столь поразительным, что я был уверен, что все же нашел разницу, а может быть, есть и еще какие-нибудь изменения, которые можно найти. Во всяком случае было слишком поздно, чтобы уезжать. Поэтому я сел, вытянув ноги, и начал все с начала.

На этот раз я быстро передвигался с места на место, минуя точку дон Хуана, до конца пола, затем развернулся, чтобы захватить внешнюю часть.

Когда я достиг центра, то понял, что произошло еще одно изменение в окраске, опять на краю поля моего зрения. Однообразный зеленовато-желтый оттенок, который я видел повсюду, превратился в одном месте, справа от меня, в яркий серо-зеленый. Какой-то момент этот оттенок держался, а затем внезапно изменился в другой постоянный оттенок, отличный от того, что я видел ранее. Я снял один ботинок и отметил эту точку. Я продолжал кататься, пока не покрыл пол во всех возможных направлениях. Больше никаких изменений окраски не было.

Я вернулся к точке, отмеченной ботинком, и осмотрел ее. Эта точка находилась в 1.5-2 метрах от той, что была отмечена пиджаком, в юго-восточном направлении. Рядом с ней был большой камень. Совсем ненадолго я присел рядом, пытаюсь найти отгадку, приглядываясь к каждой детали, но не чувствовал никакой разницы.

Я решил испытать другую точку. Быстро опустившись на колени, я собирался лечь на свой пиджак, когда почувствовал необычайное ощущение.

Это было скорее подобно физическому ощущению чего-то фактического давящего на меня, мой живот... Я вскочил и в один момент ретировался. Волосы на голове поднялись дыбом. Мои ноги выгнулись, туловище наклонилось вперед, и пальцы согнулись, как клешни. Я заметил свою странную позу и испугался еще больше.

Я невольно попятился и уселся рядом с моей туфлей. Я попытался сообразить, что же вызвало во мне такой испуг... Я подумал, что это, должно быть, усталость, которую я испытывал. Уже почти наступило утро. Я чувствовал себя глупо и неудобно. Однако же, я никак не мог понять, что меня испугало и никак не мог разумать, что хочет от меня дон Хуан.

Я решил предпринять последнюю попытку. Я поднялся и медленно приблизился к точке, отмеченной пиджаком, и опять почувствовал то же самое ощущение. На этот раз я сделал большое усилие, чтобы владеть собой. Я уселся, затем встал на колени, чтобы лечь на живот, но не смог этого сделать, несмотря на свое желание. Я опустил руки на пол перед собой. Мое дыхание убыстрилось. Желудок был беспокоен. Я испытывал ясное ощущение паники и старался не убежать прочь. Думая, что дон Хуан, возможно, наблюдает за мной, я медленно отполз на второе место и прислонился спиной к камню. Я хотел немного отдохнуть и привести в порядок свои мысли, но заснул.

Я услышал, как дон Хуан разговаривает и смеется, стоя над моей головой. Я проснулся.

— Ты нашел точку, — сказал он.

Сначала я не понял его, но он вновь сказал, что то место, где я заснул, и было лучшим местом. Он опять меня спросил, как я чувствовал себя, лежа там. Я сказал, что действительно не вижу никакой разницы.

Он попросил меня сравнить свое ощущение в этот момент с теми, которые были у меня на втором месте. В первый раз мне пришло в голову, что, пожалуй, я не смогу объяснить мои ощущения предыдущей ночью. Но по какой-то необъяснимой причине я действительно боялся второго места и не сел на него. Он заметил, что только дурак может не заметить разницы.

Я спросил, имеет ли каждое из этих двух мест свое название. Он сказал, что хорошее место называется "сиденье", а плохое зовут "врагом".

Он сказал, что эти два места были ключом к самочувствию человека, особенно такого человека, который ищет знания. Простой акт сидения на своем месте создает высшую силу, с другой стороны — "враг" ослабляет человека и даже может вызвать его смерть. Он сказал, что я восполнил свою энергию, обильно растраченную минувшей ночью тем, что прикорнул на своем месте.

Он сказал, что окраски, которые я видел в связи с каждым из этих мест, имеют то же общее действие, придавая силы или уменьшая их.

Я спросил его, есть ли для меня другие места, подобные тем двум, что я нашел, и как мне следует искать их. Он сказал, что в мире есть очень много мест, не похожих на эти два, и что лучший способ находить их — это замечая их соответствующие цвета.

Для меня осталось неясно, решил я задачу или нет в действительности, и я даже не был убежден, что проблема вообще была, я не мог избавиться от ощущения, что все это было натянуто и спорно. Я был уверен, что дон Хуан всю ночь следил за мной и затем стал шутить надо мной, говоря, что то место, где я заснул, было тем местом, которое я искал. И, однако же, я не мог найти логической причины для такого поступка, и когда он приказал мне сесть на второе место, я не смог этого сделать. Имелся странный пробел между моим прагматическим опытом боязни "второго места" и моими рациональными рассуждениями обо всем этом в целом.

Дон Хуан, с другой стороны, был очень убежден, что я добился успеха и, поступая согласно своему условию, уверил, что станет учить меня о пейоте.

— Ты просил учить тебя о мескалито, — сказал он. — Я хотел узнать, есть ли у тебя достаточно сил, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Мескалито — это нечто такое, над чем нельзя шутить. Ты должен уметь владеть своими ресурсами. Сейчас я знаю, что могу принять одно твое желание, как достаточную причину, чтобы тебя учить.

— Ты действительно собираешься учить меня о пейоте?

— Я предпочитаю называть его мескалито. Делай и ты так же.

— Когда ты собираешься начать?

— Это не так просто. Сначала ты должен быть готов.

- Я думаю, что готов.
- Это не шутка. Ты должен подождать, пока не останется сомнений, и тогда ты встретишься с ним.
- Мне следует подготовиться?
- Нет, тебе просто следует ждать. Ты сможешь отказаться от всей этой идеи через некоторое время. Ты легко устаешь. Прошлой ночью ты был готов сдаться, как только почувствовал трудность. Мескалито требует очень серьезного намерения.

2.

Понедельник, 7 августа 1961 года.

Я приехал к дому дона Хуана в Аризоне примерно в 7 часов вечера в пятницу. На веранде вместе с ним сидели еще пять индейцев. Я поздоровался с ними и сел, ожидая, что они что-нибудь скажут. После формального молчания один из мужчин поднялся, подошел ко мне и сказал:

— Добрый вечер.

Я поднялся и ответил:

— Добрый вечер.

Затем все остальные мужчины поднялись и подошли ко мне, и все мы пробормотали "добрый вечер" и пожали друг другу руки или просто трогая кончиками пальцев один другого, или подержав руку секунду и затем резко опуская ее.

Мы снова уселись. Они казались довольно застенчивыми из-за молчаливости, хотя все говорили по-испански.

Должно быть, около половины восьмого они все внезапно поднялись и пошли к задней половине дома. Никто не произнес ни слова в течение долгого времени. Дон Хуан сделал мне знак следовать за всеми, и мы забрались на старенький грузовичок, стоявший там. Я сел рядом с доном Хуаном и двумя другими молодыми мужчинами. Там не было ни сидений, ни скамеек, и железный пол был болезненно твердым, особенно, когда мы свернули с шоссе и поехали по грунтовой дороге. Дон Хуан прошептал, что мы едем к дому одного из его друзей, у которого есть для меня семь мескалито. Я спросил: — Разве у тебя самого ни одного нет?

— У меня есть, но я не могу предложить их тебе. Видишь ли, это должен сделать кто-либо другой.

— Скажи мне, почему?

— Может быть, ты неприемлем для "него" и "ему" ты не понравишься, и тогда ты никогда не сможешь узнать "его" с тем почтением, какое нужно, и наша дружба будет разрушена.

— Почему я мог бы не понравиться "ему", ведь я никогда "ему" ничего не сделал?

— Тебе и не нужно что-либо делать, чтобы ты понравился или не понравился. "Он" или принимает тебя, или отбрасывает прочь.

— Но если я не нравлюсь "ему", то могу я что-либо сделать, чтобы "он" меня полюбил?

Двое других мужчин, казалось, услышали мой вопрос и засмеялись.

— Нет. Я ничего не могу придумать, что тут можно сделать, — сказал дон Хуан. Он наполовину отвернулся от меня, и я больше не мог с ним разговаривать.

Мы ехали, должно быть, по меньшей мере, час, прежде, чем остановились перед маленьким домом. Было совсем темно, и после того, как водитель выключил фары, я мог разобрать лишь смутные контуры строения. Молодая женщина, судя по акценту, мексиканка, кричала на собаку, чтобы та перестала лаять. Мы вылезли из грузовика и вошли в дом.

Мужчины пробормотали "буэнос ночес", проходя мимо нее. Она ответила им тем же и продолжала кричать на собаку.

Комната была большая и забитая множеством вещей. Слабый свет от очень маленькой электрической лампочки освещал окружающее очень тускло. Тут было несколько стульев, со сломанными ножками и просиженными сиденьями, прислоненных к стене. Трое мужчин сели на диван, который был самым большим из всей мебели в комнате. Он был очень стар и продавлен с самого пола. В тусклом свете он казался красным и грязным. В течение долгого времени мы сидели молча.

Один из мужчин внезапно поднялся и вышел в другую комнату. Он был лет пятидесяти, темный, высокий. Момент спустя он вернулся с кофейником. Он открыл крышку и вручил кофейник мне; внутри было семь странно выглядящих предметов. Они различались по размеру и форме. Некоторые были почти круглыми, другие — продолговатыми. Наощупь они походили на пасту из земляного ореха (национальное лакомство в США) или на поверхность пробки.

Коричневая окраска заставляла их выглядеть наподобие твердой сухой ореховой скорлупы. Я вертел их в руках, щупал их поверхность в течение некоторого времени.

— Это надо жевать, — сказал дон Хуан шепотом.

Пока он не заговорил, я не замечал, что он сел рядом со мной. Я взглянул на других мужчин, но никто не смотрел на меня. Они разговаривали между собой очень тихими голосами. Это был момент острой нерешительности и страха. Я чувствовал, что почти не могу собой владеть.

— Мне нужно выйти в туалет, — сказал я дону Хуану, — я выйду и пройду.

Он вручил мне кофейник, и я положил туда таблетки пейота. Когда я выходил из комнаты, мужчина, давший мне кофейник, встал, подошел ко мне и сказал, что туалет в соседней комнате. Туалет был почти напротив двери.

Рядом с ним и почти касаясь его, стояла большая кровать, занимавшая чуть ли не полкомнаты. На ней спала женщина. Я некоторое время стоял неподвижно у двери, а затем вернулся в комнату, где были остальные мужчины. Человек — владелец дома, заговорил со мной по-английски.

— Дон Хуан сказал, что вы из Южной Америки. Есть ли там мескалиты?

Я сказал ему, что даже не слышал об этом. Они, казалось, интересовались Южной Америкой, и мы некоторое время говорили об индейцах.

Затем один из них спросил меня, почему я хочу принимать пейот. Я сказал, что хочу узнать, что это такое. Они все застенчиво засмеялись.

Дон Хуан мягко подтолкнул меня: "жуй, жуй". Мои ладони были влажными и живот напряжен. Кофейник с таблетками пейота был на полу около стула. Я наклонился, взял одну наугад и положил ее в рот.

Она имела затхлый привкус. Я раскусил ее пополам и начал жевать один из кусочков. Я почувствовал сильную вяжущую горечь: через момент весь рот у меня онемел. Горечь усиливалась по мере того, как я продолжал жевать, борясь с невероятным потоком слюны. Мои десны и внутренняя поверхность рта чувствовали, как будто я ем соленое сухое мясо или рыбу, которая, казалось, вынуждает жевать еще больше. Спустя немного времени, я разжевал вторую половину, и мой рот так онемел, что я перестал чувствовать горечь.

Таблетка пейота была куском волокон, подобно волокнистой части апельсина, или вроде сахарного тростника, и я не знал, проглотить ли эти волокна или выплюнуть их.

В этот момент хозяин дома поднялся и пригласил всех выйти на веранду.

Мы вышли и сели в темноте. Снаружи было очень удобно, и хозяин принес бутылку текилы. Мужчины сидели в ряд, спиной к спине. Я был крайним справа. Дон Хуан, который был рядом со мной, поместил кофейник с таблетками пейота у меня между ног. Затем он дал мне бутылку, которая передавалась по кругу, и сказал, чтобы я отхлебнул немного текилы, чтобы смыть горечь.

Я выплюнул остатки первой таблетки и взял в рот немного напитка. Он сказал, чтобы я не глотал его, но только пополоскал во рту, чтобы оставить слюну. Со слюной это помогло мало, но горечь действительно уменьшилась.

Дон Хуан дал мне кусочек сухого абрикоса, а, может, это была сухая фи́га — я не мог разглядеть в темноте и не мог разобрать вкус, — и велел разжевать ее основательно и медленно, не торопясь. Я имел затруднения в глотании. Казалось, что проглоченное не пойдет вниз.

Через некоторое время бутылка снова пошла по кругу. Дон Хуан дал мне кусок волокнистого сухого мяса. Я сказал, что не хочу есть.

— Это не еда, — сказал он твердо.

Процедура повторялась шесть раз. Я помню, что разжевал уже шесть таблеток пейота, когда разговор стал очень оживленным, хотя я не мог понять, на каком языке говорят, тема разговора, в котором все участвовали, была очень интересной, и я старался слушать внимательно, чтобы самому принять участие. Но когда я попытался говорить, то понял, что не могу.

Слова бесцельно крутились у меня во рту.

Я сидел, опершись спиной о стену, и слушал то, что говорилось. Они разговаривали по-итальянски и вновь и вновь повторяли одну и ту же фразу о глупости акул. Я думал, что это была логически стройная тема. Я уже раньше говорил дону Хуану, что река Колорадо в Аризоне

ранними испанцами была названа "эль рио де лас тисонес" (река затопленного леса), но кто-то прочитал или произнес неправильно "тисонес", и река была названа "эль рио де лас тибуронес" (река акул). Я был уверен, что все обсуждали эту историю, и мне не приходило в голову подумать, что никто из них не говорит по-итальянски.

Я очень хотел подняться, но не помню, сделал ли я это. Я попросил кого-то дать мне воды. Я испытывал невыносимую жажду.

Дон Хуан принес мне большую соусницу. Он поставил ее на землю у стены. Он также принес маленькую чашку или банку. Он зачерпнул ею из соусницы и вручил мне, сказав, что я не могу пить, но должен лишь прополоскать во рту, чтобы освежить его.

Вода выглядела странно сверкающей, стеклянистой, как тонкая слюда. Я хотел спросить дона Хуана об этом, и старательно пытался выразить свои мысли на английском, когда вспомнил, что он не говорит по-английски.

Я испытал очень затруднительный момент, когда понял, что в голове совершенно ясные мысли, но говорить я не могу. Я хотел высказаться о странном качестве воды, но то, что последовало, совершенно не было речью.

Я ощущал, что мои невысказанные мысли выходили у меня изо рта в жидком виде. Было ощущение рвоты без усилий и без сокращения диафрагмы. Это был приятный поток жидких слов.

Я попил, и чувство, что меня рвет, исчезло. К тому времени все звуки исчезли, и я обнаружил, что мне трудно фокусировать свои глаза. Я взглянул на дона Хуана и, когда повернул голову, то увидел, что мое поле зрения уменьшилось до круглого участка прямо перед моими глазами. Чувство не было пугающим и не было неприятным, наоборот — это была новость. Я мог буквально сканировать землю, остановив свой взгляд на любой точке и поворачивая затем голову, в любом направлении. Когда я впервые вышел на веранду, то заметил, что было совсем темно, за исключением далекого зарева огня города. И, однако, в круге моего зрения все было ясно видно. Я забыл о доне Хуане и о других людях и полностью отдался обследованию земли лучом моего зрения. Я увидел соединение поля веранды со стеной. Я медленно повернул голову правее, следуя за стеной, и увидел дона Хуана, сидевшего около нее. Я сместил голову влево, чтобы посмотреть на воду. Я увидел дно соусницы; я медленно приподнял голову и увидел среднего размера собаку, черную, приближавшуюся к воде. Собака начала пить. Я поднял руку, чтобы прогнать ее от моей воды. Чтобы выполнить это движение, я сфокусировал взгляд на собаке и внезапно увидел, что собака стала прозрачной. Вода была сияющей прозрачной жидкостью. Я видел, как она идет по горлу собаки в ее тело; я видел, как затем вода равномерно растекается по всему ее телу и затем изливается через каждый из волосков. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому из волосков и затем выходит из волосков, образуя длинный шелковистый ореол.

В этот момент я ощутил сильные конвульсии, и через пару секунд вокруг меня сформировался очень низкий и узкий туннель, твердый и странно холодный. На ощупь, он был как бы из листовой жести. Я оказался сидящим на полу туннеля. Я попытался встать, но ушиб голову об железный потолок, а туннель сжался до того, что я стал задыхаться. Я помню, как пополз к круглому отверстию, где туннель кончался; когда я до него добрался (если добрался), я уже совсем забыл о собаке, о доне Хуане и о себе самом, я был измучен, моя одежда была мокрой от холодной липкой жидкости... Я метался взад и вперед, пытаюсь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором у меня перестанет так быстро биться сердце. При одном из этих передвижений я вновь увидел собаку.

Моя память тут же вернулась ко мне, и внезапно в мозгу у меня прояснилось. Я оглянулся, чтобы увидеть дона Хуана, но не мог различить никого и ничего. Все, что я мог видеть, так это собаку, которая становилась светящейся. Сильный свет исходил из ее тела. Я опять увидел, как вода текла по нему, освещая все, как костер. Я добрался до воды, опустил лицо в соусницу и пил вместе с собакой. Мои руки упирались в землю передо мной, и когда я пил, я видел, как жидкость течет по венам, испуская красные, желтые и зеленые оттенки. Я пил еще и еще. Я пил, пока весь не начал полыхать. Я пил, пока жидкость не начала изливаться из моего тела через каждую пору и не стала выливаться наружу, подобно шелковым волокнам, и я также обрел длинный, светящийся переливающийся ореол. Я посмотрел на собаку, и ее ореол был таким же, как и мой. Большая радость наполнила мое тело, и мы вместе побежали в направлении какого-то желтого тепла, исходящего из какого-то неопределенного места. И там мы стали играть. Мы играли с псом и боролись, пока я не стал знать все его желания, а он все мои. Мы по очереди управляли друг другом, как в театре марионеток. Я мог заставить его двигать ногами тем, что покручивал своей ступней, а каждый раз, когда он кивал головой, я чувствовал неодолимое желание прыгать. Но его коронным номером было заставлять меня чесать голову себе ногой, когда я сидел, он добивался этого, хлопая ушами сбоку набок. Это действие было для меня совершенно невыносимо

забавным. Такой штрих грации и иронии, такое мастерство, — думал я. Веселость, которая мной овладела, была неопиcуемой. Я смеялся до тех пор, пока становилось совсем невозможно дышать.

Я имел ясное ощущение того, что не могу открыть глаза. Я глядел через толщу воды. Это было длительное и очень болезненное состояние, будто уже проснулся, но не можешь никак пробудиться. Мое поле зрения стало снова очень круглым и широким, и вместе с тем пришло первое обычное сознательное действие, состоящее в том, что я оглянулся и взглянул на это чудесное существо. Я тут я столкнулся с очень трудным переходом. Переход от моего нормального состояния прошел для меня почти незаметно; я был в сознании, мои мысли и чувства были критериями этого: переход был гладок и ясен.

Но эта вторая фаза, пробуждение к серьезному, трезвому состоянию, была поистине потрясающей. Я забыл, что я был человек. Печаль от такого неповторимого состояния была столь велика, что я заплакал.

Суббота, 5 августа 1961 года.

Позднее, тем утром, после завтрака, хозяин дома, дон Хуан и я поехали к дому дона Хуана. Я был очень усталым, но не мог заснуть в грузовике.

Лишь когда тот человек уехал, я заснул на веранде дона Хуана.

Когда я проснулся, было темно, дон Хуан накрыл меня одеялом. Я искал его, но в доме его не было. Дон пришел позднее с котелком жареных бобов и стопкой лепешек. Я был исключительно голоден. После того, как мы кончили есть и отдыхали, он попросил меня рассказать ему все, что со мной случилось предыдущей ночью. Я пересказал ему испытанное мной с подробными деталями и так аккуратно, как только было возможно. Когда я закончил, он кивнул головой и сказал: — Я думаю, с тобой все хорошо. Мне сейчас трудно объяснить, как и почему. Но я думаю, что для тебя все прошло в порядке. Видишь, иногда он игрив, как ребенок, в другое время он ужасен, устрашающ. Он или шутит, или же предельно серьезен. Невозможно сказать заранее, каким он будет с другим человеком. И, однако, когда его знаешь хорошо — то иногда можно. Ты играл с ним этой ночью. Ты единственный из тех, кого я знаю, у кого была такая встреча.

— В чем же испытанное мною отличается от того, что испытали другие?

— Ты не индеец, поэтому мне трудно описать, что есть что, и, однако же, он или принимает людей, или отталкивает их, независимо от того, индейцы они или нет. Это я знаю. Я видел много таких. Я знаю также, что он шутит и заставляет многих смеяться, но никогда я не видел, чтобы он играл с кем-нибудь.

— Ты мне теперь не скажешь, дон Хуан, как пейот защищает?

Он не дал мне закончить. Он живо тронул меня за плечо.

— Никогда не называй его так. Ты еще недостаточно видел его, чтобы его знать.

— Как мескалито защищает людей?

— Он советует. Он отвечает на все вопросы, какие ему заданы.

— Значит, мескалито реален? Я имею в виду, что он что-то такое, что можно видеть?

Он, казалось, был ошарашен моим вопросом. Он взглянул на меня с каким-то вопрошающим выражением.

— Я хочу знать, что мескалито...

— Я слышал, что ты сказал. Разве ты не видел его прошлой ночью?

Я хотел сказать, что видел лишь собаку, но заметил его озадаченный взгляд.

— Так ты думаешь, что то, что я видел прошлой ночью, было им?

Он взглянул на меня с участием. Он усмехнулся, покачал головой, как если бы я не мог поверить этому, и очень проникновенным тоном сказал: — Не говори мне, что ты считаешь, что это была твоя... мама?

Он приостановился, говоря "мама", так как то, что он хотел сказать, было "ту чиндара мадрэ" — идиома, используемая, как неуважительный намек на мать другого. Слово "мама" было так неподходяще, что мы оба долго смеялись. Потом я понял, что он заснул и не ответил на мой вопрос.

Воскресенье, 6 августа 1961 года.

Я отвез дона Хуана к дому, где я принимал пейот. По дороге он сказал мне, что имя человека, "который представил меня мескалито" — Джон. Когда мы подъехали к дому, мы обнаружили Джона сидящим на веранде с двумя молодыми людьми. Все они были в исключительно хорошем настроении. Они смеялись и разговаривали очень непринужденно. Трое говорили по-английски в совершенстве. Я сказал Джону, что приехал поблагодарить его за оказанную мне помощь.

Я хотел узнать их мнение о своем поведении во время галлюциногенного опыта, и сказал им, что я пытался думать о том, что я делал предыдущей ночью, но не мог вспомнить. Они смеялись и были нерасположены говорить об этом. Они, казалось, сдерживались из-за присутствия дона Хуана. Они все поглядывали на него, как бы ожидая утвердительного знака, чтобы поговорить. Дон Хуан, видимо, дал им такой знак, хотя я ничего не заметил, потому что Джон начал внезапно рассказывать о том, что я делал прошлой ночью.

Он сказал, что знал о том, что я был "взят", когда услышал, что я стал пукать. Он утверждал, что я пукнул 30 раз. Дон Хуан поправил его, что не 30, а только десять.

Джон продолжал: — Когда мы все подвинулись к тебе, ты был застывшим и у тебя была конвульсия. Очень долгое время, лежа на спине, ты двигал ртом, как будто говоришь. Затем ты начал стучать головой об пол, и дон Хуан надел тебе на голову старую шляпу. И ты это прекратил: ты дрожал и вздрагивал, часами лежа на полу. Я думал, что тогда все заснули. Но я слышал сквозь сон, как ты пыхтел и стонал. Затем я слышал, как ты вскрикнул, и проснулся. Увидел, как ты, вскрикивая, подпрыгиваешь в воздух. Ты сделал бросок к воде, перевернул посудину и стал барахтаться в луже.

Дон Хуан принес тебе еще воды. Ты сидел спокойно перед соусницей.

Затем ты подпрыгнул и снял с себя всю одежду. Ты встал на колени перед водой и начал пить большими глотками. Затем ты просто сидел и смотрел в пространство.

Мы думали, что ты будешь сидеть так все остальное время. Почти все, включая дона Хуана, заснули, когда ты с воем вскочил и погнался за собакой. Собака испугалась и завывала тоже, и побежала к задней половине дома. Тогда все проснулись.

Мы все поднялись. Ты вернулся с другой стороны дома, все еще преследуя собаку. Собака бежала перед тобой, лая и завывая. Я думаю, ты вероятно, двадцать раз обежал дом кругами, лая, как собака. Я боялся, что соседи заинтересуются. Здесь близко нет соседей, но твои завывания были так громки, что их можно было слышать за версту.

— Ты поймал собаку и принес ее на веранду на руках.

Джон продолжал: — Затем ты стал играть с собакой. Ты боролся с ней и вы кусали друг друга и играли. Мне кажется, было забавно. Моя собака обычно не играет. Но на этот раз ты и собака катались друг через друга и друг на друге.

— Затем ты побежал к воде, и собака пила вместе с тобой, — сказал молодой человек.

— Ты пять или шесть раз бегал к воде с собакой.

— Как долго это продолжалось? — спросил я.

— Часы, — ответил Джон. — один раз мы потеряли обоих из виду. Я думал, что ты побежал за дом. Мы только слышали, как ты лаял и визжал. Ты лаял так похоже на собаку, что мы не могли вас отличить.

— Может, это была одна лишь собака, — сказал я.

Они засмеялись, и Джон сказал.

— Нет, парень, лаял ты.

— А что было потом?

Все трое смотрели друг на друга и, казалось, были в затруднении, вспоминая, что было потом. Наконец, молодой человек, который до этого молчал, сказал: — Он поперхнулся, — и посмотрел на дона Хуана.

— Да, ты, наверное, поперхнулся. Ты начал очень странно плакать и затем упал на пол. Мы думали, что ты откусываешь себе язык. Дон Хуан разжал тебе челюсти и плеснул на лицо воды. Тогда ты начал дрожать, и по всему телу у тебя опять пошла конвульсия. Затем ты долгое время оставался неподвижным. Дон Хуан сказал, что все закончилось. Но к этому времени уже настало утро, и мы, укрыв тебя одеялом, оставили спать на веранде.

Тут он остановился и взглянул на остальных, которые, казалось, сдерживают смех. Он повернулся к дону Хуану и спросил его о чем-то. Дон Хуан улыбнулся и ответил на вопрос.

— Дон Хуан повернулся ко мне и сказал: — Мы оставили тебя на веранде, так как опасались, что ты начнешь писать по всем комнатам.

Все они громко рассмеялись.

— Что со мной было? — спросил я. — разве я...

— Разве ты? — Джон передразнил меня. — мы не собирались об этом говорить, но дон Хуан сказал, что все в порядке. Ты описал мою собаку.

— Что я делал?

— Ты ж не думаешь, что собака бегала от тебя потому, что боялась тебя? Собака убегала, потому что ты ссал на нее.

Все захохотали. Я пытался спросить одного из молодых людей, но все они смеялись, и он не слышал меня. Джон продолжал: — Мой пес также не остался в долгу. Он тоже ссал на тебя.

Это заявление, видимо, было совершенно смешным, так как все так и покатались со смеху, включая дону Хуана. Когда они успокоились, я спросил со всей серьезностью: — Это правда? Это действительно было?

Все еще смеясь, Джон ответил: — Клянусь тебе, моя собака действительно на тебя ссала.

По дороге обратно к дому дона Хуана я спросил его: — Это действительно все случилось, дон Хуан?

— Да, — сказал он, — но они не знают того, что ты видел. Они не понимают, что ты играл с ним. Вот почему я не беспокоил тебя.

— Но разве все это дело со мной и собакой, писающими друг на друга — правда?

— Да это была не собака. Сколько раз мне нужно говорить тебе это? Это единственный способ понять. Единственный способ. Это был "он", тот, кто играл с тобой.

— Знал ли ты, что все это происходит, прежде, чем я сказал тебе об этом?

Он запнулся на момент, прежде чем ответить.

— Нет, я вспомнил после того, как ты мне все рассказал, страшный вид, который ты имел. Я просто подозревал, что с тобой все хорошо, потому что ты не был испуган.

— Собака действительно играла со мной так, как говорят?

— Проклятье! Это была не собака.

Четверг, 17 августа 1961 года.

Я рассказал дону Хуану, что я чувствую по поводу моего опыта. С точки зрения той работы, которую я планировал, это было катастрофическое событие. Я сказал, что и думать не хочу о повторной встрече с "мескалито".

Я согласился, что все, что произошло, уже произошло, но добавил, что это не может меня подтолкнуть к тому, чтобы искать новую встречу. Я серьезно считал, что непригоден для предприятий такого рода.

Пейот создал во мне, как постреакцию, странного рода физическое неудобство. Это был неопределенный страх или беспокойство, какую-то меланхолию, качества которой я не мог точно определить. Я ни в коем случае не находил такое состояние благородным.

Дон Хуан засмеялся и сказал: — Ты начинаешь учиться.

— Учение такого рода не для меня. Я не создан для него, дон Хуан.

— Ты всегда преувеличиваешь.

— Это не преувеличение.

— Нет, это так. Единственный плохой момент это то, что ты преувеличиваешь лишь худые стороны.

— Тут нет хороших сторон, насколько это касается меня. Все, что я знаю, так это то, что это меня пугает.

Я еще немного протестовал, пытаюсь разубедить его. Но он, казалось, был убежден, что мне больше ничего не осталось делать, как учиться.

— Ты не в том порядке думаешь, — сказал он. — мескалито действительно играл с тобой. Об этом следует подумать. Почему ты не кайфуешь на этом вместо того, чтобы кайфовать на собственном страхе.

— Разве это было так уж необычно?

— Ты единственный человек, которого я видел играющим с мескалитом. Ты не привык к жизни такого рода. Поэтому знаки прошли мимо тебя. И, однако же, ты серьезный человек, но твоя серьезность прикреплена к тому, что ты думаешь, а не к тому, что происходит вне тебя. Ты слишком много кайфуешь на самом себе. В этом беда. И это делает ужасную усталость.

— Но что еще можно делать, дон Хуан?

— Ищи и смотри на чудеса повсюду вокруг тебя. Ты устаешь от глядения на самого себя, и эта усталость делает тебя глухим и слепым повсюду ко всему остальному.

— Ты попал в точку, дон Хуан. Но как мне перемениться?

— Думай о чуде мескалитом, играющего с тобой. Не думай ни о чем другом. Остальное придет к тебе само.

Воскресенье, 20 августа 1961 года.

Прошлой ночью дон Хуан начал проталкивать меня в царство своего знания. Мы сидели перед его домом в темноте. Внезапно после долгого молчания он начал говорить. Он сказал, что собирается дать мне совет теми же словами, которыми воспользовался его бенефактор в первый день, когда он стал его учеником. Дон Хуан, видимо, запомнил наизусть эти слова, так как он повторил по несколько раз их, чтобы быть уверенным, что я не пропущу ни одного слова из них: — Человек идет к знанию так же, как он идет на войну, полностью проснувшись, со страхом, с уважением и с абсолютной уверенностью. Идти к знанию или идти на войну как бы то ни было иначе — является ошибкой. И тот, кто совершает ее, доживет до того, чтобы сожалеть о содеянных шагах.

Я спросил его, почему это так, и он ответил, что, когда человек выполняет эти условия, то для него не существует ошибок, с которыми ему придется считаться: при всех условиях его действия теряют бестолковый (мечущийся) характер действия дурака. Если такой человек терпит поражение, проигрывает, то он проигрывает только битву, и по этому поводу у него не будет начальных сожалений.

Затем он сказал, что собирается учить меня об *олли* тем самым способом, каким его учил учитель.

— *Олли*, — сказал он, — есть энергия, которую человек может внести в свою жизнь, чтобы она помогала ему, советовала ему и давала ему силы, необходимые для выполнения действий, будь они большие или малые, плохие или хорошие. *Олли* необходим для того, чтобы укрепить жизнь человека, направлять его поступки и укреплять его знание. Фактически, *олли* есть неоценимая помощь в познании. *Олли* позволит тебе видеть и понимать о вещах, о которых ни одно человеческое существо, вероятно, не просветит тебя.

— *Олли* — это что-то вроде сторожевого духа?

— Нет, это не сторож и не дух.

— Мескалитом — это твой *олли*?

— Нет, мескалитом — это энергия другого рода. Уникальная сила, защитник, учитель.

— Что делает мескалитом отличным от *олли*?

— Его нельзя приручить и использовать, как приручают и используют *олли*. Мескалитом вне тебя. Он показывается во многих формах тому, кто стоит перед ним, будь это колдун или деревенский мальчик. С другой стороны, для того, чтобы заполучить *олли*, требуется точнейшее учение и последовательность стадий или шагов, без малейшего отклонения. В мире много таких сил *олли*, но сам я знаком лишь с двумя из них, с тем, что в траве дьявола (местный вид дурмана) и с тем, что в "дымке" (особая курительная галлюциногенная смесь).

— Какого типа силой является *олли*?

— Это помощь. Я уже говорил тебе.

— Как она помогает?

— *Олли* — есть сила, способная вывести человека за границы его самого. Именно таким образом *олли* может осветить те вопросы, которые не может осветить никто из людей.

— Но мескалитом также выводит тебя за границы самого себя, разве это не делает его *олли*?

— Нет, мескалитом берет тебя из тебя самого для того, чтобы учить, *олли* выносит тебя, чтобы дать силу.

Я попросил объяснить этот момент более детально или описать разницу в действиях того и другого. Он долго смотрел на меня и расхохотался. Он сказал, что учение через разговор не

только никчемность, но и идиотизм, потому что учение является наиболее трудной задачей, какую может взять на себя человек.

Дон Хуан говорил с глубоким уважением о том, что мескалито является учителем правильного образа жизни. Я спросил его, как мескалито учит "правильному образу жизни", и дон Хуан ответил, что мескалито *показывает*, как жить.

— Как это он показывает? — спросил я.

— у него много способов показать это. Иногда он показывает это на своей руке или на камнях, или на деревьях, или прямо перед тобой.

— Это как картинки перед тобой?

— Нет. Это как учение перед тобой.

— Говорит ли мескалито с людьми?

— Да, но не словами.

— Как же тогда он говорит?

— Он с каждым говорит по-разному.

Я чувствовал, что мои вопросы надоедают ему, и больше не спрашивал.

Он продолжал объяснять, что нет точных шагов к мескалито, к тому, чтобы узнать его. Поэтому никто не может учить о нем, кроме самого мескалито.

Это качество делает его уникальной силой. Он не был одним и тем же для каждого человека. Достижение же *олли*, напротив, требует точного учения и следования стадиям без малейшего отклонения. Его собственный *олли* был в "дымке", сказал он, но не стал распространяться о природе дыма. Я спросил его об этом. Он промолчал.

Он попросил меня вспомнить время, когда я пытался найти мое место, и как я хотел это сделать, не выполняя никакой работы, потому что я ожидал, что он вручит мне эти сведения. Если бы он так поступил, сказал он, то я бы никогда не научился. Но осознание того, как трудно было найти свое место и, главное, осознание того, что оно существует, дает мне уникальное чувство уверенности. Он сказал, что пока я "привязан" к своему месту, ничего не может мне нанести физический вред потому, что я имею уверенность, что именно на этом месте мне лучше всего. Я имел силу отбросить прочь все, что могло бы быть вредным для меня. Если же, допустим, он рассказал бы мне, где это место находится, то я бы никогда не имел той уверенности, которая необходима для того, чтобы провозгласить это истинным знанием. Таким образом, знание действительно явилось силой.

Затем дон Хуан сказал, что каждый раз, когда человек отдается учению, ему приходится работать так же усердно, как работал я, чтобы найти свое место, и границы его учения определяются его собственной натурой. Таким образом, он не видел смысла в разговоре об учении. Он сказал, что некоторые виды учения были слишком могущественны для той силы, которую я имел, и говорить о них будет только вредно для меня. Он явно чувствовал, что больше тут нет ничего, что бы он готов сказать. Он поднялся и пошел к дому. Я сказал ему, что ситуация подавила меня. Это было не тем, что я воспринимал или, что я хотел в ней видеть.

Он сказал, что страхи естественны. Все мы испытываем их, и с этим ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, вне зависимости от того, каким устрашающим покажется учение, еще более страшно думать о человеке без *олли* и без знания.

3.

За более, чем два года, прошедшие с тех пор, как дон Хуан решил учить меня о силах *олли*, тогда, когда он решил, что я готов учиться о них в прагматической форме, которую он назвал учением, он постепенно обрисовал мне общие черты двух *олли*, о которых раньше шла речь.

Сначала он говорил о силах *олли* очень уклончиво. Первые замечания о них, которые я нашел в своих записях, перемежаются с другими темами разговора.

Пятница, 23 августа 1961 года.

— Трава дьявола была *олли* моего бенефактора, она могла бы быть и моим *олли* также, но я не любил ее.

— Почему тебе не нравилась "трава дьявола", дон Хуан?

— у нее есть серьезный недостаток.

— Она что, слабее, чем другие силы *олли*?

— Нет. Не понимай меня неверно. Она так же могущественна, как и лучшие из *олли*. Но в ней есть нечто, что мне лично не нравится.

— Можешь ты сказать мне, что это?

— Она сбивает (заслоняет) людей. Она дает им чувство силы слишком рано, не укрепив их сердце, и делает их доминирующими и непредсказуемыми.

Она делает их слабыми в самом центре их великой силы.

— Есть ли какой-нибудь способ избежать этого?

— Есть способ преодолеть это, но не избежать. Всякий, чьим становится *олли* дурмана, должен заплатить эту цену.

— Как можно преодолеть этот эффект, дон Хуан?

— "Трава дьявола" имеет четыре головы: корень, стебель с листьями, цветы и семена. Каждая из них различна, и всякий, чьим становится ее *олли*, должен учить о ней в этом порядке. Самая важная голова в корнях.

Сила травы дьявола покоряется через корень. Стебель и листья — это голова, которая лечит болезни; если ее правильно использовать, то эта голова может быть подарком для человечества. Третья голова — в цветах, и она используется для того, чтобы сводить людей с ума, или делать их послушными, или убивать их. Человек, у которого *олли* дурмана, никогда не принимает сам цветов, поэтому же он не принимает стебель и листья, за исключением тех случаев, когда у него самого есть болезнь, но корни и семена всегда принимаются, особенно семена, они являются четвертой головой "травы дьявола" и наиболее могущественной из всех четырех.

Мой бенефактор говорил, что семена — это "трезвая голова", единственная часть, которая может укреплять сердца людей. "Трава дьявола" сурова со своими протезе, говорил он обычно, потому что она стремится быстро убивать их, что она обычно и делает прежде, чем они доберутся до секретов "трезвой головы". Имеются, однако, рассказы о людях, которые распутали все секреты "трезвой головы". Что за вызов для человека знания?

— Твой бенефактор распутал все секреты?

— Нет, не распутал.

— Встречал ли ты кого-нибудь, кто это сделал?

— Нет. Но они жили в такое время, когда это знание было важно.

— Знаешь ли ты кого-нибудь, кто встречал таких людей?

— Нет, не знаю.

— Знал ли твой бенефактор кого-нибудь из них?

— Он знал.

— Почему он не добрался до секретов "трезвой головы"?

— Приручить "траву дьявола" в свое *олли* — одна из самых трудных задач, какие я знаю. Например, она никогда не становилась со мной одним целым, может быть, поэтому я никогда не любил ее.

— Можешь ли ты все еще использовать ее, как *олли*, несмотря на то, что она тебе не нравится?

— Я могу. Тем не менее, я предпочитаю не делать этого. Может, для тебя все будет иначе.

— Почему ее называют "травой дьявола"?

Дон Хуан сделал жест безразличия, пожал плечами и некоторое время молчал. Наконец, он сказал, что "трава дьявола" имеет и другие названия, но их нельзя использовать, потому что произнесение имени — дело серьезное, особенно, если учиться использовать силы *олли*.

Я спросил, почему назвать имя есть такое уж серьезное дело. Он сказал, что имена оставляют про запас, чтобы использовать их только, когда зовешь на помощь, в момент большого стресса и нужды, и он заверил меня, что раньше или позже такие моменты случаются в жизни любого, кто ищет знания.

Воскресенье, 3 сентября 1961 года.

Сегодня, после обеда дон Хуан принес с поля два растения дурмана.

Совершенно неожиданно он ввел в наш разговор тему о "траве дьявола" и затем позвал меня пойти с ним в поле вместе, чтобы поискать ее.

Мы доехали до ближайших гор. Я достал из багажника лопату и пошел в один из каньонов.

Некоторое время мы шли, прибираясь сквозь чапараль, который густо разросся на мягкой песчаной почве. Дон Хуан остановился рядом с небольшим растением с темно-зелеными листьями и большими беловатыми цветами.

— Это, — сказал он.

Он сразу же начал копать. Я попытался помочь ему, но он отказался энергичным движением головы, продолжая копать яму по кругу вокруг растения, яму в виде конуса, глубокую с внешнего края и горкой поднимающуюся в центре круга. Перестав копать, он опустил перед стеблем на колени, пальцами расчистил вокруг него мягкую землю, открыв примерно 10 см большого трубчатого раздвоенного корневища, чья толщина заметно отличалась от толщины стебля, который был сравнительно тонким.

Дон Хуан взглянул на меня и сказал, что растение — "самец", так как корень раздваивается как раз в той точке, где он соединяется со стеблем.

Затем он поднялся и пошел прочь, ища чего-то.

— Что ты ищешь, дон Хуан?

— Я хочу найти палку.

Я начал смотреть вокруг, но он остановил меня.

— Не ты. Ты садись вон там, — он указал на кучу камней, метров шесть в стороне. — я сам найду.

Через некоторое время он вернулся с длинной сухой веткой. Используя ее, как копалку, он осторожно расчистил землю вокруг двух ветвей корня. Он обнажил их на глубину примерно 60 см. Когда он стал копать глубже, почва стала такой плотной, что было практически невозможно пробить ее палкой.

Он остановился и сел передохнуть. Я подсел к нему. Долгое время он молчал.

— Почему ты не выкопаешь его лопатой?

— Она может порезать и поранить растение. Я должен был найти палку принадлежащую, этому месту, затем, чтобы, если я ударю корень, растение не было бы таким плохим, как от лопаты или от постороннего предмета.

— Что за палку ты нашел?

— Подходит любая палка дерева паловерде. Если нет сухой, приходится срезать свежую.

— Можно ли пользоваться веткой какого-нибудь другого дерева?

— Я сказал тебе — только паловерде и никакое другое.

— Почему это, дон Хуан?

— Потому что у "травы дьявола" очень мало друзей, и паловерде единственное дерево в этой местности, которое соглашается с ней.

Единственная вещь, которая хватается или цепляется за нее. Если ты поранишь корень лопатой, то "трава дьявола" не вырастет для тебя, когда ты ее пересадишь, но если ты поранишь корень такой палкой, то возможно, что растение даже не почувствует этого — Что ты будешь делать с корнем?

— Я собираюсь срезать его. Ты должен отойти. Пойди и найди другое растение и жди, пока я тебя не позову.

— Ты не хочешь, чтобы я тебе помог?

— Ты можешь мне помочь, только если я попрошу тебя об этом.

Я пошел прочь и стал высматривать другое такое растение для того, чтобы преодолеть сильное желание подкрасться и подсмотреть за ним. Через некоторое время он присоединился ко мне.

— Теперь поищем "самку", — сказал он.

— Как ты их различаешь?

— Самка выше и растет вверх, от земли, поэтому она выглядит, как маленькое деревце. Самец широкий, разрастается из земли и выглядит более, как густой куст (куст коки). Когда мы выкопаем самку, то ты увидишь, что она имеет единое корневище, которое идет довольно глубоко, прежде чем раздвоится. Самец, напротив, имеет раздвоенное корневище прямо от самого стебля.

Мы вместе осмотрели поле дурмана. Затем, указав на одно растение, он сказал: — Это самка.

И он начал выкапывать ее так же, как и первое растение. Как только он очистил корень, я смог увидеть, что он соответствует его предсказанию. Я опять покинул его, когда он был готов срезать корень.

Когда мы пришли к нему домой, он развязал узел, в который положил растения дурмана. Он взял более крупное, самца, первым и обмыл его в большом металлическом тазу. Очень осторожно он очистил почву с корня, стебля и листьев. После этой кропотливой чистки он отрезал корень от стебля, сделав поверхностный надрез по окружности в месте их соединения, используя короткий, зазубренный нож, и затем разломил их.

Он взял стебель и разложил все его части на отдельные кучки листьев, цветов и колючих семенных коробочек. Он отбрасывал все, что было сухим или испорченным червями, оставляя лишь целые части. Он связал вместе две ветви корня двумя бечевками, сломал их пополам, сделав поверхностный разрез в месте их соединения, и получил два куска корня нужного размера.

Затем он взял кусок грубой материи и поместил в нее сначала два куска корня, связанные вместе. На них он положил листья аккуратной пачкой, затем цветы, семена и стебель. Он сложил материал и связал в узел концы.

Он повторил все то же самое со вторым растением, самкой, за исключением того, что, дойдя до корня не разрезал ее, а оставил развилку целой, как перевернутую букву игрек. Затем он положил все части растения в другой матерчатый узел.

Когда он все это закончил, было уже темно.

Среда, 6 сентября 1961 года.

Сегодня, в конце дня мы вернулись к разговору о "траве дьявола".

— Я думаю, мы должны опять заняться этой травой, — внезапно сказал дон Хуан.

После вежливого молчания я спросил его: — Что ты собираешься делать с растениями?

— Растения, которые я выкопал и срезал — мои, — сказал он. — Это все равно, как если бы они были мной. С их помощью я собираюсь учить тебя пути приручения "травы дьявола".

— Как ты собираешься это делать?

— "Траву дьявола" делят на порции. Каждая из этих порций различна.

Каждая имеет свою уникальную службу и предназначение.

Он открыл свою левую руку и отмерил на полу расстояние от конца большого пальца до конца безымянного.

— Это моя порция. Ты будешь отмерять своей рукой. Теперь, чтобы установить доминирование над травой, ты должен начать с первой порции. Но, поскольку я привел тебя к ней, ты должен будешь принять первую порцию от м о е г о растения. Я отмерил ее для тебя, поэтому это порция, которую ты должен принять вначале, в действительности — моя.

Он вошел внутрь дома и вынес матерчатый сверток. Он сел и открыл его.

Я заметил, что это было мужское растение. Я заметил также, что там был лишь один кусок корня. Он взял этот кусок, который остался от первоначальных двух и подержал его перед моим лицом.

— Это твоя порция, — сказал он. — Я дам ее тебе. Я отрезал ее сам для тебя. Я отмерил ее, как свою собственную: теперь я даю ее тебе.

На секунду у меня мелькнула мысль, что я должен буду грызть ее, как морковку, но он положил ее внутрь маленького хлопчатобумажного мешка.

Он пошел к задней половине дома, сел там, скрестив ноги, и круглым пестом стал раздавливать корень внутри мешка. Плоский камень служил ему ступой. Время от времени он мыл оба камня и воду сохранял в небольшом плоском деревянном сосуде, долбленом. Работая, он пел неразборчивую песню очень мягко и монотонно. Когда он размозжил корень в мягкую кашу внутри мешка, он положил мешок в деревянный сосуд. Туда же он положил каменные ступу и пестик, наполнил сосуд водой и отнес его к забору, поставив внутри какой-то сараюшки, вроде свиного хлева.

Он сказал, что корень должен мокнуть всю ночь и должен быть оставлен вне дома, чтобы он схватил ночной ветер.

— Если завтра будет солнечный жаркий день, то это будет отличным знаком, — сказал он.

Воскресенье, 10 сентября 1961 года.

Четверг, 7 сентября, был очень ясным и жарким. Дон Хуан казался очень доволен хорошим знаком и несколько раз повторил, что "траве дьявола" я, видимо, нравлюсь. Корень мок всю ночь, и около десяти часов утра мы пошли к задней половине дома. Он взял сосуд из хлева, поставил его на землю и сел рядом с ним. Он взял мешок и потер его о дно сосуда. Он поднял его немного над водой и отжал вместе с содержимым, затем бросил мешок в воду.

Он повторил эту процедуру три раза. Затем отжал мешок и бросил его в хлеву, оставив сосуд на жарком солнце.

Спустя два часа мы опять пришли туда. Он принес с собой среднего размера чайник с кипящей желтоватой водой. Он очень осторожно наклонил сосуд и слил верхнюю воду, оставив густой осадок накопившийся на дне. Он вылил кипящую воду на осадок и опять поставил сосуд на солнце. Такая процедура повторялась три раза с интервалами более часа.

Наконец, он вылил большую часть воды, наклонил сосуд под таким углом, чтобы он освещался изнутри вечерним солнцем, и покинул его.

Когда через несколько часов мы вернулись, было уже темно, на дне сосуда был слой каучуковой субстанции. Она напоминала слой недоваренного крахмала, беловатый или светло-серый. Пожалуй, там была полная чайная ложка его. Я вынул кусочек почвы, который ветер набрасывал на осадок. Он засмеялся надо мной.

— Эти маленькие кусочки никому не могут повредить.

Когда закипела вода, он налил около чашки ее в сосуд. Это была та же самая вода, желтоватая, которой он пользовался раньше. Она растворила осадок, образовав раствор, похожий на молоко.

— Что это за вода, дон Хуан?

— Вода из фруктов и цветов того каньона.

Он вылил содержимое деревянного сосуда в старую глиняную чашку, похожую на цветочный горшок. Оно все еще было горячим, поэтому он дул, чтобы остудить его. Он попробовал его сам и затем протянул кружку мне.

— Пей теперь, — сказал он.

Я автоматически взял кружку и без размышления выпил всю воду. На вкус она была горьковата, хотя горечь была едва заметная. Что было очень заметно, так это пикантный вкус воды. Она пахла тараканами.

Почти тотчас я начал потеть. Я очень разогрелся, и кровь прилила у меня к голове. Я увидел перед глазами красное пятно и мышцы живота начали сокращаться у меня болезненными спазмами. Через некоторое время, хотя я уже совсем не чувствовал боли, мне стало холодно, и я буквально обливался потом.

Дон Хуан спросил, не вижу ли я черноты или черного пятна перед глазами. Я сказал ему, что вижу все в красном цвете.

Мои зубы стучали из-за неконтролируемой нервозности, которая накатывалась на меня волнами, как бы излучаясь из середины моей груди.

Затем он спросил, не боюсь ли я. Его вопросы казались мне не имеющими никакого значения. Я сказал ему, что я, очевидно, боюсь. Но он спросил меня опять, не боюсь ли я ее. Я не понимал, о чем он говорит, и сказал "да". Он засмеялся и сказал, что в действительности я не боюсь. Он спросил, продолжаю ли я видеть красное. Все, что я видел, так это громадное красное пятно перед моими глазами.

Через некоторое время я почувствовал себя лучше. Нервные спазмы постепенно прекратились, оставив лишь приятную усталость и сильное желание спать. Я не мог держать глаза открытыми, хотя все еще слышал голос дона Хуана. Я заснул. Мое ощущение погруженности в глубокий красный цвет оставалось всю ночь. Я даже видел сны красного цвета. Я проснулся в воскресенье около трех часов дня. Я проспал почти двое суток. У меня слегка болела голова, был неспокоен желудок, и были очень острые, перемещающиеся боли в кишечнике. За исключением этого, все остальное было как при обычном пробуждении. Я нашел дона Хуана, дремлющего перед своим домом. Он улыбнулся мне.

— Все прошло хорошо позапрошлым вечером, — сказал он. — Ты видел красный цвет, а это все, что было важно.

— Что было бы, если бы я не видел красного?

— Ты бы видел черное, а это плохой знак.

— Почему это плохо?

— Когда человек видит черное, то это значит, что он не создан для "травы дьявола". Его будет рвать черным и зеленым.

— Он умрет?

— Я не думаю, чтоб кто-либо умер, но он будет долгое время болеть.

— Что случится с теми, кто видит красное?

— Их не рвет, и корень дает им эффект приятного, и это значит, что они сильны и имеют насильственную натуру, то, что любит "трава дьявола".

Таким образом, она принимает. Единственный плохой момент в том, что люди кончают тем, что становятся рабами "травы дьявола", в обмен на силу, которую она дает им. Но это вопросы, над которыми мы не имеем контроля.

Человек живет только для того, чтобы учиться. И если он учится, так это потому, что такова природа его судьбы для хорошего или для плохого.

— Что мне надо делать дальше, дон Хуан?

— Теперь ты должен посадить отросток, который я отрезал от второй половины первой порции корня. Ты принял половину его позапрошлой ночью, и теперь вторая половина должна быть посажена в землю. Она должна вырасти и принести плоды прежде, чем ты сможешь предпринять действительные шаги к приручению ее.

— Как я буду приручать ее?

— "Трава дьявола" приручается только через корень. Шаг за шагом ты должен изучить все секреты корня каждой порции. Ты должен принимать их для того, чтобы изучить секреты и завоевать силу.

— Всякая порция приготавливается так же, как ты приготовил первую?

— Нет, каждая порция различна.

— Каков специфический эффект каждой порции?

— Я уже сказал, каждая порция учит разным формам силы. То, что ты принял позапрошлой ночью, было ничто. Каждый может это сделать. Но только брюхо может принимать более глубокие порции. Я не могу сказать тебе, что они делают, так как я еще не знаю, примет ли она тебя. Мы должны подождать.

— Когда же ты расскажешь мне?

— Как только первое растение вырастет и принесет плоды.

— Если первая порция может приниматься всеми, то для чего же она используется?

— В разведенном виде она хороша для любых дел человечества. Для стариков, которые потеряли жизненную силу, или для молодых людей, которые ищут приключения, или даже для женщин, которые хотят страсти.

— Ты сказал, что корень используется только для достижения силы, но я вижу, что он используется и для других целей, помимо силы. Прав ли я?

Он очень долго смотрел на меня пронизательным взглядом, который раздражал меня. Я чувствовал, что мой вопрос его рассердил, но не мог понять, почему.

— "Трава дьявола" используется только для достижения силы, — сказал он, наконец, сухим жестким тоном. — Человек, который хочет вернуть свою жизненную силу, молодые люди, которые ищут испытаний, голода и усталости, человек, который хочет убить другого человека, женщина, которая хочет разгореться страстью, — все они желают силу. И "трава дьявола" даст им ее.

Ты чувствуешь, что она тебе нравится? — спросил он после паузы.

— Я чувствую странный подъем сил, — сказал я, и это было правдой. Я заметил это еще при пробуждении, и это чувство сохранилось и потом. Это было очень выраженное ощущение неудобства и неусидчивости, все мое тело двигалось и вытягивалось с необычайной легкостью. Мои руки и ноги зудели, мои плечи, казалось, раздалились, мышцы моей спины и шеи вызвали желание потереться о деревья или потолкать их. Я чувствовал, что могу разрушить стену, если бодну ее.

Мы больше не разговаривали. Некоторое время мы сидели на веранде. Я заметил, что дон Хуан засыпает. Он несколько раз "клюнул носом", затем просто вытянул ноги, лег на пол, положил руки за голову и заснул.

Я поднялся и пошел за дом, где и сжег избыток энергии, очистив двор от мусора. Я запомнил, что когда-то он сказал мне, что был бы рад, если бы я помог ему убрать мусор.

Позднее, когда он проснулся и пришел за дом, я был более расслаблен.

Мы сели за еду, и в процессе еды он три раза спрашивал меня, как я себя чувствую. Поскольку это было редкостью, я, наконец, спросил: — Почему тебя заботит мое самочувствие, дон Хуан? Уж не ожидаешь ли ты, что у меня будет плохая реакция на то, что я выпил сок?

Он засмеялся. Я думал, что он действует, как проказливый мальчишка, который подстроил какую-то каверзу и время от времени проверяет, нет ли уже результата. Все еще смеясь, он сказал: — Ты не выглядишь больным. Совсем недавно ты даже говорил грубо со мной.

— Я не делал этого, — запротестовал я. — Я вообще не помню случая, чтобы я с тобой так разговаривал.

Я был очень уверен на этот счет, так как вообще не помнил, чтобы я когда-нибудь был раздражен доном Хуаном.

— Ты выступил в ее защиту, — сказал он.

— В чью защиту?

— Ты защищал "траву дьявола". Ты уже говорил, как влюбленный.

Я собирался еще более энергично протестовать против этого, но остановился.

— Я действительно не отдавал себе отчета, что защищаю ее.

— Конечно, не отдавал. Ты даже не помнишь того, что говорил, так?

— Нет, не помню. Признаю это.

— Вот видишь, "трава дьявола" такая. Она подбирается к тебе, как женщина, ты даже не замечаешь этого. Все, чему ты уделяешь внимание, так это тому, что дает хорошее самочувствие и силу: мышцы надуваются жизненной силой, кулаки чешутся, подошвы ног горят желанием затоптать кого-нибудь.

Когда человек знает ее, то он действительно становится полон ухищрений.

Мой бенефактор обычно говорил, что "трава дьявола" держит людей, которые хотят силы, и избавляется от тех, кто не умеет ею владеть. Но тогда сила была более обычна, ее искали более активно. Мой бенефактор был могущественным человеком и согласно тому, что он мне рассказывал, мой бенефактор был еще более одарен, в смысле преследования силы. Но в те дни было больше причин быть могущественным.

— Ты думаешь, что в наши дни нет причин для приобретения силы?

— Для тебя сейчас сила хороша. Ты молод. Ты не индеец. Возможно, трава дьявола будет доброй. Тебе она, как будто нравится. Она заставляет тебя чувствовать себя сильным. Я все это чувствовал и сам. И все же она мне не понравилась.

— Может ты сказать, почему, дон Хуан?

— Мне не нравится ее сила. Для нее больше нет применения. В другие времена, вроде тех, о которых рассказывал мне мой бенефактор, был смысл искать могущества. Люди делали феноменальные дела, их почитали за их силу, их боялись и уважали за их знание. Мой бенефактор рассказывал мне о поистине феноменальных делах, которые выполнялись давным-давно. Но теперь мы, индейцы, не ищем более этой силы. В наше время индейцы используют листья и цветы для других дел. Они даже говорят, что это лечит их нарывы.

Но они не ищут больше ее силы, силы, которая действует, как магнит, все более мощный и все более опасный для обращения, по мере того, как корень уводит нас все глубже в землю. Когда приходишь до глубины 4-х ярдов а говорят, некоторые люди это делают, то находишь трон постоянной силы, силы без конца. Очень редкие люди делали это в прошлом, и никто не делает этого теперь. Я говорю тебе, что сила "травы дьявола" мало помалу утратила интерес к себе. Я сам не ищу ее, и все ж, одно время, когда я был твоего возраста, я тоже чувствовал, как она разбухала внутри меня. Я чувствовал себя, как ты сегодня, но только в пятьсот раз сильнее. Я убил человека одним ударом руки. Я мог бросать валуны, огромные валуны, которые даже двадцать человек не могли поднять. Раз я подпрыгнул так высоко, что сорвал верхние листья с верхушек самых высоких деревьев. Но все это было не нужно. Все, что я делал — это пугало индейцев, только остальные, кто ничего не знал об этом, не верили этому. Они видели или сумасшедшего индейца, или что-то движущееся у вершин деревьев.

Мы долгое время молчали. Мне нужно было что-то сказать.

— Было совсем по-другому, когда были люди в мире, — продолжал он, — люди, которые знали, что человек может быть горным львом или птицей, или, что человек может просто летать. Так что я больше не использую "траву дьявола". Для чего? Чтобы пугать индейцев?

Я видел его печальным и глубокое сочувствие наполнило меня. Я хотел что-то сказать ему, даже если бы это была банальность.

— Дон Хуан, может быть, это судьба всех людей, которые хотят знать?

— Может быть, — сказал он спокойно.

23 ноября 1961 года.

Я не увидел дона Хуана сидящим на своей веранде, когда я подъехал. Я подумал, что это странно. Я громко позвал его, и его невестка вышла из дома.

— Он внутри, — сказала она.

Оказалось, что он несколько недель тому назад вывихнул себе щиколотку. Он сделал себе сам "гипсовую повязку", смочив полосы материи в кашеце, изготовленной из кактуса и толченой кости. Материя, туго обернутая вокруг щиколотки, высохла в легкий и гладкий панцирь. Повязка имела твердость гипсовой, но не имела ее громоздкости.

— Как это случилось? — спросил я.

Его невестка, мексиканка из Юкатана, которая за ним ухаживала, ответила мне: — Это был несчастный случай. Он упал и чуть не сломал себе ногу.

Дон Хуан засмеялся и подождал, пока женщина вышла из дома, прежде чем ответить.

— Несчастный случай, как бы не так. У меня есть враг поблизости.

Женщина, "Ла Каталина". Она толкнула меня в момент слабости, и я упал.

— Зачем она это сделала?

— Она хотела таким образом убить меня, вот зачем.

— Она была здесь, с тобой?

— Да.

— Но зачем ты позволил ей войти?

— Я не позволял. Она влетела.

— Извини, я не понял.

— Она — черный дрозд. И очень успешно. Я был застигнут врасплох. Она пыталась покончить со мной в течение долгого времени. В этот момент она действительно близко подошла.

— Ты сказал, что он — черный дрозд? Я имею в виду, что она, птица?

— Ну вот. Ты опять со своими вопросами. Она — черный дрозд. Точно так же, как я ворона. Кто я, человек или птица? Я человек, который знает, как становиться птицей. Но возвращаясь к "Ла каталине", она — враждебная ведьма. Ее намерение — убить меня, столь сильно, что я еле мог от нее отбиться. Черный дрозд ворвался прямо в мой дом, и я не смог остановить ее.

— Ты можешь стать птицей, дон Хуан?

— Да, но это нечто такое, к чему мы подойдем с тобой позднее.

— Почему она хочет убить тебя?

— О, это старые раздоры между нами. Она вышла из рамок, и теперь дело обстоит так, что мне следует покончить с ней прежде, чем она покончит со мной.

— Ты собираешься пользоваться колдовством? — спросил я с большой надеждой.

— Не будь глупым. Никакое колдовство на нее не подействует. У меня есть другие планы. Как-нибудь я расскажу тебе о них.

— Может ли твой *олли* защитить тебя от нее.

— Нет, дымок только говорит мне, что делать. А защитить себя должен я сам.

— А как насчет мескалито? Может он защитить тебя от нее?

— Нет, мескалито — учитель, а не сила, которую можно было бы использовать в личных целях.

— А как насчет "травы дьявола"?

— Я уже сказал, что должен защищаться, следуя указаниям своего *олли* — дымка. Настолько, насколько я знаю, дымок может сделать все.

Если ты хочешь узнать что бы то ни было в возникшем вопросе, то дымок тебе скажет. И он даст тебе не только знания, но и средства для проведения его в жизнь. Это самый чудесный *олли*, какого только может иметь человек.

— Является ли дымок более лучшим *олли* для каждого?

— Он не одинаков для каждого. Многие его боятся и не станут касаться его, даже приближаться к нему. Дымок, как и все остальное, не создан для всех нас.

— Какого рода дымок он собой представляет?

— Дымок волшебников.

В его голосе было заметное преклонение. То, чего я ни разу в нем не замечал.

— Я начну с того, что мой бенефактор сказал мне, когда начал учить меня об этом. Хотя в то время, так же, как и ты, я, пожалуй, не мог понять этого.

"Трава дьявола" — для тех, кто ищет силу. Дымок для тех, кто хочет наблюдать и видеть. И, по моему, дымок не имеет равных. Если однажды человек вступил в его владения, то любая другая сила оказывается под его командой. Это чудесно. Конечно, это потребует всей жизни. Уходят годы только на знакомство с его двумя жизненными частями: трубкой и курительной смесью. Трубка была дана мне моим бенефактором, и после столь долгого обращения с ней, она стала моей. Она выросла в мои руки. Передать ее в твои руки, например, будет действительно задачей для меня и большим достижением для тебя, если ты добьешься успеха. Трубка будет чувствовать напряжение от того, что ее держит кто-то другой; если один из нас сделает ошибку, то не будет никакого способа предотвратить то, что трубка сама по себе расколется или выскользнет своей силой из наших рук и разобьется, даже, если она упадет на кучу соломы. Если это когда-нибудь случится, это будет означать конец для нас обоих. В особенности для меня. Невероятными путями дымок обратится против меня.

— Как он может обратиться против тебя, если это твой *олли*?

Мой вопрос, казалось, прервал поток его мыслей. Долгое время он не отвечал.

— Трудность составных частей, — внезапно продолжил он, — делает курительную смесь одной из самых опасных субстанций, какие я знаю. Никто не может приготовить ее без того, чтобы не быть пораженным. Она смертельно ядовита для каждого, кроме протее дымка. Трубка и смесь требуют самой интимной заботы. И человек, пытающийся учиться, должен подготовить себя, ведя усердную, спокойную жизнь. Его действия столь ужасающи, что лишь очень сильный человек может выдержать даже небольшую затяжку. Все пугает и запутывает сначала, но каждая следующая затяжка проясняет вещи. И внезапно мир открывается заново. Невообразимо. Когда это случится, то дымок оказывается *олли* этого человека. Он открывает любые секреты, позволяя ему входить в неощутимые миры.

Это величайшее качество дымка. Это его величайший дар. Он выполняет такую функцию, не причиняя ни малейшего вреда. Я называю дымок истинным *олли*.

Как обычно, мы сидели перед его домом, где земляной пол всегда чист и хорошо утопан, внезапно он поднялся и вошел в дом. Через несколько минут он вернулся с узким свертком и снова уселся.

— Это моя трубка, — сказал он.

Он наклонился ко мне и показал мне трубку, которую было он вытащил из чехла, сделанного из зеленой парусины. Она была, пожалуй, 22-25 см длиной.

Чубук был из красного дерева. Он был гладким, без украшений. Чашечка трубки тоже, казалось, сделана была из дерева, но она была довольно громоздка по сравнению с тонким чубуком. Она была гладкая до блеска, темно-серого цвета, почти как каменный уголь.

Он подержал трубку перед моим лицом. Я думал, что он подает ее мне. Я протянул руку, чтобы взять ее, но он быстро отдернул свою руку обратно.

— Эта трубка была дана мне моим бенефактором, — сказал он, — в свою очередь я передам ее тебе. Но сначала ты должен знать ее. Каждый раз, когда ты будешь приезжать сюда, я буду давать ее тебе. Начнешь с прикосновения к ней. Держи ее очень немного сначала, пока ты и трубка не привыкнете друг к другу. Затем положи ее в свой карман или, может, за пазуху и, наконец, медленно и осторожно поднеси ее ко рту. Все это должно делаться мало-помалу. Когда связь установится, ты будешь курить из нее.

Если ты последуешь моему совету и не будешь спешить, то дымок может стать и твоим предпочитаемым *олли*.

Он вручил мне трубку, но не выпускал ее из своих рук. Я протянул правую руку.

— Обеими руками.

Я коснулся трубки на очень короткий момент обеими руками. Он не полностью протянул ее мне, так, что я не мог ее взять, а мог лишь коснуться ее. Затем он спрятал ее обратно.

— Первый шаг в том, чтобы полюбить трубку. Это требует времени.

— Может трубка невлюбить меня?

— Нет. Трубка не может невлюбить тебя, но ты должен научиться любить ее, чтобы к тому времени, когда ты будешь курить, трубка помогла бы тебе не бояться.

— Что ты куришь, дон Хуан?

— Это.

Он расстегнул воротник и показал скрытый под рубашкой небольшой мешочек, который висел у него на шее наподобие медальона. Он вынул его, развязал и очень осторожно отсыпал на ладонь немного содержимого.

Настолько, насколько я мог судить, смесь выглядела, как тонко натертые чайные листья, варьирующие по окраске от темно-коричневого до светло-зеленого с несколькими пятнышками ярко-желтого.

Он возвратил смесь в мешочек обратно, закрыл его, завязал ремнем и опять спрятал под рубашкой.

— Что это за смесь?

— Там масса вещей. Добыча всех составных частей — очень трудное предприятие. Нужно далеко путешествовать. Маленькие грибы, необходимые для приготовления смеси, растут только в определенное время года и только в определенных местах.

— У тебя есть разные виды смеси для разных видов помощи, в которой у тебя может быть нужда?

— Нет. Есть только дымок один, и нет другого, подобного ему. — он показал на мешочек, висевший на его груди, и поднял трубку, которая у него была зажата между колен.

— Эти двое — одно. Одно не может быть без другого. Эта трубка и секрет этой смеси принадлежали моему бенефактору. Они были переданы ему точно так же, как мой бенефактор передал их мне. Эта смесь, хотя ее и трудно приготовить, восполнима. Ее секрет лежит в ее составных частях и в способе их сбора и обработки. Трубка же — предмет на всю жизнь. За ней следует следить с бесконечной заботой. Она прочна и крепка. Но ее никогда не следует ни обо что ударять. Ее надо держать сухими руками. Никогда не братья за нее, если руки потные и пользоваться ею лишь находясь в одиночестве. И никто, абсолютно никто не должен видеть ее, разве что ты намерен ее передать этому человеку. Вот чему мой бенефактор учил меня. И именно так я обращался со своей трубкой всю мою жизнь.

— Что случится, если ты утратишь или сломаешь трубку?

— Я умру.

— Все трубки магов такие, как твоя?

— Не все имеют трубки, подобные моей, но я знаю некоторых, у кого они есть.

— Можешь ли ты сам сделать трубку, такую, как эта, дон Хуан? — настаивал я. — Предположим, что ты не имел бы ее. Как бы ты передал мне трубку, если бы ты хотел это сделать?

— Если бы у меня не было трубки, то я бы не мог; да и не захотел бы тебе ее передать. Я бы дал тебе взамен что-нибудь еще.

Казалось, что он почему-то мною недоволен. Он положил свою трубку очень осторожно в чехол, который, должно быть, имел вкладыш из мягкого материала, потому что трубка, которая входила в чехол, скользнула внутрь очень мягко. Он пошел в дом убирать трубку.

— Ты не сердись на меня, дон Хуан? — спросил я, когда он вернулся.

Он, казалось, удивился моему вопросу.

— Нет. Я никогда ни на кого не сержусь. Никто из людей не может сделать ничего достаточного и важного для этого. На людей сердись, когда чувствуешь, что их поступки важны. Ничего подобного я больше не чувствую.

26 декабря 1961 года.

Специальное время для пересадки "саженца", как дон Хуан называл корень, не было установлено, хотя предполагалось, что это будет следующий шаг в приручении силы растения.

Я прибыл в дом дона Хуана в субботу, 23 декабря, сразу после обеда.

Как обычно, мы некоторое время сидели в молчании. День был теплый и облачный. Прошли уже месяцы с тех пор, как он дал мне первую порцию.

— Время вернуть траву земле, — сказал он внезапно. — но сначала я собираюсь устроить защиту для тебя. Ты будешь держать ее и охранять ее, и никто, кроме тебя одного, не должен ее

видеть. Поскольку я собираюсь устанавливать ее, то я тоже увижу ее. Это нехорошо, потому что, как я уже говорил тебе, я не поклонник "травы дьявола", мы с тобой не одно и то же.

Но моя память долго не проживет, я слишком стар. Ты должен охранять ее от глаза других, на то время, пока длится их память об увиденном, сила защиты подпорчена. — Он пошел в свою комнату и вытащил три узла из-под старой соломенной циновки. Он вернулся на веранду и уселся.

После долгого молчания он открыл один узел. Это было женское растение дурмана, которое он нашел вместе со мной. Все листья, цветы и семенные коробочки, которые он сложил ранее, были сухими. Он взял длинный кусок корня в форме игрек и вновь завязал узел.

Корень высох и сморщился, и складки коры широко отставали и топорщились. Он положил корень к себе на колени, открыл свою кожаную сумку и вынул нож. Он держал корень сухой передо мной.

— Эта часть для головы, — сказал он и сделал первый надрез на хвосте игрека, который в перевернутом виде напоминал человека с расставленными ногами.

— Это для сердца, — сказал он и надрезал вблизи соединения игрека.

Затем он обрезал концы корня, оставил примерно по 7-8 см на каждом отростке. Затем медленно и терпеливо он вырезал фигурку человека.

Корень был сухой и волокнистый. Для того, чтобы вырезать из него, дон Хуан сделал два надреза, он разворошил и уложил волокна на глубину надрезов. Тем не менее, когда он перешел к деталям, то он придавал форму и кистям рук. Окончательным продуктом была вытянутая фигура человека со сложенными на груди руками и кистями рук, сплетенными в замок.

Дон Хуан поднялся и прошел в голубой агаве, которая росла перед домом рядом с верандой. Он взял твердый шип одного из центральных мясистых листьев, нагнул его и повернул 3-4 раза. Круговое движение почти отделило шип от листа. Он повис. Дон Хуан взял между зубами и выдернул. Шип вышел из мякоти листа, таща за собой хвост белых нитевидных волокон, сросшихся с деревянным шипом длиной около 60 см. Все еще держа шип между зубами, дон Хуан скрутил волокна вместе между ладонями и сделал шнур, который он обернул вокруг ног фигурки, чтобы свести их вместе. Он обматывал нижнюю часть фигурки, пока шнур весь не кончился. Затем очень ловко он приделал шип, как копье, к передней части фигурки, под сложенными руками так, что острый конец выступил из сцепленных ладоней. Он вновь использовал зубы и, осторожно потянув, вытащил почти весь шип. Он выглядел, как длинное копье, выступающее из груди фигурки. Не глядя больше на фигурку, дон Хуан положил ее в свою кожаную сумку. Казалось, усилия измучили его. Он растянулся на веранде и заснул.

Было уже темно, когда я проснулся. Мы поели из припасов, что я привез ему, и еще немного посидели на веранде. Затем дон Хуан пошел за дом, взяв с собой три узла. Он нарубил веток и сухих сучьев и развел костер. Мы удобно уселись перед огнем, и он открыл все свои три узла. Кроме того, в котором были сухие части женского растения, там был другой, содержащий все, что осталось от мужского растения, и третий толстый узел с зелеными свежесрезанными листьями дурмана.

Дон Хуан пошел в свинарник и вернулся с каменной ступкой, очень глубокой, похожей скорее на горшок, с мягко закругленным дном. Он сделал небольшое углубление и твердо установил ступку на земле. Он подбросил сучьев в костер, затем взял два узла с сухими частями мужского и женского растений и все сразу высыпал в ступку. Он встряхнул материю, чтобы убедиться, что все остатки растений упали в ступку. Из третьего узла он извлек два свежих куска дурмана.

— Я хочу приготовить их специально для тебя, — сказал он.

— Что это за приготовления, дон Хуан?

Одна из этих частей происходит от женского растения, другая — от мужского. Это единственный случай, когда эти два растения должны быть положены вместе. Это части корня с глубины один ярд.

Он растирал их в ступке равномерными ударами пестика. Делая это, он пел тихим голосом, который звучал, как безритмичный монотонный гул. Слов я не мог разобрать. Он был полностью погружен в работу.

Когда корни были окончательно раздроблены, он вынул из свертка немного листьев дурмана. Они были чистыми и свежесрезанными, без единой дырочки или щербинки, проеденной гусеницами. Он бросал их в ступку по одному. Он взял горсть цветов дурмана и также бросил их в ступку по одному. Я насчитал 14 каждого; затем он достал свежие зеленые семенные коробочки, еще не раскрывшиеся и со всеми своими шипами. Я не мог сосчитать их, так как он бросал их в ступку все сразу, но я считаю, что их тоже было 14. Он добавил три стебля дурмана без листьев. Они были темно-красными и чистыми, и, казалось, принадлежали большим растениям, судя по их многочисленным ответвлениям.

После того, как все было положено в ступку, он растер все это в кашу равномерными ударами. В определенный момент он наклонил ступку и рукой переложил всю смесь в старый горшок.

Он протянул руку мне, и я решил, что он просит ее вытереть. Вместо этого он взял мою левую руку и очень быстрым движением разделил средний и безымянный пальцы настолько широко, насколько мог. Затем концом своего ножа он уколол меня как раз между пальцами и порезал кожу вниз по безымянному пальцу. Он действовал с такой легкостью и скоростью, что, когда я отдернул руку, она уже была глубоко порезана и кровь обильно лилась.

Он опять схватил мою руку, положил ее над горшком и помассировал ее, чтобы вылить побольше крови.

Моя рука онемела. Я был в состоянии шока: странно холодный и напряженный, с давящим ощущением в груди и в ушах. Я почувствовал, что соскальзываю с места, где сидел. Я падал в обморок.

Он опустил мою руку и перемешал содержимое горшка. Когда я очнулся от шока, я был действительно сердит на него. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы прийти в себя полностью.

Он положил вокруг костра три камня и поместил на них горшок. Ко всей этой смеси он добавил что-то, что я принял за большой кусок столярного клея, и большой ковш воды, затем оставил все это кипеть.

Растения дурмана имеют сами по себе специфический запах. В объединении со столярным клеем, который начал издавать большую вонь, когда смесь закипела, они создали столь насыщенные испарения, что я с трудом сдерживал рвоту.

Смесь кипела долго в то время, как мы сидели неподвижно перед ней.

Временами, когда ветер гнал испарения в мою сторону, вонь обволакивала меня, и я задерживал дыхание, чтобы избежать ее. Дон Хуан открыл свою кожаную сумку и вытащил фигурку. Он осторожно передал ее мне и велел положить в горшок, но не обжечь пальцев. Я дал ей мягко соскользнуть в кипящую воду. Он вынул свой нож и какую-то секунду я думал, что он опять собирается меня резать; вместо этого он концом своего ножа подтолкнул фигурку и утопил ее.

Он еще некоторое время наблюдал, как кипит вода, а затем начал чистить ступку. Я помогал ему. Когда мы закончили, он прислонил ступку и пестик к ограде. Мы вошли в дом, а горшок оставался на камнях всю ночь.

На следующее утро, на рассвете, дон Хуан велел мне вытащить фигурку из клея и повесить ее на крыше, лицом к востоку, чтобы она сохла на солнце. К полудню она стала твердой, как проволока. Жара высушила клей, и зеленый цвет листьев смешался с ним. Фигурка имела стеклянный голубой блеск.

Дон Хуан попросил меня снять фигурку. Затем он вручил мне кожаную сумку, которую он сделал из старой кожаной куртки, которую я когда-то привез ему. Сумка выглядела точно так же, как и его собственная.

Единственное различие было в том, что его сумка была из мягкой желтой кожи.

— Положи свое "изображение" в сумку и закрой ее, — сказал он. Он не смотрел на меня и намеренно отвернул голову. Когда я спрятал фигурку в сумку, он дал мне авоську и велел положить в нее глиняный горшок. Он подошел к моей машине, взял ветку у меня из рук и прикрепил ее к машине в висячем положении.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Я последовал за ним. Он обошел вокруг дома, сделав полный оборот. Он постоял у веранды и еще раз обошел дом, на этот раз в обратную сторону, против часовой стрелки, и снова вернулся на веранду. Некоторое время он стоял неподвижно и затем сел.

Я уже привык верить, что все, что он делает, имеет значение. Я гадал о том, какое имеет значение кружение вокруг дома, когда он сказал: — Хей! Я забыл, куда я ее поставил.

Я спросил его, что он ищет. Он сказал, что забыл, куда положил саженец, который я должен пересадить. Мы еще раз обошли вокруг дома, прежде чем он вспомнил, куда он положил саженец. Он показал мне маленькую стеклянную кружку на дощечке, прибитой под крышей. В кружке была вторая половина порции корня дурмана. Саженец пустил отростки листьев на своем верхнем конце. В кружке было немного воды, но земли не было.

— Почему там совсем не положено земли? — спросил я.

— Не все почвы одинаковы, а "трава дьявола" должна знать только ту землю, на которой она будет расти. А сейчас время вернуть ее земле прежде, чем ее успеют испортить гусеницы.

— Может, посадим ее здесь перед домом? — спросил я.

— Нет, нет! Не тут поблизости. Она должна быть возвращена на то место, которое тебе нравится.

Но где же я смогу найти место, которое мне нравится?

— Я этого не знаю. Ты можешь посадить ее всюду, где захочешь. Но за ней надо смотреть и ухаживать, потому что она должна жить, чтобы ты имел ту силу, в которой ты нуждаешься. Если она погибнет, то это будет значить, что она тебя не хочет и ты не должен ее больше беспокоить. Это значит, что ты не будешь иметь над ней власти. Поэтому ты должен ухаживать за ней и смотреть за ней, чтобы она росла. Однако, ты не должен ей надоедать.

— Почему?

— Потому что, если она не захочет расти, то бесполезно с ней делать что-либо. Но с другой стороны, ты должен доказать, что ты заботишься о ней. Это следует делать регулярно, пока не появятся семена. После того, как первые семена опадут, мы будем уверены, что она хочет тебя.

— Но, дон Хуан, это же невозможно для меня, смотреть за корнем так, как ты хочешь.

— Если ты хочешь силы, то тебе придется это сделать. Другого выхода нет.

— Может быть, ты посмотришь за ней, пока я отсутствую, дон Хуан?

— Нет! Нет! Я не могу этого сделать. Каждый должен сам выращивать свой корень. У меня есть свой. Теперь ты должен иметь свой. И не раньше, чем он даст семена, можешь себя считать готовым к учению.

— Как ты думаешь, где я смогу посадить ее?

— Это уж тебе одному решать. Никто не должен знать это место, даже я.

Только так можно делать посадку. Никто, совершенно никто не должен знать, где ты его посадишь. Если незнакомец пойдет за тобой и увидит тебя, бери росток и беги на другое место. Он может причинить тебе невообразимый вред, манипулируя ростком. Он может искалечить или убить тебя. Вот почему даже я не должен знать, где находится твое растение.

Он вручил мне кружку с ростком.

— Бери его теперь.

Я взял кружку, и потом он почти потащил меня к машине.

— Теперь тебе надо уезжать. Поезжай и выбери место, где ты посадишь росток. Выкопай глубокую яму в почве, неподалеку от воды. Помни, что она должна быть неподалеку от воды, чтобы расти. Копай яму только руками, пусть хоть до крови их раздерешь. Помести росток в центр ямы и сделай вокруг него пирамидку. Затем полей его водой. Когда вода впитается, засыпь яму мягкой землей. Следующее выбери место в двух шагах от ростка в юго-восточном направлении. Выкопай там вторую глубокую яму, также руками и вылей в нее все, что есть в горшке. Затем разбей горшок и глубоко закопай его в другом месте, далеко от своего ростка. Похоронив горшок, возвращайся к своему ростку и еще раз полей его. Затем вынь свое изображение и, держа его между пальцами там, где у тебя свежая рана и стоя на том месте, где ты похоронил клей, слегка тронь росток острой иглой фигурки. Четыре раза обойди росток, каждый раз останавливаясь на том месте, чтобы коснуться головы.

— Следует ли мне придерживать какого-то определенного направления?

— Любым направлением годится. Но ты должен *все время помнить*, в каком направлении ты закопал клей и в каком направлении ты пошел вокруг ростка. Касайся ростка острием слегка каждый раз, кроме последнего, когда ты должен уколоть его глубоко. Но делай это осторожно.

Встань на колени, чтобы рука не дрогнула, потому что ты должен не сломать острие и не оставить его в ростке. Если ты сломаешь острие — с тобой покончено. Корень тебе не годится.

— Надо ли мне говорить какие-нибудь слова, когда буду ходить вокруг ростка?

— Нет. Я сделаю это за тебя.

27 января 1962 года.

Этим утром, как только я вошел в его дом, дон Хуан сказал мне, что он собирается показать мне, как готовить курительную смесь.

Мы пошли в холмы и далеко углубились в один из каньонов. Он остановился возле высокого тонкого куста, чей цвет заметно контрастировал с окружающей растительностью. Чапараль вокруг куста был желтоватым, тогда как куст был ярко-зеленым.

— С этого деревца ты должен собрать листья и цветы, — сказал он. — время нужное для этого: день всех душ.

Он вынул нож и срезал конец тонкой ветви. Он выбрал другую подобную же веточку и тоже срезал у нее верхушку. Он повторил это действие, пока у него в руках не оказалась горсть верхушек тонких веточек. Затем он сел на землю.

— Смотри сюда, — сказал он. — я срезал все эти ветки выше развилки, созданной двумя или более стеблями с листьями. Видишь? Они все одинаковы.

Я использовал только верхушку каждой ветви, где листья свежие и нежные.

Теперь нам надо найти тенистое место.

Мы шли, пока он не нашел то, что искал. Он вытащил тонкий длинный шнурок из своего кармана и привязал его к стволу и нижним ветвям двух кустов, сделав наподобие бельевой веревки, на которую повесил веточки, срезами вверх. Он расположил их вдоль шнурка равномерно: подвешенные за развилки между листьями и стеблем, они напоминали длинный ряд всадников в зеленой одежде.

— Следует смотреть, чтобы листья сохли в тени, — сказал он, — место должно быть потайным и труднодоступным. Таким образом листья защищены. Их следует ставить сушить в таком месте, где их почти невозможно найти. После того, как они высохнут, их следует положить в кувшин и запечатать.

Он снял листья со шнурка и забросил их в ближайший куст. Очевидно, он хотел мне показать лишь процедуру.

Мы продолжали идти, и он сорвал три различных цветка, сказав, что они также являются составными частями и должны собираться в то же самое время.

Но цветы должны быть положены в разные глиняные горшки и сохнуть в темноте. Каждый горшок должен быть запечатанным. Он сказал, что функция листьев и цветов в том, чтобы смягчить (подсластить) курительную смесь.

Мы вышли из каньона и пошли к руслу реки. После длинного обхода мы вернулись к его дому. Поздно вечером мы сели в его собственной комнате, что он редко разрешал мне делать, и он рассказал о последней составной части — грибах.

— Действительный секрет смеси лежит в грибах, — сказал он.

— Это самый трудный для сбора ингредиент. Путешествие к местам, где они растут — трудное и опасное. А собрать именно те грибы, какие нужны — еще более трудно. Там есть другие виды грибов, растущие вокруг, от которых пользы нет. Они испортят хорошие грибы, если будут сохнуть вместе с ними.

Нужно время, чтобы научиться хорошо распознавать грибы и не делать ошибок.

Серьезный вред будет результатом использования не тех грибов, какие нужны: вред для человека и вред для трубки. Я знал людей, которые умерли на месте от того, что использовали не ту смесь.

Как только грибы собраны, они складываются в кувшин, поэтому уже нет способа перепроверить их. Видишь ли, следует искрошить их для того, чтобы протолкнуть через узкое горлышко кувшина.

— Как можно избежать ошибки?

— Надо быть осторожным и знать, как выбирать. Я говорил тебе, что это трудно. Не каждый может приручить дымок. Большинство людей даже не делают попыток.

— Сколько времени ты держишь грибы в кувшине?

— В течение года. Все остальные ингредиенты тоже запечатываются на год. Затем их поровну отмеряют и по отдельности размалывают в очень мелкий порошок. Грибки не нуждаются в размалывании, потому что они уже сами собой превращаются за это время в очень мелкую пыль. Все, что остается с ними делать, так это размять комки. Четыре части грибов смешиваются с одной частью всех ингредиентов, смешанных вместе. Все это хорошо перемешивается и складывается в мешочек, подобный моему, — он показал на мешочек, висящий у него под рубашкой. — затем все ингредиенты собираются вновь и после того, как они убраны сушиться, ты готов курить смесь, которую только что приготовил. В твоем случае ты будешь курить в следующем году. А через год после этого смесь будет полностью твоя, потому что ты соберешь ее сам.

Первый раз, когда ты будешь курить, я зажгу для тебя трубку. Ты выкуришь всю смесь в мешочке и будешь ждать. Дымок придет, ты почувствуешь его. Он освободит тебя, чтобы ты мог видеть все, что захочешь увидеть. Прямо говоря, это несравненный *олли*. Но кто бы ни искал его,

должен иметь намерение и волю недоступные. Они нужны ему, во-первых, потому, что он должен намереваться и хотеть своего возвращения, иначе дымок не отпустит его обратно, во-вторых, он должен иметь намерение и волю, чтобы запомнить все, что бы дымок ни позволил ему увидеть. Иначе не выйдет ничего другого, как обрывки тумана в голове.

В наших разговорах дон Хуан постоянно возвращался к выражению "человек знания", но ни разу не объяснил, что это значит. Я попросил его сделать это.

— Человек знания — это тот человек, что правдиво пошел по пути учения. Человек, который без спешки и без мешканья пришел к раскрытию секретов знания и силы настолько далеко, насколько смог.

— Может ли любой быть человеком знания?

— Нет, не любой.

— Но тогда, что надо сделать, чтобы стать человеком знания?

— Человек должен вызвать на бой и победить своих четырех природных врагов.

— Будет ли он человеком знания после победы над этими врагами?

— Да, человек может назвать себя человеком знания лишь, если он способен победить всех четырех.

— Но тогда может ли любой, кто победит этих врагов, быть человеком знания?

— Любой, кто победит их, становится человеком знания.

— Есть какие-либо специальные требования, которые человек должен выполнить прежде, чем сражаться с этими врагами?

— Нет, любой может пытаться стать человеком знания: очень мало людей преуспевают тут, но это естественно. Враги, которых человек встречает на пути учения, чтобы стать человеком знания — поистине ужасны. Большинство людей сдаются перед ними.

— Что это за враги, дон Хуан?

Он отказался говорить о врагах. Он сказал, что должно пройти много времени прежде, чем этот предмет будет иметь для меня какой-то смысл.

Я попытался удержать эту тему разговора и спросил его, могу ли я стать человеком знания. Он сказал, что, пожалуй, никто не может знать это наверняка. Но я настаивал на том, чтобы узнать, нет ли какого-нибудь другого способа, который он мог бы применить, чтоб определить, имею ли я шанс стать человеком знания или нет. Он сказал, что это будет зависеть от моей битвы против четырех врагов: или я одержу победу, или они победят меня, но невозможно предсказать исход битвы.

— Ты должен рассказать мне, что это за враги, дон Хуан.

Он не ответил, я вновь настаивал, но он перевел разговор на что-то другое.

15 апреля 1962 года.

Когда я собирался уезжать, я решил еще раз спросить его о врагах человека знания. Я доказывал, что в течение какого-то времени я не смогу вернуться и что мне кажется неплохой идеей записать все, что он сможет мне сказать, а потом подумать над этим, пока я буду в отсутствии.

Он некоторое время колебался, а потом начал говорить: — Когда человек начинает учиться — сначала понемногу, он никогда не знает своих препятствий. Его цель расплывчата. Его намерение не направлено. Он надеется на награды, которые никогда не материализуются, потому что он ничего не знает о трудностях учения.

Он медленно начинает учиться — сначала понемногу, потом — большими шагами. И скоро его мысли смешиваются. То, что он узнает, никогда не оказывается тем, что он себе рисовал или вообразил, и потому он начинает пугаться. Учение всегда несет не то, что от него ожидают. Каждый шаг ученика — это новая задача, и страх, который человек испытывает, начинает безжалостно и неуклонно расти. Его цель оказывается полем битвы.

И, таким образом, он натывается на своего первого природного врага — страх! — ужасный враг, предательский и трудноодолимый. Он остается скрытым на каждом повороте пути, маскируясь, выжидая. И если человек, испугавшись в его присутствии, побежит прочь, то враг положит конец его притязаниям.

— Что случится с человеком, если он в страхе убежит?

— Ничего с ним не случится, кроме того, что он никогда не научится.

Он никогда не станет человеком знания. Он, может быть, станет упрямым, не желающим ничего видеть, или безвредным испуганным человеком, во всяком случае, он будет побежденным человеком. Его первый природный враг положит конец его притязаниям.

— И что он должен делать, чтобы одолеть страх?

— Ответ очень прост. Он не должен убегать. Он должен победить свой страх и, посмотрев на него, он должен сделать следующий шаг в учении, и следующий, и следующий. Он должен быть полностью испуганным, но все же, он не должен останавливаться.

Таково правило. И придет момент, когда его первый враг отступит.

Человек начинает чувствовать уверенность в себе. Его стремление крепнет.

Учение — уже не пугающая задача.

Когда придет этот радостный момент, человек может сказать без колебания, что он победил своего первого природного врага.

— Это случится сразу, дон Хуан, или мало-помалу?

— Это случится мало-помалу. И все же страх исчезнет быстро и внезапно.

— Но не будет ли человек испуган снова, если с ним случится что-либо новое?

— Нет, если человек однажды уничтожил страх, то он свободен от него до конца своей жизни, потому что вместо страха он приобрел ясность мысли, которая рассеивает страх. К этому времени человек знает свои желания. Он может видеть новые шаги в учении, и острая ясность мысли отражает все.

Человек чувствует, что нет ничего скрытого.

И таким образом он встречает своего второго врага: ясность мысли, которую трудно достичь, она рассеивает страх, но также ослепляет.

Она заставляет человека никогда не сомневаться в себе. Она дает ему уверенность, что он может делать все, что ему захочется, потому что он видит все ясно, насквозь.

И он мужественен потому, что он ясно видит. И он ни перед чем не останавливается, потому что он ясно видит. Но все это — ошибка. Это вроде чего-то неполного.

Если человек поддается этому мнимому могуществу, значит он побежден своим вторым врагом и будет топтаться в учении.

Он будет бросаться, когда надо быть терпеливым, или он будет терпелив тогда, когда следует спешить.

И он будет топтаться в учении, пока не выдохнется, incapable научиться чему-нибудь еще.

— Что случится с человеком, который побежден таким способом, дон Хуан? Он что, в результате умрет?

— Нет, не умрет. Его второй враг просто остановил его на месте и охладил от попыток стать человеком знания. Вместо этого он может стать непобедимым воином или шутом. Но ясность мысли, за которую он так дорого заплатил, никогда не сменится на тьму или страх снова. Он будет ясно видеть до конца своих дней, но он никогда не будет больше учиться чему-либо или усваивать что-либо.

— Но что же он должен делать, чтобы избежать поражения?

— Он должен делать то же самое, что он сделал со страхом. Он должен победить свою ясность мысли и использовать ее лишь для того, чтобы видеть и терпеливо ждать, и тщательно замерять и взвешивать все прежде, чем сделать новый шаг.

И главное, он должен думать, что ясность его мысли почти ошибка.

И придет момент, когда он будет видеть, что его ясность мысли была лишь точкой опоры перед глазами.

И, таким образом, он одолеет своего второго природного врага и пребудет в положении, где ничего уже не сможет повредить ему. Это не будет ошибкой. Это не будет точкой перед глазами. Это будет действительно сила.

В этом месте он будет знать, что могущество, за которым он так долго гонялся, наконец, принадлежит ему. Он сможет делать с ним все, что захочет. Его *олли* в его подчинении. Его желание — закон. Он видит все, что вокруг него. Но он также наткнулся на своего третьего врага: могущество.

Сила — самый сильный из всех врагов. И естественно, самое легкое, это сдаться. В конце концов человек действительно неуязвим. Он командует: он начинает с того. Человек на этой

стадии едва ли замечает своего третьего врага, надвигающегося на него. И внезапно, сам того не заметив, он проигрывает битву.

Его враг превратил его в жестокого капризного человека.

— Потеряет ли он свою силу?

— Нет. Он никогда не потеряет ни своей ясности мысли, ни своей силы.

— Что же тогда будет отличать его от человека знания?

— Человек, побежденный могуществом, умирает, так и не узнав в действительности, как с этим могуществом обращаться.

— Сила — лишь груз и его судьба. Такой человек ничему не подчинен и не может сказать, когда или как использовать свою силу.

— Является ли поражение от какого-нибудь из врагов окончательным поражением?

— Конечно, оно окончательно.

— Когда какой-нибудь из этих врагов пересилил человека, то тому уже ничего нельзя сделать.

— Возможно ли, например, что человек, побежденный силой, увидит свою ошибку и исправит свой путь?

— Нет, если человек раз сдался, то с ним покончено.

— Но что, если он лишь временно был ослеплен силой, а затем отказался от нее?

— Это значит, что его битва все еще не проиграна и продолжается; это означает, что он все еще пытается стать человеком знания. Человек побежден лишь тогда, когда он больше не пытается и покинет самого себя.

— Но тогда, дон Хуан, возможно, что человек, уйдя в страх, на несколько лет покинет самого себя, но, наконец, победит его.

— Нет, это неверно. Если он поддастся страху, то он никогда не победит его, потому что он будет уклоняться от учения и никогда не сделает попытки снова. Но если в центре своего страха он будет в течение многих лет делать попытки учиться, то он, очевидно, победит еще, так как, фактически, он никогда не бросал себя ради этого страха.

— Как он может победить своего третьего врага, дон Хуан?

— Он должен непременно победить его. Он должен прийти к пониманию того, что сила, которую он, казалось бы, покорил в действительности, никогда не принадлежала ему. Он все время должен держать себя в руках, обращаясь осторожно и добросовестно со всем, что он узнал. Если он может увидеть, что ясность мысли и сила без его контроля над самим собой хуже, чем ошибка, то он достигнет такой точки, где все находится в подчинении.

Тут он будет знать, когда и как использовать свою силу. И, таким образом, он победит своего третьего врага.

Человек будет готов к тому времени и в конце своего пути учения и почти без предупреждения он столкнется со своим последним врагом — старостью. Этот враг самый жестокий из всех. Враг, которого он никогда не сможет победить полностью, но лишь сможет заставить его отступить.

Это время, когда человек не имеет больше страхов, не имеет больше нетерпеливой ясности мысли. Время, когда вся его сила находится в подчинении, но также время, когда он имеет неотступное желание отдохнуть.

Если он полностью поддается своему желанию лечь и забыться, если он убаюкивает себя в усталости, то он проиграет свою последнюю битву и его враг свалит его старое слабое существо. Его желание отступить пересилит всю ясность. Но если человек разобьет свою усталость и проживет свою судьбу полностью, то тогда он может быть назван человеком знания, хотя бы на один короткий момент, когда он отгонит своего непобедимого врага. Этого одного момента ясности, силы и знания уже достаточно.

4.

Дон Хуан редко говорил открыто о мескалито. Каждый раз, когда я его спрашивал об этом, он отказывался разговаривать, но он всегда говорил достаточно, чтобы создать впечатление о мескалито, впечатление, которое всегда было антропоморфным. Мескалито был мужского рода не только из-за грамматического окончания слова, которое свойственно словам мужского рода в испанском языке, но также из-за постоянного качества быть защитой и учителем. Каждый раз,

когда мы разговаривали, дон Хуан заново подтверждал различными способами эти характеристики.

Воскресенье, 24 декабря 1961 года.

— "Трава дьявола" никогда никого не защищала. Она служит лишь для того, чтобы давать силу. Мескалито, с другой стороны, благороден, как ребенок.

— Но ты говорил, что мескалито временами устрашающ.

— Конечно, он устрашающ, но если ты раз его узнал, то он добр и благороден.

— Как он показывает свою доброту?

— Он защитник и учитель.

— Как он защищает?

— Ты всегда можешь держать его при себе, и он будет следить за тем, чтобы с тобой не случилось ничего плохого.

— Как можно держать его все время при себе?

— В маленьком мешочке, привязанном у тебя под рукой или на шее.

— Ты имеешь его с собой?

— Нет, потому что у меня есть *олли*, но другие люди носят его.

— Чему он учит?

— Он показывает вещи и говорит то, что есть что.

— Как?

— Тебе надо это посмотреть самому.

30 января 1962 года.

— Что ты видишь, когда мескалито берет тебя с собой, дон Хуан?

— Такие вещи не для простого разговора. Я не могу рассказать тебе это.

— С тобой случится что-либо плохое, если ты расскажешь?

— Мескалито — защитник. Добрый благородный защитник, но это не значит, что над ним можно смеяться. Поскольку он добрый защитник, он может быть также самым ужасом с теми, кого не любит.

— Я не собираюсь над ним смеяться. Я просто хочу узнать, что он заставляет видеть и делать других людей. Я описал тебе все, что мескалито заставил увидеть меня.

— С тобой все иначе, может быть, потому, что ты не знаешь его путей.

Тебя приходится учить его путям, как ребенка учат ходить.

— Как долго я еще должен учиться?

— Пока он сам не будет иметь смысл для тебя.

— А затем?

— Затем ты поймешь сам. Тебе не надо будет больше ничего мне рассказывать.

— Можешь ли ты сказать мне просто, куда мескалито берет тебя?

— Я не хочу разговаривать об этом.

— Все, что я хочу узнать, так это, есть ли другой мир, куда он берет людей?

— Да, есть.

— Это небеса?

— Он берет тебя сквозь небо.

— Я имею в виду то небо, где бог.

— Теперь ты глуп. Я не знаю, где бог.

— Мескалито — это бог? Единый бог? Или он просто один из богов?

— Он просто защитник и учитель. Он сила.

— Он что, сила внутри нас?

- Нет, мескалито ничего общего с нами не имеет. Он вне нас.
- Но тогда каждый, кто принимает мескалито, должен видеть его одинаково.
- Нет, не совсем так. Он не один и тот же для каждого из нас.

12 апреля 1962 года.

- Почему ты не расскажешь побольше о мескалито, дон Хуан?
- Нечего рассказывать.
- Должны быть тысячи вещей, которое мне надо бы узнать прежде, чем я встречу с ними снова.
- Нет, может быть, для тебя нет ничего, что ты должен был бы узнать.
- Как я тебе уже говорил, он не одинаков со всеми.
- Я знаю, но все же мне хотелось бы узнать, что чувствует другой по отношению к нему.
- Мнения тех, кто болтает о нем, немного стоят. Ты увидишь. Ты, возможно, будешь говорить о нем до какой-то точки, а затем ты уже никогда не будешь обсуждать этот вопрос.
- Можешь ты рассказать мне о моем собственном первом опыте. Для чего?
- Ну, тогда я буду знать, как вести себя с мескалито.
- Ты уже знаешь больше, чем я. Ты действительно играл с ним.
- Когда-нибудь ты увидишь, каким добрым был защитник с тобой. В тот первый раз, я уверен, что он сказал тебе много-много вещей, но ты был глух и слеп.

14 апреля 1963 года.

- Мескалито может принимать любую форму, когда он показывает себя.
- Да, любую.
- Но тогда, какую форму ты знаешь, как самую обычную?
- Обычных форм нет.
- Ты имеешь в виду, дон Хуан, что он принимает любую форму даже с людьми, которые его хорошо знают?
- Нет. Он принимает любую форму с людьми, которые его знают лишь немного, но для тех, кто его знает хорошо, он всегда постоянен.
- Как он постоянен?
- Он является им тогда, как человек вроде нас, или как совет. Просто совет.
- Мескалито когда-нибудь изменяет форму? Свою форму с теми, кто знает его хорошо?
- Я этого не знаю.

6 июня 1962 года.

Мы с доном Хуаном отправились в путешествие в конце дня 28 июня. Он сказал, что мы едем поискать грибы в штате чиуауа. Он сказал, что путешествие будет долгим и трудным. Он был прав. Мы прибыли в небольшой шахтерский городок на севере штата чиуауа в 10 часов вечера 27 июня. От места, где я поставил машину, мы прошли на окраину, к дому его друзей, индейца из племени тарахумара и его жены. Там мы спали.

На следующее утро хозяин разбудил нас около пяти часов. Он принес нам бобы и хлеб. Пока мы ели, он говорил с доном Хуаном, но ничего не сказал о нашем путешествии. После завтрака хозяин налил воду в мою флягу и положил пару сладких рулетов в мой рюкзак. Дон Хуан приспособил поудобнее рюкзак у меня на спине. Поблагодарив хозяина за работу и повернувшись ко мне, сказал: — Время идти.

Около мили мы шли по грунтовой дороге. Оттуда мы пересекли поле и через два часа были у подножья холмов на юге города. Мы поднялись по пологому склону в юго-западном направлении. Когда мы достигли крутизны, дон Хуан сменил направление и мы пошли по возвышенности на восток.

Несмотря на свой преклонный возраст, дон Хуан шел все время так невероятно быстро, что к полудню я уже полностью выдохся. Мы сели и он открыл мешок с хлебом.

— Ты можешь есть все это, если хочешь, — сказал он.

— А как же ты?

— Я не голоден, а позднее нам эта пища еще понадобится.

Я был очень усталым и голодным и поймал его на слове. Я чувствовал, что это подходящее время, чтобы поговорить о цели нашего путешествия, и очень осторожно я спросил: — Ты считаешь, что мы будем здесь находиться долго?

— Мы здесь для того, чтобы собрать мескалит. Мы останемся здесь до завтра.

— Где мескалит?

— Повсюду вокруг нас.

Вокруг в изобилии росли кактусы различных видов, но я не мог найти среди них пейот.

Мы снова отправились в путь и к трем часам пришли в длинную узкую долину с крутыми склонами. Я чувствовал себя странно возбужденным при мысли о том, что увижу пейот, который никогда не видел в его естественной среде. Мы вошли в долину и прошли около 150 метров, когда я внезапно заметил три определенных растения пейота. Они срослись вместе, выступив над землей примерно на несколько дюймов передо мной слева от тропы. Они выглядели, как круглые мясистые зеленые розы. Я побежал к ним, указывая на них дону Хуану.

Он не обращал на меня внимания и намеренно обращал ко мне спину, уходя дальше. Я понял, что сделал что-то неправильно, и всю вторую половину дня мы шли в молчании, медленно передвигаясь по плоской равнине, которая была покрыта мелкими острыми камнями. Мы двигались среди кактусов, вспугивая полчища ящериц, и время от времени одинокую птицу. Я прошел три дюжины растений пейота, не говоря ни слова.

Мы были в шесть часов у подножия гор, которые ограничивали долину. Мы взобрались на склон. Дон Хуан бросил свой мешок и сел. Я опять был голоден, но пищи у нас не осталось. Я предложил собирать мескалит и вернуться в город. Дон Хуан выглядел раздраженным и сделал чмокающий звук губами. Он сказал, что мы проведем здесь ночь.

Мы сидели спокойно. Слева была скала, а справа долина, которую мы пересекли. Она тянулась довольно далеко и казалась шире и не такой плоской, как я думал.

— Завтра мы начнем обратный путь, — сказал дон Хуан, не глядя на меня и указывая на долину. — Мы будем идти назад и собирать его, пересекая долину. То есть мы будем подбирать его только тогда, когда он будет прямо на нашем пути. "Он" будет находить нас и никак иначе. Он найдет нас, если захочет.

Дон Хуан облокотился спиной на скалу и, наклонив голову, продолжал говорить так, как будто кроме меня тут еще кто-то был.

— Еще одна вещь. Только я могу срывать его. Ты, может быть, будешь нести мешок и идти впереди, я еще не знаю. Но завтра ты не будешь указывать на него, как ты сделал сегодня.

— Прости меня, дон Хуан.

— Все в порядке. Ты не знал.

— Твой бенефактор учил тебя всему этому о мескалите.

— Нет. Никто не учил меня об этом. Это был сам защитник, кто был моим учителем.

— Тогда значит мескалит вроде человека, с которым можно разговаривать?

— Нет.

— Как же тогда он учит?

Некоторое время он молчал.

— Помнишь то время, когда он играл с тобой? Ты понимал его, не так ли?

— Да.

— Вот так он и учит. Только ты этого не знал. Но если бы ты был внимателен к нему, то он бы с тобой говорил.

— Когда?

— Тогда, когда ты в первый раз его увидел.

Он, казалось, был очень раздражен этими вопросами. Я сказал, что задаю ему их, так как хочу узнать все, что можно.

— Не спрашивай *меня*, — он улыбнулся. — спроси его. В следующий раз, когда ты проснешься, спроси его все, что ты пожелаешь.

— Тогда мескалито *является*, как лицо, с которым можно поговорить...

Он не дал мне закончить. Он отвернулся, взял флягу, сошел со склона и исчез за скалой. Я не хотел оставаться тут один и, хотя он не звал меня, последовал за ним. Мы прошли около 150 метров к небольшому источнику. Он помыл лицо и руки и наполнил флягу. Он прополоскал во рту, но не пил. Я набрал в ладони воды и стал пить, но он остановил меня, сказав, что пить не обязательно.

Он вручил мне флягу и отправился обратно. Когда мы пришли на место, то снова уселись лицом к долине, а спиной прислонились к скале. Я спросил, не можем ли мы развести костер; он реагировал так, словно тут бессмысленно было задать такой вопрос. Он сказал, что этой ночью мы гости мескалито, он позаботится, чтобы нам было тепло.

Было уже темно. Дон Хуан вынул из своего мешка два тонких одеяла, бросил одно из них мне на колени и сел, скрестив ноги и накинув другое одеяло себе на плечи. Под нами долина была в темноте, и края ее тоже расплылись в вечерних сумерках.

— Дон Хуан сидел неподвижно, обратясь к долине с пейотом. Равномерный ветер дул мне в лицо.

— Сумерки — это трещина между мирами, — сказал он легко, не оборачиваясь ко мне.

Я не спросил, что он имел в виду. Мои глаза устали. Внезапно я почувствовал себя покинутым, и имел странное всепобеждающее желание плакать. Я лег на живот: каменное ложе было твердым и неудобным, мне приходилось менять свое положение через каждые несколько минут. Наконец, я сел, скрестив ноги и накинув одеяло на плечи. К моему удивлению эта поза была в высшей степени удобной, и я заснул.

Когда я проснулся, я услышал, что дон Хуан что-то говорит мне. Было очень темно. Я не мог его хорошо видеть. Я не понял того, сто он мне сказал, но я последовал за ним, когда он спустился вниз со склона. Мы двигались осторожно или, по крайней мере, я из-за темноты. Мы остановились у подножья скалы. Дон Хуан сел и знаком показал мне сесть слева от него.

Он расстегнул рубашку и достал кожаный мешок, который открыл и положил перед собой на землю.

После долгой паузы он поднял один из батончиков (таблеток). Он держал его в правой руке, потирая его несколько раз между большим и указательным пальцами и тихо пел. Внезапно он издал оглушительный крик: "аииииии!" это было неожиданно. Это испугало меня. Смутно я понимал, что он положил батончик пейота в рот и начал жевать его. Через минуту он наклонился ко мне и шепотом велел взять мешок, взять один мескалито, положить затем мешок опять перед ним и делать все точно так же, как это делал он.

Я взял батончик и тер его так, как это желал он. Тем временем он пел, раскачиваясь взад и вперед. Несколько раз я пытался положить батончик в рот, но чувствовал себя не в своей тарелке из-за необходимости кричать.

Затем, как во сне, невероятный вопль вырвался у меня: "аиии!".

Какой-то момент я думал, что это кто-то другой крикнул. Опять я почувствовал последствия нервного потрясения у себя в желудке, я падал назад. Я терял сознание.

Я положил батончик пейота себе в рот и разжевал его. Через некоторое время дон Хуан достал из мешка другой батончик. Я почувствовал облегчение, увидев, что он после короткой песни положил его себе в рот.

Он передал мешок мне, и я, положив его перед нами, взял один батончик. Этот круг повторялся пять раз, прежде, чем я заметил какую-либо жажду. Я поднял флягу, чтобы напиться, но дон Хуан сказал, чтобы я лишь прополоскал рот, но не пил воду, так как меня иначе вырвет. Я несколько раз прополоскал рот. В какой-то момент желание попить стало ужасным искушением и я проглотил немного воды... Немедленно мой желудок стал сжиматься. Я ожидал безболезненного и незаметного излияния жидкости у меня изо рта, как это было при первом моем знакомстве с пейотом, но к моему удивлению, у меня было лишь обычное ощущение рвоты. Однако, она не длилась долго.

Дон Хуан взял другой батончик и вручил мне мешок, и круг был возобновлен и повторен, пока я не разжевал 14 батончиков. К этому времени все мое ощущение жажды, холода и неудобства исчезли.

Вместо них я ощутил незнакомое чувство тепла и возбуждения. Я взял флягу, чтобы освежить рот, но она была пуста.

— Можно нам сходить к ручью, дон Хуан?

Звук моего голоса не вырвался изо рта, а отразился от неба обратно в горло и катался эхом взад-вперед между ними. Эхо было мягким и музыкальным и, казалось, имело крылья, которые

хлопали внутри моего горла. Их касания ласкали меня. Я следил за их движением взад и вперед, пока они не исчезли.

Я повторил вопрос. Мой голос звучал так, как если бы я говорил внутри пещеры. Дон Хуан не ответил. Я поднялся и повернул в направлении ручья. Я взглянул на дону Хуана, не идет ли он тоже, но он, казалось, к чему-то внимательно прислушивался.

Он сделал повелительный жест рукой, чтобы я замер.

— А бутон уже здесь! — сказал он.

Я раньше ни разу не слышал этого имени и колебался, спросить его об этом или нет, когда заметил звук, который походил на звон в ушах.

Звук становился громче и громче, пока не стал подобен звуку рева гигантского быка. Он длился короткий момент и постепенно затих, пока снова не наступила тишина. Сила и интенсивность звука испугали меня. Я трясся так сильно, что едва мог стоять, и все же рассудок мой заработал совершенно нормально. Если несколько минут назад меня клонило в сон, то теперь это чувство полностью пропало, уступив свое место исключительной ясности. Звук напомнил мне научно-фантастический фильм, в котором гигантская пчела, гудя крыльями, вылетает из зоны атомной радиации. Я засмеялся при этой мысли. Я увидел, что дон Хуан опять откинулся в свою расслабленную позу. И внезапно на меня вновь нашло жужжание огромной пчелы. Это было более реально, чем обычная мысль. Она (мысль) была отдельной, окруженной исключительной ясностью. Все остальное было изгнано из моего ума.

Это состояние умственной ясности, которое никогда ранее не бывало в моей жизни, вызвало у меня еще один момент страха. Я начал потеть. Я наклонился к дону Хуану, чтобы сказать ему, что я боюсь.

Его лицо было в нескольких дюймах от моего. Он смотрел на меня, но его глаза были глазами пчелы. Они выглядели, как круглые очки, имеющие свой собственный свет в темноте. Его губы были вытянуты вперед и издавали прерывистый звук: — пе'та-пе'та-пе'та, — я отпрыгнул назад, чуть не разбившись о скалу позади меня. В течение, казалось, бесконечного времени я испытывал невыносимый ужас. Я сопел и отдувался. Пот замерзал у меня на коже, придавая мне неудобную твердость. Потом я услышал голос дона Хуана: — "Поднимайся! Двигайся! Поднимайся!" Видение исчезло, и я снова мог видеть его знакомое лицо.

— Я принесу воды, — сказал я после бесконечной паузы. Мой голос прерывался. Я с трудом мог выговаривать слова. Дон Хуан согласно кивнул.

По пути я понял, что мой страх исчез так же загадочно, так же быстро, как и появился.

Приближаясь к ручью, я заметил, что могу ясно видеть каждый предмет на пути. Я вспомнил, что только что ясно видел дону Хуана, тогда, как сразу перед тем, я с трудом мог различать очертания его фигуры. Я остановился и посмотрел вдаль и смог даже ясно видеть другую сторону долины. Я мог различать совершенно ясно отдельные камни на другой стороне долины. Я подумал, что, видимо, уже утро, но мне показалось, что я потерял чувство времени. Я взглянул на часы. Было десять минут двенадцатого. Я послушал часы, ходят ли они. Они ходили. Полдень сейчас быть не мог.

Значит, это полночь. Я намеревался сбегать за водой и вернуться назад к скалам, но увидел, что дон Хуан идет вниз, и подождал его. Я сказал ему, что могу видеть в темноте.

Он долгое время смотрел на меня, ничего не говоря, если он и говорил, то, может быть, я его прослушал, так как все внимание было направлено на мою новую уникальную способность — видеть в темноте. Я мог различать мельчайшие песчинки. Временами было все так ясно, что казалось, что сейчас утро или вечер. Потом потемнело, потом опять посветлело. Вскоре я понял, что яркость совпадает с диастолой моего сердца, а темнота с его систолой.

Мир становился ярко-темным-ярким снова с каждым ударом моего сердца.

Я полностью ушел в это открытие, когда тот же странный звук, который я слышал раньше, появился вновь.

Мои мышцы напряглись. "Ануктал (так я расслышал слово в этот раз) здесь" — сказал дон Хуан.

Звук казался мне таким громоподобным, таким всепоглощающим, что ничто другое значения не имело.

Когда он утих, я почувствовал, что объем воды внезапно увеличился.

Ручей, который с минуту назад был в ладонь шириной, увеличился так, что стал огромным озером. Свет, который, казалось, падал сверху, касался поверхности, как бы сверкая сквозь толстое стекло. Время от времени вода сверкала золотистым и черным. Затем оставалась темной, неосвещенной, почти невидимой, но все же странно присутствующей.

Я не припомню, сколь долго я стоял там, просто наблюдая, изумляясь, на берегу черного озера. Рев, должно быть, этим временем прекратился, так как то, что возвратило меня назад (к реальности) было снова устрашающим гудением.

Я оглянулся, ища дона Хуана. Я увидел, как он вскарабкался и исчез за отрогом скалы. Однако, чувство одиночества совсем не беспокоило меня, я топтался на месте, в состоянии полной уверенности и покинутости.

Рев снова стал слышен. Он был очень интенсивным, подобно звуку очень сильного ветра. Прислушиваясь к нему так внимательно, как только смог, я улавливал определенную мелодию. Она состояла из высоких звуков, похожих на человеческие голоса в сопровождении барабана. Я сфокусировал все свое внимание на мелодии и снова заметил, что систола и диастола моего сердца совпадали со звуками барабана и с темпом мелодии. Я остановился, и музыка прекратилась. Я попытался услышать удары сердца, но это не удалось. Я снова потоптался, думая, что, может, это положение моего тела вызывало эти звуки! Но ничего не случилось! Ни звука! Даже звука моего сердца!

Я решил, что с меня хватит, но когда я поднялся, чтобы уйти, то почувствовал дрожь земли. Земля под моими ногами тряслась. Я терял равновесие. Я упал на спину и лежал в этом положении, пока земля сильно тряслась.

Я попытался схватиться за скалу или куст, но что-то ехало подо мной.

Я вскочил, секунду стоял, опять упал.

Земля, на которой я сидел, двигалась, соскальзывая в воду, как плот.

Я оставался, неподвижно скованный ужасом, который был, как и все прочее, уникальным, непрерывным и абсолютным. Я двигался через воды черного озера на клочке почвы, который был похож на земляное бревно. У меня было чувство, что я двигаюсь в южном направлении, влекомый течением. Я мог видеть, как вода вокруг двигалась и завихрялась. Она была холодной и странно тяжелой на ощупь... Мне казалось, что она была живая.

Не было никаких различных берегов или береговых объектов, и я не могу припомнить своих мыслей и чувств за это путешествие.

Через, казалось, долгие часы плавания мой плот сделал под прямым углом поворот налево. Он продолжал прямолинейное движение очень недолго и неожиданно наткнулся на что-то. Инерция бросила меня вперед. Я закрыл глаза и почувствовал острую боль в коленях и вытянутых руках от падения на землю.

Через секунду я открыл глаза. Я лежал на земле. Казалось, мое земляное бревно врезалось в землю. Я сел и оглянулся. Вода отступила! Она двигалась назад, как откатившаяся волна, пока не исчезла.

Я долго сидел так, пытаюсь собраться с мыслями и привести все, что случилось, в осмысленный порядок. Все мое тело ныло, я прикусил себе губу, когда "приземлился". Я встал, ветер дал мне понять, что я озяб. Моя одежда была мокрой. Мои руки ноги и челюсти так тряслись, что мне снова пришлось лечь. Капли пота затекали в мои глаза и жгли их так сильно, что я взывал от боли.

Через некоторое время я восстановил чувство равновесия и поднялся. В темных сумерках пейзаж был очень ясен. Я сделал пару шагов. Отчетливый звук многих человеческих голосов донесся до меня. Казалось, они громко разговаривали... Я пошел на звук. Я прошел примерно 100 метров и остановился. Передо мной был тупик. Место, где я находился, было кораллом, окруженным огромными валунами. Я мог за ними различать еще один ряд, затем еще и еще, пока они не переходили в отвесные горы. Откуда-то среди них доносились звуки музыки. Это был текучий, непрерывный, приятный для слуха поток звуков.

У подножья одного из валунов я увидел человека, сидящего на земле, его лицо было повернуто ко мне почти в профиль. Я приблизился к нему, пока не оказался чуть ли не в трех метрах от него; затем он повернул голову и взглянул на меня. Я замер: его глаза были водой, которую я только что видел! Они были так же необъятны, и в них светились так же золотые и черные искорки. Его голова была заостренной, как ягода земляники, его кожа была зеленой, испещренной бесчисленными оспинами.

За исключением заостренной формы, его голова была в точности, как поверхность растения пейота. Я стоял перед ним и не мог отвести от него глаз. Я чувствовал, что он намеренно давит мне на грудь весом своих глаз.

Я задыхался. Я потерял равновесие и упал на землю. Его глаза отвернулись от меня. Я услышал, что он говорит со мной. Сначала его голос был подобен мягкому шелесту ветерка. Затем я услышал его, как музыку: как мелодию голосов — и я "знал", что мелодия говорила: — Чего ты хочешь?

Я упал перед ним на колени и стал говорить о своей жизни, потом заплакал.

Он снова взглянул на меня. Я почувствовал, что его глаза отталкивают меня, и подумал, что этот момент будет моментом моей смерти.

Он сделал мне знак подойти поближе. Я момент колебался, прежде чем сделать шаг вперед: когда я приблизился к нему, он отвел от меня свои глаза и показал мне тыльную сторону своей ладони.

Мелодия сказала: — Смотри.

В середине его ладони была круглая дырка.

— Смотри, — опять сказала мелодия.

Я взглянул в дырку и увидел самого себя.

Я был очень старым и слабым и бежал от нагонявшей меня погони. Вокруг меня повсюду летели искры. Затем три искры задели меня: две — голову и одна — левое плечо. Моя фигура в дырке секунду стояла, пока не выпрямилась совершенно вертикально, затем исчезла вместе с дыркой.

Мескалито вновь повернул ко мне свои глаза. Он был так близко от меня, что я услышал, как они мягко гремят тем самым непонятным звуком, который я уже так много раз слышал этой ночью. Постепенно они стали спокойными, пока не стали подобны тихим озерам, прорываемым золотыми и черными искрами.

Он опять отвел глаза и отпрыгнул, как кузнечик, на расстояние чуть не в 25 метров. Он прыгнул еще и еще и исчез.

Следующее, что я помню, так это то, что я пошел... Очень сознательно я пытался узнать знакомые объекты, такие, как горы вдали, для того, чтобы сориентироваться. Я был лишен точек ориентации в течение всего приключения, но считал, что север должен быть слева от меня. Я долгое время шел в этом направлении, пока не понял, то уже наступил день, и что я уже не использую свое "ночное виденье". Я вспомнил о часах и посмотрел: время было 8 часов.

Было уже около десяти утра, когда я пришел к скале, где я был прошлой ночью. Дон Хуан лежал на земле и спал.

— Где ты был? — спросил он.

Я сел, чтобы перевести дыхание. После долгого молчания он спросил меня: — Ты видел его?

Я начал пересказывать ему последовательность моих приключений с самого начала, но он прервал меня, сказав, что все, что имеет значение, так это, видел я его или нет. Он спросил, как близко от меня был мескалито... Я сказал, что почти касался его.

Эта часть моего рассказа заинтересовала его. Он внимательно выслушал все детали без замечаний, прерывая лишь, чтобы задать вопросы о форме местности, которую я видел, об ее расположении и прочих деталях.

Было уже около полудня, когда дону Хуану стало, видимо, уже достаточно моих рассказов. Он поднялся и привязал мне на грудь полотняный мешок. Он велел мне идти за ним, сказав, что будет срезать мескалито и передавать их мне, а я должен буду осторожно укладывать их в сумку.

Мы попили воды и отправились. Когда мы достигли края долины он, казалось, секунду колебался, в каком направлении идти. Как только он сделал выбор, мы уже шли все время по прямой.

Каждый раз, когда мы подходили к растению пейота, он склонялся перед ним и очень осторожно срезал верхушку своим коротким зазубренным ножом. Он сделал надрез вровень с землей и потом насыпал "рану", как он называл это, чистым порошком серы, который он нес в кожаном мешочке.

Он держал батончик кактуса в левой руке, я насыпал срез правой рукой.

Затем он вставал и вручал мне батончик, который я принимал двумя руками и, как он велел, клал внутрь мешочка.

— Стой прямо и не давай мешку коснуться земли или кустов или чего-либо еще, — несколько раз повторил он, как будто считая, что я могу забыть. Мы собрали 65 батончиков. Когда мешок был полностью наполнен, он поместил его мне на спину, а на грудь привязал новый мешок.

К тому времени, когда мы пересекли долину, мы уже имели два полных мешка, содержащих 110 батончиков пейота. Мешки были так тяжелы, громоздки, что я едва мог идти под их тяжестью, и объемом.

Дон Хуан прошептал мне, что мешки потому так тяжелы, что мескалито хочет вернуться к земле. Он сказал, что печаль при покидании своих владений делает мескалито тяжелым. Моей

истинной задачей было не дать мешкам коснуться земли, так как, если я это сделаю, то мескалито уже никогда не позволит мне взять его снова.

В один определенный момент давление лямок на мои плечи стало невыносимым. Что-то применяло поразительную силу, чтобы пригнуть меня к земле. Я чувствовал себя очень ответственным. Я заметил, что убыстряю шаги, почти бегу. В некотором роде я трусцой бежал за доном Хуаном.

Внезапно тяжесть на моей спине и груди почти исчезла, ноша стала легкой, как будто в мешках была губка. Я свободно бежал, чтобы не отстать от дона Хуана, который был впереди меня. Я сказал ему, что больше не чувствую тяжести. Он объяснил, что мы вышли из владения мескалито.

3 июня 1962 года.

— Я думаю, что мескалито почти принял тебя, — сказал дон Хуан.

— Почему, дон Хуан, ты говоришь, что он почти принял меня?

— Он не убил тебя и даже не нанес тебе вреда. Он дал тебе хороший испуг, а не то, чтобы действительно плохой. Если бы он не принял тебя совсем, он бы явился тебе чудовищным и полным ярости. Некоторые люди познали значение ужаса, встретившись с ним, не будучи им приняты.

— Если он так ужасен, почему ты не сказал мне об этом прежде, чем вести меня на поле?

— У тебя нет мужества, чтобы искать его сознательно. Я думаю, что будет лучше, если ты не будешь знать.

— Но, дон Хуан, ведь я мог умереть!

— Да, мог. Но я был почти уверен, что для тебя все обойдется благополучно. Он играл с тобой однажды. Он не повредил тебе. Я считал, что он также будет иметь к тебе расположение и на этот раз.

Я спросил его, действительно ли считал, что мескалито имеет ко мне расположение. Мой опыт был устрашающим. Я чувствовал, что чуть не умер от страха. Дон Хуан сказал, что мескалито дал мне урок.

Я спросил его, что это был за урок и что он означал. Он сказал, что на такой вопрос будет невозможно ответить, потому что я слишком напуган, чтобы знать *точно*, что я спрашивал.

Дон Хуан покопался в моей памяти относительно того, что я срезал мескалито перед тем, как он показал мне сцену на руке. Но я не мог припомнить. Все, что я помнил, это как я упал на колени и начал исповедоваться перед ним в своих грехах. Дону Хуану, казалось, неинтересно было больше разговаривать об этом. Я спросил его: — Ты научишь меня словам песни, которую ты пел?

— Нет, не могу. Это мои собственные слова, слова, которым защитник сам обучил меня. Песни — это *мои* песни. Я не могу рассказать тебе, чем они являются.

— Почему ты не можешь, дон Хуан.

— Потому что эти песни есть звено между мной и защитником. Я уверен, что когда-нибудь он обучит тебя твоим собственным песням. Подожди до тех пор и никогда не копируй и не спрашивай о песнях, которые принадлежат другому человеку.

— Что это было за имя, которое ты называл? Скажи мне это, дон Хуан?

— Нет. Его имя никогда не должно произноситься вслух, кроме как для того, чтобы вызвать его.

Что, если я сам захочу позвать его?

— Если когда-нибудь он примет тебя, то он скажет тебе свое имя. Это имя будет для тебя одного. Или чтобы звать громко, или чтобы произносить его спокойно про себя. Может, он скажет, что его имя Хосе. Как знать?

— Почему нельзя называть его имени, говоря с ним?

— Ведь ты видел его глаза? Ты не можешь шутить с защитником. Вот почему я не могу обойти тот факт, что он играл с тобой.

— Как он может быть защитником, если он некоторым людям причиняет вред?

— Ответ очень прост. Мескалито является защитником, потому что он доступен каждому, кто его ищет.

— Но разве не верно, что все в мире доступно для любого, кто его ищет?

— Нет, это не верно. Силы *олли* доступны только для брухо, но любой может приобщиться к мескалито.

- Но почему же тогда он приносит вред некоторым?
- Не все любят мескалито, и, однако, все они ищут его, надеясь выгадать что-то, не затрачивая трудов. Естественно, что их встреча с ним поистине ужасна.
- Что происходит, когда он полностью примет человека?
- Он является ему как человек или как свет. Когда человек добился этого, мескалито постоянен. Он никогда после этого не меняется. Может быть, когда ты встретишься с ним опять, он будет светом и возьмет тебя в полет, чтобы открыть тебе все свои секреты.
- Что мне следует делать, чтобы достичь этой точки, дон Хуан?
- Тебе надо быть сильным человеком, и твоя жизнь должна быть правдивой.
- Что такое правдивая жизнь?
- Жизнь, прожитая с сознательностью, хорошая, сильная жизнь.

5.

Время от времени дон Хуан значительно спрашивал о состоянии моего растения дурмана. За год, который прошел с тех пор, как я посадил корень, растение выросло в большой куст, оно принесло семена и семенные коробочки засохли. И дон Хуан решил, что пришло время для меня, чтобы узнать больше о "траве дьявола".

27 января 1962 года.

Сегодня дон Хуан дал мне предварительную информацию о второй порции корня дурмана, второго традиционного шага в учении. Он сказал, что вторая порция корня была действительно началом учения, по сравнению с ней первая порция была детской игрой. Вторая порция должна быть в совершенстве освоена, ее следует принять, сказал он, по крайней мере, двадцать раз, прежде чем переходить к третьей порции. Я спросил: — Что дает вторая порция?

— Вторая порция "травы дьявола" используется для видения, с ее помощью человек может летать по воздуху, чтобы увидеть, что происходит в любом месте, которое он выберет.

— Разве человек действительно может летать по воздуху, дон Хуан?

— Почему бы нет? Как я тебе уже говорил раньше, "трава дьявола" для тех, кто ищет силы. Человек, который освоил вторую порцию, может делать невозможные вещи, чтобы получить еще больше силы.

— Какого сорта вещи, дон Хуан?

— Не могу тебе сказать — каждый человек различен.

28 января 1962 года.

Дон Хуан сказал: — Если ты успешно завершишь второй этап, то я смогу показать тебе лишь еще один. В процессе учения о "траве дьявола" я понял, что она не для меня и не пошел по ее пути дальше.

— Что заставило тебя так решить, дон Хуан?

— "Трава дьявола" чуть не убивала меня каждый раз, когда я пытался использовать ее. Однажды было так плохо, что я подумал, что со мной все покончено. Я все же смог уйти от этой боли.

— Как? Разве есть способ избежать боли?

— Да, способ есть.

— Это что, заклинание, процедура или еще что?

— Это способ подхода к вещам. Например, когда я учился знанию о "траве дьявола", я был слишком жаден к получению знания. Я хватался за вещи, как дети хватаются за сладости. "Трава дьявола" есть лишь один путь из миллиона. Поэтому ты всегда должен помнить, что путь — это только путь.

Если ты чувствуешь, что тебе не следовало бы идти по нему, то не должен оставаться на нем ни при каких обстоятельствах. Для того, чтобы иметь такую ясность, ты должен вести

дисциплинированную жизнь. Лишь в том случае ты будешь знать, что любой путь — это всего лишь путь и что нет никакой абсолютно преграды ни для тебя самого, ни для других, чтобы бросить его, если именно это велит тебе сделать твое сердце. Но твое решение остаться на этом пути или бросить его должно быть свободно от страха и амбиции. Я предупреждаю тебя об этом. Смотри на любой путь вплотную и решительно.

Испытай его, столько раз, сколько найдешь нужным. Затем спроси себя, и только себя одного. Этот вопрос таков, что лишь очень старые люди задают его себе.

Мой учитель сказал мне о нем однажды, когда я был молод, но моя кровь была слишком горяча для того, чтобы я понял его. Теперь я это понимаю. Я скажу тебе, что это такое: имеет ли этот путь сердце?

— Все пути одинаковы: они ведут в никуда. Это пути, ведущие человека через кусты или в кусты. Я могу сказать, что в своей жизни я прошел длинные-длинные дороги. Но я не нахожусь где-либо. Вопрос моего учителя имеет теперь смысл. Имеет ли этот путь сердце? Если он его имеет, то этот путь хороший. Если он его не имеет, то толку от этого пути нет. Оба пути ведут в никуда, но один имеет сердце, а другой — нет. Один путь делает путешествие по нему приятным столько, сколько ты по нему идешь, ты с ним одно целое. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь делает тебя сильным, другой ослабляет тебя.

21 апреля 1963 года.

Во вторник, днем, 16 апреля, мы с доном Хуаном отправились в холмы, где росло его растение дурмана. Он попросил меня оставить его там одного и подождать в машине. Он вернулся через три часа, неся сверток, завернутый в красную тряпку.

Когда мы поехали назад к его дому, он показал на сверток и сказал, что это его последний дар мне.

Я спросил, не собирается ли он бросить учить меня дальше.

Он сказал, что имеет в виду тот факт, что у меня есть теперь полностью зрелое растение и мне не понадобится его растение.

В конце дня мы сидели в комнате. Он принес хорошо выделанную ступку и пестик. Чаша ступки была примерно 15 см в диаметре. Он развернул большой узел, полный свертков маленького размера, выбрал два из них и положил их на соломенную циновку рядом со мной; затем он добавил к ним еще четыре свертка такого же размера из узла, который он принес домой. Он сказал, что это семена и что я должен растереть их в мелкий порошок. Он развернул первый узел и высыпал часть содержимого в каменную ступку. Семена были сухие, круглые и похожи на желтую карамель по окраске.

Я начал работать пестиком; через некоторое время он поправил меня, сказав, что надо сначала упереть пестик с одной стороны ступки, а затем вести его через дно и вверх по другой стороне. Я спросил, что он собирается делать с порошком. Он не захотел об этом разговаривать.

Первая порция семян оказалась очень твердой. У меня ушло часа четыре на то, чтобы их растереть. Мою спину ломило из-за положения, в котором я сидел. Я лег и собирался тут же уснуть, но дон Хуан открыл следующий мешок и положил часть его содержимого в ступку. Эти семена были слегка темнее, чем в первый раз, и были слипшимися вместе. Остальное содержимое мешка напоминало порошок из маленьких круглых гранул.

Я хотел что-нибудь поесть, но дон Хуан сказал, что если я хочу учиться, то я должен следовать правилу. А правило таково, что я могу попить лишь немного воды, узнавая секреты второй порции.

Третий мешочек содержал горсть живых черных семенных жучков (или червячков). И в последнем мешочке были свежие белые семена, мягкие, почти как каша, но волокнистые и трудно поддающиеся растиранию в тонкую пасту, как он требовал от меня.

После того, как я кончил растереть содержимое четырех мешков, дон Хуан, отмерив две чашки зеленоватой воды, вылил ее в глиняный горшок и поставил горшок на огонь. Когда вода закипела, он добавил первую порцию растертых семян. Он помешивал в горшке длинным острым куском дерева или кости, которые он принес в своем кожаном мешке. Как только вода снова закипела, он добавил одну за другой остальные субстанции, следуя той самой процедуре. Затем он добавил еще одну чашку зеленоватой воды и дал смеси париться на малом огне.

Затем он сказал мне, что пришло время раздробить корень. Он осторожно извлек длинный кусок корня дурмана из мешка, который он принес домой.

Корень был примерно 40 см длиной. Он был толстый, около 3.5 см в диаметре.

Он сказал, что это вторая порция. И вновь он отмерил вторую порцию сам, так как это был все еще его корень. Он сказал, что в следующий раз, когда я буду испытывать "траву дьявола", я должен буду отмерить корень сам.

Он пододвинул ко мне большую ступку, и я начал дробить корень тем же самым способом, которым он раздавливал первую порцию. Он руководил моими действиями в том же порядке, и опять мы оставили раздавленный корень вымачиваться в воде, выставленной на ночной воздух.

К тому времени кипящая смесь в глиняном горшке загустела. Дон Хуан снял горшок с огня, положил его в сетку и повесил его к потолку в середине комнаты.

Примерно в 8 часов утра 17 апреля, дон Хуан и я начали, как в прошлый раз, "отмывать" экстракт корня водой. Был ясный солнечный день, и дон Хуан истолковал хорошую погоду, как признак того, что "траве дьявола" я нравлюсь.

Он сказал, что рядом со мной может только вспоминать, какой плохой была погода для него.

Процедура "отмывания" экстракта корня была той же самой, которую я наблюдал при приготовлении первой порции. В конце дня, после того, как верхняя вода была слита в восьмой раз, оставалась ложка желтоватой субстанции на дне чаши.

Мы вернулись в его комнату, где еще оставались два мешочка, которые он не трогал. Он открыл один из них, засунул в него руку и другой рукой обернул края мешочка вокруг запястья. Он, казалось, держал что-то, судя по тому, как двигалась его рука внутри мешка. Внезапно, быстрым движением он стянул мешок с руки, как перчатку, вывернул его и поднес свою руку вплотную к моему лицу. Он держал ящерицу. Ее голова была в нескольких дюймах от моих глаз. Было что-то странное со ртом у ящерицы. Я глядел на нее секунду, а затем невольно отшатнулся. Рот ящерицы был зашит грубыми стежками. Дон Хуан велел мне держать ящерицу в левой руке. Я схватил ее.

Она извивалась вокруг моей ладони. Я почувствовал тошноту. Мои руки начали потеть.

Он взял последний мешок и, повторив те же движения, извлек другую ящерицу. Я увидел, что ее веки были сшиты вместе. Он велел мне держать эту ящерицу в правой руке.

К тому времени, как обе ящерицы были у меня в руках, я был почти в обмороке. Я чувствовал огромное желание бросить ящериц и удрать отсюда.

— Не дави их, — сказал он, и его голос вернул мне чувство облегчения и направленности.

Он спросил, что со мной неладно. Он пытался быть серьезным, но не смог выдержать серьезное лицо и рассмеялся. Я попытался облегчить свою хватку, но мои ладони так сильно вспотели, что ящерицы начали выскользывать из них. Их маленькие острые коготки царапали мне руки, вызывая невероятное чувство отвращения и тошноты. Я закрыл глаза и стиснул зубы. Одна из ящериц уже вылезла мне на запястье. Все, что ей оставалось сделать, чтобы освободиться, так это — вытащить свою голову, зажатую у меня между пальцами.

Я чувствовал непреодолимое отвращение и ощущение физического отчаяния и высшего неудобства. Я простонал сквозь зубы, чтобы дон Хуан забрал от меня проклятых созданий. Моя голова непроизвольно тряслась. Он смотрел на меня с любопытством. Я рычал, как медведь, сотрясаясь всем телом. Он положил ящериц обратно в мешочки и начал хохотать. Я хотел тоже засмеяться, но в животе у меня было беспокойно. Я прилег.

Я объяснил ему, что в такой эффект меня ввело ощущение их коготков у меня на руках. Он сказал, что есть множество вещей, способных свести человека с ума, в особенности, если он не имеет устремленности, необходимой для учения. Но если человек имеет ясное несгибаемое стремление, то чувства никак не могут быть задержкой, потому что он способен их контролировать.

Дон Хуан некоторое время подождал, а затем, повторив все предыдущие движения, вручил мне ящериц снова. Он велел держать их головками вверх и мягко поглаживать ими по моим вискам, спрашивая у них все, что я хочу узнать.

Я сначала не понял, что он от меня хочет. Он вновь велел мне задавать ящерицам любые вопросы, какие я не могу решить сам. Он привел мне целый ряд примеров. Я могу узнать о людях, которых я обычно не вижу, о потерянных вещах или о местах, где я не бывал. Тогда я понял, что он говорит о ясновидении. Я стал очень возбужденным. Мое сердце заколотилось.

Я почувствовал, что у меня перехватывает дыхание.

Он хочет, чтобы я в первый раз не задавал личных вопросов; он сказал, что мне лучше подумать о чем-либо, прямо ко мне не относящемся. Я должен думать быстро и отчетливо, потому что потом не будет возможности изменить свои мысли.

Я лихорадочно стал придумывать, что бы такое я хотел узнать.

Дон Хуан подгонял меня, и я был поражен, поняв, что не могу ничего придумать, о чем бы спросить ящериц.

После мучительно долгого ожидания я нечто придумал. Несколько раньше из читального зала была украдена большая пачка книг. Это не был личный вопрос, но все же он меня интересовал. Я не имел никаких предварительных соображений относительно лица или лиц, взявших книги. Я потер ящерицами свои виски, спрашивая их, кто был вором.

Немного погодя, дон Хуан убрал ящериц в их мешки и сказал, что нет никаких глубоких секретов относительно корня или пасты. Паста изготавливается, чтобы дать направленность. Корень делает вещи ясными. Но настоящее чудо — это ящерицы. Они были секретом всего колдовства со второй порцией. Я спросил, являются ли они каким-нибудь особым видом ящериц. Он ответил, да. Они должны быть из района, где растет растение колдующего.

Они должны быть его друзьями. А чтобы иметь ящериц друзьями, нужен долгий период ухаживания. Следует развить прочную дружбу с ними, давая им пищу и говоря им добрые слова.

Я спросил, почему так важна их дружба. Он ответил, что ящерицы позволяют поймать себя только, если они знают человека, и любой, кто всерьез принимает "траву дьявола" должен и ящериц принимать всерьез. Он сказал, что, как правило, ящериц следует ловить тогда, когда паста и корень уже приготовлены. Их следует ловить в конце дня.

— Если ты не на дружеской ноге с ящерицами, — сказал он, — то можно потратить несколько дней на безуспешные попытки поймать их. Паста хранится только один день. Затем он дал мне длинный инструктаж относительно того, что следует делать с пойманными ящерицами.

— Как только тыймаешь ящериц, возьми первую и поговори с ней.

Извинись за то, что причиняешь ей боль и попроси ее помочь тебе.

Деревянной иглой зашей ей рот. Для шитья используй один из видов растения чоей и волокно агавы. Стежки стягивай туго. Затем скажи то же самое второй ящерице и сшей вместе ее веки. К тому времени, как наступит ночь, ты уже будешь готов. Возьми ящерицу с зашитым ртом и скажи ей, о чем ты хочешь узнать. Попроси ее пойти и посмотреть за тебя; скажи ей, что ты вынужден был зашить ей рот, чтобы она спешила назад к тебе и не разболтала ничего никому по дороге. Дай ей окунуться в пасту после того, как ты помажешь пастой ей голову. Затем опусти ее на землю. Если она пойдет в счастливую для тебя сторону, то магия будет удачной и легкой. Если она побежит в противоположную сторону, то колдовство не удастся. Если ящерица пойдет к тебе (юг), то ты можешь ожидать более, чем обычной удачи, но если она будет убегать от тебя (север), то колдовство будет ужасно трудным. Ты можешь даже погибнуть. Поэтому, если ящерица бежит прямо от тебя, то это хороший момент, чтобы отступить. Если ты сделаешь так, ты потеряешь возможность командовать ящерицами, но это лучше, чем потерять жизнь.

С другой стороны, ты можешь решить продолжить колдовство, несмотря на ее предупреждение. Если ты сделаешь так, то следующим шагом будет взять вторую ящерицу и попросить ее о том, чтобы она послушала рассказ ее сестры и пересказала его тебе.

— Но как может ящерица с зашитым ртом рассказать мне, что она видит?

Разве ее рот был зашит не для того, чтобы она не говорила?

— Зашитый рот не даст ей возможность рассказать свою повесть незнакомцам. Люди говорят, что ящерицы болтливы. Они повсюду задерживаются поболтать. Как бы то ни было, следующим шагом будет нанесение пасты ей на голову (на затылок). Затем ты потри ее головой свой правый висок, не давая пасте попасть на середину твоего лба. В начале твоего учения неплохо привязать ящерицу за середину туловища к твоему правому плечу. Тогда ты не потеряешь ее и не покалечишь ее. Но по мере твоего продвижения в учении, когда ты лучше познакомишься с "травой дьявола", ящерицы научатся повиноваться тебе и будут крепко держаться у тебя на плече. После того, как ты ящерицей нанес себе пасту на правый висок, опусти пальцы обеих рук в горшок. Сначала разотри пасту на обеих висках, а затем нанеси ее на обе стороны своей головы. Паста высыхает очень быстро и ее можно накладывать столько раз, сколько необходимо. Каждый раз начинай с того, что используй при нанесении голову ящерицы, а затем уже свои пальцы. Рано или поздно, но та ящерица, что убежала смотреть, вернется и расскажет своей сестре все о путешествии, а слепая ящерица расскажет тебе, как будто ты относишься к тому же виду.

Когда колдовство будет закончено, отпусти ящерицу, но не смотри, куда она побежит. Выкопай глубокую яму голыми руками и зарой туда все, что использовал.

Около шести часов вечера дон Хуан выбрал из горшка экстракт корня на плоский кусок сланца; там было меньше чайной ложки желтоватого крахмала.

Половину его он положил в чашку в руке, чтобы растворить субстанцию, он вручил ее мне и велел выпить смесь. Она была безвкусной, но оставила горьковатый привкус у меня во рту. Вода

была слишком горячей, и это раздражило меня. Мое сердце начало сильно биться, но скоро я опять успокоился.

Дон Хуан взял другую чашку с пастой. Паста выглядела застывшей и имела стекловидную поверхность. Я попробовал проткнуть корку пальцем, но дон Хуан подскочил ко мне и оттолкнул мою руку от чаши. Он пришел в большое возбуждение, он сказал, что было чистым безумием с моей стороны делать такую попытку и что если я действительно хочу учиться, то нельзя быть беззаботным. Это — сила, — сказал он, указывая на пасту, — и никто не может сказать, что это за сила в действительности. Уже то достаточно плохо, что мы манипулируем с ней для наших личных целей, избежать чего мы не можем, так как мы люди, но мы, по крайней мере, должны обращаться с ней с должным уважением.

Смесь выглядела как овсяная каша. По-видимому, в ней было достаточно крахмала, чтобы придать ей такую консистенцию. Он велел мне достать мешочки с ящерицами. Он взял ящерицу с зашитым ртом и осторожно передал ее мне. Он велел мне взять ее левой рукой, взять немного пасты на палец и растереть ее у ящерицы на лбу, затем отпустить ящерицу в горшок и держать ее там, пока паста не покроет все ее тело.

Затем он велел мне вынуть ящерицу из горшка. Он поднял горшок и повел меня на каменистое место, неподалеку от его дома. Он указал мне на большую скалу и велел мне сесть перед ней, как бы, если бы это было мое растение дурмана, и держа ящерицу перед лицом, объяснить ей вновь, что я хочу узнать и попросить ее пойти найти для меня ответ.

Он посоветовал мне извиниться перед ящерицей за то, что я причиняю ей неудобство, и пообещать ей, что взамен я буду добрым ко всем ящерицам. А затем он велел мне взять ящерицу между средним и безымянным пальцами моей руки там, где он когда-то сделал порез, и танцевать вокруг скалы точно также, как я делал, когда пересаживал саженец "травы дьявола". Он спросил меня, помню ли я все, что я делал в тот раз. Я сказал, что помню. Он подчеркнул, что все должно делаться так, как если бы я не помнил, что мне надо подождать, пока в голове все прояснится. Он с большой настойчивостью предупреждал меня, что если я буду спешить и действовать необдуманно, то я могу нанести себе вред. Его последней инструкцией было: положить ящерицу с закрытым ртом и следить, куда она побежит, для того, чтобы я мог определить исход колдовства. Он сказал, что я даже на секунду не должен отрывать своих глаз от ящерицы, потому что у ящериц было обычным трюком рассеять внимание наблюдателя и шмыгнуть в сторону. Было еще не совсем темно. Дон Хуан взглянул на небо.

— Я оставляю тебя одного, — сказал он и ушел.

Я последовал всем его наставлениям, а затем положил ящерицу на землю.

Ящерица неподвижно стояла там, где я ее положил. Затем она посмотрела на меня, побежала к камням на востоке и скрылась среди них.

Я сел на землю перед скалой, как если бы это было мое растение дурмана. Глубокая печаль охватила меня. Я гадал о ящерице с зашитым ртом.

Я думал о ее странном путешествии и о том, как она взглянула на меня перед тем, как убежать. Это была навязчивая мысль. По-своему, я тоже был ящерицей, совершающей другое странное путешествие. Моя судьба могла, быть может, только в том, чтобы видеть, в этот момент я чувствовал, что мне, возможно, никогда никому не удастся рассказать о том, что я видел.

К тому времени стало темно. Я с трудом мог различать скалы перед собой. Я думал о словах дона Хуана: "сумерки — это трещина между двумя мирами".

После долгого колебания я начал следовать предписаниям. Паста, хотя и выглядела, как овсяная каша, не была такой на ощупь. Она была скользкой и холодной. Она имела специфический запах. Она давала коже ощущение холода и быстро высыхала. Я потер свои виски 11 раз, не заметив никакого эффекта. Я очень тщательно старался не пропустить никакого изменения в восприятии или в настроении, потому что я даже не знал, чего ждать. К слову сказать, я не мог разуместь сути этого опыта и продолжал искать отгадки. Паста высохла и сковала мои виски. Я уже собирался нанести на них еще пасты, когда понял, что сижу по-японски, на пятках. Я сидел, скрестив ноги, и не мог припомнить, чтобы я менял положение. Потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что я сижу на полу в своего рода келье с высокими арками. Я думал, что это кирпичные арки, но осмотрев их, увидел, что это камень.

Этот переход был очень труден. Он пришел так внезапно, что я не готов был уследить за ним. Мое восприятие элементов сиденья было рассеянным, как если бы я спал. Однако, компоненты не изменились. Они оставались постоянными, и я мог остановиться рядом с любым из них и, фактически, обследовать его. Виденье не было столь ясным, какое дает пейот. Оно имело мистический характер чрезвычайно приятного пастельного качества.

Я подумал, могу ли я встать или нет, и следующее, что я понял, так это то, что я двигаюсь. Я был наверху лестницы и внизу ее была моя подруга. Ее глаза лихорадочно блеснули. В них был отблеск безумия. Она громко смеялась с такой интенсивностью, что это пугало. Она стала подниматься по лестнице. Я хотел убежать или укрыться, потому что она побывала в мотоциклетной катастрофе недавно. Такова была мысль, появившаяся в моем мозгу. Я укрылся за колонной, и она прошла мимо, не заглянув. "сейчас она отправится в длинное путешествие", — подумал я. И, наконец, последняя мысль, которую я запомнил, была: "она смеется каждый раз, когда готовится надломиться".

Внезапно сцена стала очень ясной. Она более не была похожа на сон.

Это была как бы реальная сцена, на которую я смотрел через оконное стекло... Я попытался тронуть колонну, но все, что я ощутил, так это, что не могу двигаться. Однако, я знал, что могу стоять, сколько хочу, наблюдая за сценой. Я был внутри этой сцены, но не был ее частью.

Я испытал наплыв рациональных мыслей и аргументов. Настолько, насколько я мог судить, я был в трезвом уме и в трезвом восприятии окружающего. Каждый элемент относился к моему обычному восприятию. И все же я знал, что это не обычное состояние.

Сцена резко изменилась. Была ночь. Я находился в холле какого-то здания. Темнота внутри здания дала мне понять, что предыдущая сцена была залита ярким солнечным светом. Однако, это было так на своем месте, что тогда я этого не заметил. Вновь заглянув в новое видение, я увидел молодого человека, выходящего из комнаты и несущего большой рюкзак за плечами. Я не знал, кто он такой, хотя раз или два видел его. Он прошел мимо меня и стал опускаться по лестнице.

К тому времени я забыл свое предубеждение и свои рациональные дилеммы. "Кто этот парень? — подумал я. — зачем я его вижу?" Сцена вновь изменилась, и я увидел, как молодой человек выкладывает книги. Он склеивал некоторые страницы вместе, удалял надписи и т. д...

Затем я увидел, как он аккуратно расставляет книги в шкафу. Там было много полок и шкафов. Они были не в его комнате, но в хранилище. Другие картины приходили мне в голову, но они не были ясны. Сцена стала туманной. Я ощутил вращение.

Дон Хуан потряс меня за плечи, и я проснулся. Он помог мне встать, и мы пошли к дому.

С момента, когда я начал растирать пасту на висках, прошло три с половиной часа, но зрительные сцены не могли длиться более десяти минут. Я совсем не имел болезненных ощущений. Я просто был голоден и хотел спать.

18 апреля 1963 года.

Прошлой ночью дон Хуан просил рассказать ему мои последние впечатления, но я был слишком сонным, чтобы говорить об этом. Я не мог сконцентрироваться. Сегодня, как только я проснулся, он снова спросил меня: — Кто сказал тебе, что девушка х упала с мотоцикла? — спросил он, когда я закончил рассказ.

— Никто. Это просто была одна из мыслей, которая пришла мне в голову.

— Ты думаешь, что это были твои мысли?

Я сказал ему, что это были мои мысли, хотя у меня не было повода думать, что она больна. Это были странные мысли. Они, казалось, падали в мой мозг из ниоткуда. Он взглянул на меня инквизиторски. Я спросил его, верит ли он мне. Он рассмеялся и сказал, что это моя привычка быть неосторожным со своими поступками.

— Что я сделал неправильно, дон Хуан?

— Тебе надо было слушать ящерицу.

— Так как я должен был ее слушать?

— Маленькая ящерица на твоём плече описывала тебе все, что видела ее сестра. Она говорила с тобой. Она все рассказывала тебе, но ты не обращал внимания. Вместо этого ты считал, что слова ящерицы — это твои собственные мысли.

— Но это были мои собственные мысли, дон Хуан.

— Нет, не были. В этом характерная черта этого колдовства.

Фактически, видение должно скорее выслушиваться, чем просматриваться.

Такая же вещь случилась со мной. Я собирался предупредить тебя, когда вспомнил, что мой бенефактор не предупредил меня.

— Был твой опыт похож на мой, дон Хуан?

— Нет, у меня было адское путешествие. Я чуть не умер.

— Почему оно было адским?

— Может, потому, что "трава дьявола" не любила меня, или потому, что мне было самому ясно, что я хочу спросить. Как ты вчера. Ты, должно быть, думал о той девушке, когда спрашивал о книгах.

— Я не могу припомнить.

— Ящерицы никогда не ошибаются. Они каждую мысль воспринимают, как вопрос. Ящерица вернулась и рассказала тебе о х то, что никто никогда не поймет, потому что даже ты не знаешь, что ты спрашивал.

— Как насчет другого видения, которое было у меня?

— Должно быть, твои мысли были устойчивы, когда ты задавал этот вопрос, и именно так должно проводиться это колдовство, с ясностью.

— Ты имеешь в виду, что видение с девушкой не должно восприниматься серьезно?

— Как можно принимать его серьезно, если ты не знаешь, на какой вопрос отвечали маленькие ящерицы?

— Будет ли для ящериц более ясно, если задавать только один вопрос?

— Да, так будет яснее. Если ты сможешь удержать устойчиво одну мысль.

— Но что случится, дон Хуан, если один вопрос будет не простой, а сложный?

— До тех пор, пока твоя мысль устойчива и не уходит в посторонние предметы, она ясна ящерам и их ответ ясен тебе.

— Можно ли задать другие вопросы ящерам по ходу видения?

— Нет. Видение состоит в том, чтобы смотреть на то, что ящерица рассказывает тебе. Вот почему я сказал, что скорее виденье для слуха, чем виденье для глаз. Вот почему я просил тебя не задавать личных вопросов.

Обычно, когда вопрос о близких людях, то твое желание дотронуться до них или поговорить с ними слишком сильно, и ящерицы прекращают рассказывать, и колдовство рассеивается. Ты должен знать намного больше, чем знаешь сейчас, прежде, чем пытаться видеть вещи, которые касаются тебя лично. В следующий раз ты должен слушать внимательно. Я уверен, что ящерицы сказали тебе много-много вещей, но ты не слушал.

19 апреля 1963 года.

— Что это было такое, что я перетер для пасты, дон Хуан?

— Семена "травы дьявола" и насекомых, которые живут в коробочках вместе с семенами. Мерка — по одной горсти того и другого, — он сделал ладонь лодочкой, показывая мне, сколько.

Я спросил его, что случится, если один элемент будет использован без другого. Он сказал, что такой эксперимент только оттолкнет "траву дьявола" и ящериц.

— Ты не должен отталкивать ящериц, — сказал он, — поэтому на следующий день, вечером, ты должен вернуться к месту, где растёт твое растение. Говори со всеми ящерицами и проси тех двух, что помогли тебе в колдовстве, выйти снова. Ищи повсюду, пока совершенно не стемнеет. Если не сможешь найти тех, то ты должен попытаться найти их на следующий день.

Если ты силен, то ты найдешь обеих и тогда ты должен будешь съесть их тут же на месте. И ты навсегда будешь наделен способностью видеть неизвестное.

Тебе никогда не нужно будет вновь ловить ящериц, чтобы практиковать их колдовство. С тех пор они будут жить внутри тебя.

— А что мне делать, если я найду лишь одну из них?

— Если ты найдешь лишь одну из них, ты должен в конце концов отпустить ее. Если ты поймал ее в первый день, то не держи ее в надежде, что на следующий день поймал другую. Это лишь испортит твою дружбу с ними.

— Что случится, если я совсем не смогу найти их?

— Думаю, что для тебя это будет самым лучшим. Это будет значить, что ты должен будешь ловить ящериц каждый раз, когда тебе нужна их помощь, но это означает также, что ты свободен.

— Что ты имеешь в виду под этим?

— Свободен от того, чтобы быть рабом "травы дьявола". Если ящерицы будут жить внутри тебя, то "трава дьявола" никогда не отпустит тебя.

— Это плохо?

— Конечно, это плохо. Она отрежет тебя от всего остального. Ты будешь вынужден провести свою жизнь, обращаясь с ней, как со своим *олли*. Она собственница. Как только она станет доминировать над тобой, то для тебя останется лишь один путь — ее путь.

— Что, если я обнаружу, что ящерицы мертвы?

— Если ты обнаружишь одну или обеих ящериц мертвыми, то ты не должен будешь предпринимать попыток совершать это колдовство в течение некоторого времени. Отложи все это на время. Я думаю, что это все, что я должен был тебе сказать; то, что я сказал тебе — закон. Когда бы ты ни совершал это колдовство сам, ты должен следовать всем шагам, которые я описал тебе, когда ты сидел перед твоим растением. Еще одна вещь. Ты не должен ни есть, ни пить, пока колдовство не закончено.

6.

Следующим шагом учения дон Хуана был новый аспект освоения второй порции корня дурмана. В тот период времени, который пролетел между двумя стадиями учения, дон Хуан расспрашивал только о развитии моего растения.

27 июня 1963 года.

— Будет неплохо испытать "траву дьявола" прежде, чем полностью ступить на ее путь, — сказал дон Хуан. — ты должен испытать другое колдовство с другими ящерицами. У тебя есть все необходимые элементы, чтобы задать ящерицам еще один вопрос, на этот раз без моей помощи.

— Есть ли такая необходимость, чтобы я совершал это колдовство, дон Хуан?

— Это лучший способ испытать чувства "травы дьявола" по отношению к тебе. Она испытывает тебя все время, поэтому будет справедливо испытать ее тоже. И, если ты почувствуешь где-нибудь на ее пути, что по той или иной причине, тебе не следует идти дальше, ты должен будешь просто остановиться.

29 июня 1963 года.

Я задал вопрос о "траве дьявола". Я хотел, чтобы дон Хуан побольше рассказал мне о ней, в то же время я не хотел становиться соучастником.

— Вторая порция используется только для ясновидения, так, дон Хуан? — спросил я, чтобы начать разговор.

— Не только для этого. С помощью второй порции учатся колдовству с ящерицами и в то же время испытывают "траву дьявола"; но в действительности, вторая порция используется для других целей. Колдовство с ящерицами — это только начало.

— Тогда для чего же она используется, дон Хуан?

Он не ответил. Он резко сменил тему разговора и спросил меня, какой величины достигло мое растение дурмана. Я руками показал размеры.

Дон Хуан сказал: — Я научил тебя отличать мужское растение от женского. Теперь иди к своим растениям и принеси мне и то и другое. Иди сначала к своему старому растению и тщательно проследи след дождевой воды, сбегавшей по земле. К настоящему времени дождь, должно быть, далеко разнес семена. Проследи промоинки, сделанные дождевыми потоками, и по ним определи направление потока. Затем найди растение в самой отдаленной точке от твоего растения.

Все растения дурмана, растущие между ними, будут твоими. Позднее, когда они ссыплют семена, ты сможешь расширить территорию, следуя по следам дождя, от одного растения к другому.

Он дал мне подробнейшие инструкции относительно всего того, как следует проводить обрезку корня. Прежде всего, я должен выбрать растение и расчистить землю вокруг того места, где корень соединяется со стеблем.

Затем я должен повторить в точности тот танец, который я исполнял, когда пересаживал корневым саженец. В третьих, я должен отрезать стебель, оставив корень в земле. Последним шагом будет выкопать 15 дюймов корня. Он заклинал меня не говорить и не выдавать своих чувств в течение этого акта.

— Ты должен нести два куска материи, — сказал он. — расстели их на земле и положи на них растения. Затем разрежь растения на части и сложи их. Порядок выбирай сам. Но ты должен знать, какой порядок ты использовал, потому что так же ты должен будешь поступать всегда. Принеси растения ко мне, как только они у тебя будут.

6 июля 1963 года.

В понедельник, 1 июля, я срезал растения дурмана, которые просил дон Хуан. Я ждал, пока не стало довольно темно прежде, чем исполнить танцы вокруг растений, так как я не хотел, чтобы меня кто-нибудь случайно увидел. Я чувствовал себя очень стесненно. Я был уверен, что кто-нибудь подсмотрит мои странные действия. Я заранее выбрал растения, которые считал мужским и женским. Мне нужно было отрезать по 15 дюймов корня каждого из них, а копать на такую глубину палкой была нелегкая работа. Мне пришлось заканчивать работу в полной темноте, и когда я был готов отрезать корень, то мне понадобился фонарик. Мое первоначальное опасение, что кто-нибудь увидит меня, было ничтожным по сравнению со страхом, что кто-нибудь заметит в кустах свет фонарика.

Я принес растения в дом дон Хуана во вторник, 2-го июля. Он развязал узлы и рассмотрел куски. Он сказал, что все же вынужден дать мне семена от своих растений. Он поставил передо мной ступку, взял стеклянную кружку и высыпал ее содержимое — сухие семена, склеившиеся вместе — в ступку.

Я спросил, что это за семена, и он сказал, что это семена, погрызенные жучками. Среди них было несколько маленьких жучков-точильщиков. Он сказал, что они — особые жучки, и нам надо выбрать их и сложить в отдельную кружку. Он дал мне другую кружку, на одну треть полную такими же жучками. В кружку была заткнута комком бумага, чтобы не дать жучкам удрать.

— В следующий раз тебе надо будет использовать жучков из своих собственных растений, — сказал дон Хуан. — Тебе надо будет срезать семенные коробочки, имеющие маленькие дырочки — они полны жучков. Открывай коробочку и выскребывай из нее все содержимое в кружку. Отбери горсть жучков и положи их в другую посудину. Обращайся с ними грубо. Не будь с ними деликатным. Отмерь одну горсть семян, погрызенных жучками и одну горсть порошка из жучков, и закопай все остальное в направлении (тут он показал на юго-восток) от своего растения. Затем собери хорошие сухие семена и храни их отдельно. Их ты можешь собрать сколько хочешь. Ты всегда сможешь использовать их. Неплохо также выбрать семена из коробочек, чтобы тут же на месте похоронить остальные.

Потом дон Хуан велел растолочь мне слипшиеся семена первыми, потом яйца жучков, затем жучков и последними — сухие хорошие семена.

Когда это было растерто в мелкий порошок, дон Хуан взял куски дурмана, которые я нарезал, и сложил вместе. Он отделил мужской корень и осторожно завернул его в кусок грубой материи. Он вручил мне остальные, велел порезать все это на мелкие кусочки, хорошенько раздробить и затем слить каждую каплю сока в горшок. Он сказал, что я должен растирать их в том же порядке, в каком я их складывал.

После того, как я все это сделал, он велел мне отмерить одну чашку кипящей воды, смешать ее с содержимым горшка, а затем добавить еще две кружки воды. Он вручил мне гладко отделанную жестяную палочку. Я помешал ею в горшке и поставил его на огонь.

Затем он сказал мне, что надо приготовить корень и что для этого нам нужна более крупная ступка, так как мужской корень совсем нельзя разрезать. Мы пошли за дом. Ступка у него была готова, и я начал мять корень так же, как я делал это раньше. Мы оставили корень намокать в воде, открытый ночному воздуху, и пошли в дом. Он велел мне следить за смесью в горшке. Я должен был дать ей кипеть, пока она не загустеет — пока ее не станет трудно мешать. Затем он лег на циновку и заснул.

Смесь кипела, по крайней мере, час, когда я заметил, что ее становится все труднее и труднее помешивать. Я решил, что она готова и снял с огня. Я поставил ее в сетку и лег спать.

Я проснулся, когда дон Хуан уже встал. Солнце сияло с чистого неба.

Был сухой жаркий день. Дон Хуан опять заметил, что "траве дьявола" я наверняка нравлюсь. Мы начали обрабатывать корень и к концу дня мы имели совсем немного желтоватой субстанции

на дне чаши. Дон Хуан слил верхнюю воду. Я думал, что это конец процедуры, но он опять наполнил чашку кипящей водой.

Он принес первый горшок из-под крыши, где я его повесил. Смесь, казалось, совсем высохла. Он занес горшок в дом, осторожно поставил его на пол и сел. Затем он начал говорить.

— Мой бенефактор говорил мне, что позволительно смешивать растение с нутряным жиром. И именно это ты будешь делать сейчас. Мой бенефактор смешивал растение с нутряным жиром для меня сам, но, как я уже говорил, мне никогда особенно-то не нравился дурман, и я фактически не пытался стать с ним одним целым.

Мой бенефактор говорил мне, что для лучшего результата, для тех, кто действительно хочет усовершенствоваться в силе, правильным будет смешивать растение с нутряным жиром дикого вепря. Жир с кишок лучше всего. Но это ты уж сам будешь выбирать. Может быть колесо повернется так, что ты решишь взять "траву дьявола" как *олли* и, в таком случае, я советую тебе, как советовал мне мой бенефактор, охотиться за диким вепрем и достать жир с его кишок. В иные времена, когда "травка дьявола" была вершиной, колдуны, бывало, отправлялись в специальные охотничьи экспедиции, чтоб достать жир диких вепрей. Они искали самых крупных и самых сильных. У них было специальное колдовство на диких вепрей: они получали от них особую силу, что даже в те времена в это трудно было поверить. Но та сила утеряна. Я ничего не знаю о ней. И я не знаю никого из людей, кто бы знал ее. Может быть, сама трава научит тебя ей.

Дон Хуан отмерил пригоршню жира, бросил его в горшок, содержащий высохшую смесь, и соскоблил жир, оставшийся на ладони, о край горшка. Он велел мне растереть содержимое, пока оно не будет полностью равномерно перемешано.

Я взбивал смесь в течение почти трех часов. Дон Хуан время от времени смотрел на нее и решал, что она еще не готова. Наконец, он, казалось, удовлетворился.

Воздух, взбитый в пасту, придавал ей светло-серую окраску и консистенцию желе. Он повесил горшок под крышей, рядом с другим горшком.

Он сказал, что собирается оставить его здесь до следующего дня, потому что приготовление этой второй порции требует двух дней. Он велел мне ничего не есть все время. Я могу пить воду, но не должен принимать никакой пищи.

На следующий день, в четверг, 1-го июля, дон Хуан велел мне четыре раза осаждать горячей водой корень. К последнему разу, когда я сливал верхнюю воду, стало уже довольно темно. Мы сели на веранде. Он поставил обе чаши перед собой. Экстракт корня составлял чайную ложку беловатого крахмала. Он положил его в чашку и добавил воды. Он покрутил чашку в руке, чтобы растворить субстанцию, а затем вручил ее мне. Я быстро выпил, а затем поставил чашку на пол и откинулся назад.

Сердце у меня начало колотиться, я чувствовал, что не могу дышать.

Дон Хуан велел мне, как само собой разумеющееся, снять с себя всю одежду.

Он взял костяную палочку и начертил две горизонтальные линии на поверхности пасты, разделив таким образом, содержимое чашки на три равные части. Затем, начиная от центра, верхней линии, он провел вертикальную линию вниз, разделив содержимое уже на пять частей. Он указал на нижнюю правую часть и сказал, что это для моей левой стопы, район над ней — для моей левой ноги. Верхняя самая крупная часть — для моих половых органов.

Следующая часть внизу с левой стороны — для моей правой ноги, и часть над ней — для моей правой стопы. Он велел положить часть пасты, предназначенной для моей левой стопы на подошву и хорошенько растереть ее.

Затем он указал мне положить следующие части пасты на всю внутреннюю сторону моей левой ноги, на половые органы, вниз по внутренней стороне моей правой ноги и, наконец, на подошву моей правой ноги.

Я последовал его указаниям. Паста была холодной и имела особенно сильный запах. Когда я кончил накладывать ее, я выпрямился. Запах смеси попал ко мне в ноздри. Он душил меня. Он был подобен какому-то газу. Я буквально задыхался от него. Я попытался дышать через рот и хотел заговорить с доном Хуаном, но не смог.

Дон Хуан продолжал смотреть на меня. Я сделал шаг к нему. Мои ноги были резиновые и длинные, чрезвычайно длинные. Я сделал еще шаг. Мои колени пружинили, как ходули. Они вздрагивали и вибрировали, и сжимались эластично. Я двинулся вперед. Движение моего тела было медленным и трясущимся, это походило на дрожь вперед и вверх, я взглянул вниз и увидел сидящего под собой дон Хуана. Далеко внизу от меня. Инерция пронесла меня вперед на один шаг, который был еще даже более эластичен и длинен, чем предыдущие. И тут я взлетел.

Я помню, что один раз я опустился, затем я оттолкнулся обеими ногами, прыгнул назад и заскользил на спине. Я видел черное небо над собой и облака, пронесшиеся мимо меня. Я дернулся телом так, чтобы можно было смотреть вниз. Я видел темную массу гор. Моя скорость была необычайна. Мои руки были прижаты к обеим бокам. Моя голова была направляющим приспособлением. Если я держал ее откинутой назад, то совершал вертикальные круги. Я изменял направление, поворачивая в сторону голову.

Я наслаждался такой свободой и скоростью, каких я никогда не знал раньше. Волшебная темнота давала мне чувство печали, возможно томления.

Было так, как будто я нашел место, к которому принадлежу, — темнота ночи.

Я пытался смотреть вокруг, но все, что я ощутил, так это, что ночь была чудесна и в то же время содержала в себе так много силы.

Внезапно я понял, что время опускаться, казалось, я получил приказ, которому должен повиноваться. И я начал опускаться, как перышко, маятникообразным движением. Такой тип движения заставил меня нехорошо себя чувствовать. Движение было медленное и дергающееся, как если бы меня передергивали за веревочку. Мне стало плохо. Голова моя раскалывалась от боли. Какая-то чернота поглотила меня. Я очень хорошо помню себя погруженным в эту черноту.

Следующее, что я помню, это ощущение пробуждения. Я был в своей кровати в своей собственной комнате. Я сел. И картина моей комнаты исчезла. Я встал. Я был наг!

Движение вставания опять вызвало у меня тошноту. Я узнавал понемногу окружающую обстановку. Я был примерно в полумиле от дома дон Хуана, рядом с тем местом, где росли его растения дурмана.

Внезапно все стало на свои места, и я сообразил, что мне придется идти пешком всю дорогу до дома Хуана голым. Быть лишенным одежды явилось глубоким психологическим неудобством, но я никак не мог решить эту проблему. Я подумал, что не сделать ли мне юбку из веток, но мысль показалась нелепой, к тому же восход солнца был неподалеку, так как сумерки уже рассеялись. Я забыл о своем неудобстве и о своей тошноте и начал идти к дому. Я был охвачен страхом, что меня заметят. Я высматривал, нет ли впереди людей или собак, я пытался бежать, но поранил ноги о маленькие острые камешки. Я пошел медленно. Было уже очень светло. Затем я увидел, что кто-то идет навстречу по дороге, я быстро прыгнул в кусты. Мое положение показалось мне совершенно безвыходным.

Только что я испытывал невероятную радость полета и в следующую минуту оказался прячущимся, раздраженным своей собственной наготой. Я подумал о том, чтобы выпрыгнуть опять на дорогу и изо всех сил промчаться по дороге мимо проходящего человека. Я думал, что он будет так поражен, что к тому времени, когда он поймет, что это голый мужчина, я уже оставлю его далеко позади. Я все это думал, но не смел двинуться.

Человек, идущий по дороге, поравнялся со мной и остановился. Я услышал, как он зовет меня по имени. Это был дон Хуан и с ним была моя одежда. Когда я одевал ее, он смотрел на меня и хохотал. Он хохотал так заразительно, что я тоже начал смеяться.

В тот же самый день, 5-го июля вечером, дон Хуан попросил меня рассказать ему детали моего опыта. Так тщательно, как мог, я изложил ему весь эпизод.

— Вторая порция "травы дьявола" используется для того, чтобы летать, — сказал он, когда я закончил. — Сама по себе паста недостаточна. Мой бенефактор говорил, что это корень дает направленность и мудрость. И он является причиной полета. Когда ты научишься большому и будешь чаще принимать его для того, чтобы летать, ты станешь все видеть с большой ясностью. Ты сможешь летать по воздуху за сотни километров, чтобы увидеть, что происходит в любом месте, какое тебе надо, или чтобы нанести роковой удар своему врагу, находящемуся далеко от тебя. Когда ты познакомишься с "травой дьявола", она научит тебя, как делать подобные вещи. Например, она уже научила тебя, как менять направление. Точно также она научит тебя невообразимым вещам.

— Подобным чему, дон Хуан?

— Этого я сказать тебе не смогу. Каждый человек различен. Мой бенефактор никогда не говорил мне, чему он научился. Он говорил мне, как продвигаться, но никогда, что он видел. Это только для себя самого.

— Но я все рассказываю тебе, что я видел, дон Хуан.

— Сейчас ты это делаешь. Позднее не будешь. В следующий раз ты возьмешь "траву дьявола" совсем один, вблизи своих собственных растений, потому что именно там ты приземлишься, у своих растений. Запомни это. Вот почему я пошел искать тебя к твоим растениям.

Больше он ничего не сказал, и я заснул. Когда я поздно вечером проснулся, я чувствовал себя полным жизненных сил. Почему-то я испытывал чувство физического удовлетворения. Я был счастлив, удовлетворен.

Дон Хуан спросил меня: — Понравилась тебе эта ночь? Или она была пугающая?

Я сказал, что ночь была восхитительной.

— Как с твоей головной болью? Она была очень сильна?

— Головная боль была столь же сильной, как и все остальные ощущения.

Это была самая сильная боль, какую я только испытывал, — сказал я.

— Удержит ли тебя это от желания попробовать силу "травы дьявола" еще раз?

— Я не знаю. Я не хочу этого сейчас. Но позднее, может, и захочу, я действительно не знаю, дон Хуан.

Был вопрос, который я хотел ему задать. Я знал, что он ускользнет от него, поэтому я ждал, когда он сам коснется этой темы: я ждал весь день.

Наконец, прежде чем уехать вечером, я вынужден был спросить его.

— Я действительно летал, дон Хуан?

— Так ты мне сказал сам. Или было не так?

— Я знаю, дон Хуан. Я имею в виду: мое тело летало? Взлетел ли я, как птица?

— Ты всегда задаешь мне вопросы, на которые я не могу ответить? Ты летал. Для этого и есть вторая порция "травы дьявола". Когда ты будешь принимать ее больше, ты научишься летать в совершенстве. Это не просто.

Человек *летает* с помощью второй порции "травы дьявола". Это все, что я тебе могу сказать. То, что ты хочешь узнать, не имеет смысла. Птицы летают, как птицы, а человек, который принял "траву дьявола" летает, как человек, принявший "траву дьявола".

— Так же, как птица?

— Нет, так же, как человек, принявший "траву дьявола".

— Значит, в действительности я не летал, дон Хуан? Я летал в собственном воображении. Только в своем мозгу. Где было мое тело?

— В кустах, — ответил он, но тут же снова покотился со смеха. — Беда с тобой в том, что ты понимаешь все только с одной стороны. Ты не считаешь, что человек летает, и, однако же, колдун проносится тысячи миль в секунду, чтобы посмотреть, что там происходит. Он может нанести удар своему врагу, находящемуся очень далеко. Так летает он или нет?

— Видишь ли, дон Хуан, мы с тобой по-разному ориентированы.

Предположим, ради довода, что один из моих друзей студентов был бы здесь со мной, когда я принял "траву дьявола". Смог бы он увидеть меня летящим?

— Ну, вот, опять ты со своими вопросами о том, что случилось бы, если... Бесполезно говорить таким образом. Если бы твой друг или кто бы то ни было еще, примет вторую порцию травы, то все, что он сможет сделать — это летать. Ну, а если он просто наблюдает за тобой, то он может увидеть тебя летящим, а может и не увидеть. Это зависит от человека.

— Но я хочу сказать, дон Хуан, что если мы с тобой смотрим на птицу и видим ее летящей, то мы согласимся, что она летит, но если бы двое моих друзей видели меня летящим, как я это делал прошлой ночью, то согласились бы они, что я лечу?

— Ну, они могли бы согласиться. Ты согласен с тем, что птицы летают, потому что видел их летящими. Полет обычен для птиц. Но ты не согласишься с другими вещами, которые птицы делают, потому что ты не видел никогда, что они их делают. Если твои друзья знали о людях, летающих с помощью "травы дьявола", тогда они согласились бы.

— Давай я скажу это по-другому, дон Хуан. Я хочу сказать, что если я привяжу себя к скале тяжелой цепью, то я стану летать точно так же, потому что мое тело не участвует в этом полете.

Дон Хуан взглянул на меня недоверчиво.

— Если ты привяжешь себя к скале, — сказал он, — то я боюсь, что тебе придется летать, держа скалу с ее тяжелой цепью.

7.

Сбор составных частей и подготовка их для курительной смеси составили годовой цикл. В первый год дон Хуан учил меня процедуре. В декабре 1962 года, на второй год, когда цикл был возобновлен, дон Хуан просто руководил мной, я собирал составные части сам, приготовил их и отложил до следующего года.

В декабре 1963 года новый цикл начался в третий раз. Дон Хуан тогда показал мне, как объединять высушенные составные части смеси, которые я собрал и приготовил годом раньше. Он положил курительную смесь в небольшой кожаный мешочек. И мы опять взялись за сбор различных составных частей на следующий год.

Дон Хуан редко упоминал "дымок" в течение года, который промелькнул между сборами. Однако, каждый раз, когда я приезжал навещать его, он давал мне подержать свою трубку, и процедура "знакомства" с трубкой развивалась так, как он ее описал. Он клал мне трубку в руки постепенно. Он требовал абсолютной и тщательной моей концентрации на этом действии и давал мне совершенно исчерпывающие указания. Любая небрежность с трубкой, сказал он, неизбежно приведет к его или к моей смерти.

Как только закончился третий цикл сбора и приготовления, дон Хуан начал говорить, в первый раз за более, чем годовой период, о дымке, или об *олли*.

23 декабря 1963 года.

Мы возвращались на машине к его дому после сбора желтых цветков для смеси. Они были одной из необходимых частей. Я сделал замечание, что в этом году мы не следуем тому примеру в сборе составных частей, которому мы следовали в прошлом году. Он засмеялся и сказал, что дымок не поддается настроениям или обидам, как "трава дьявола". Для дымка не важен порядок сбора ингредиентов; все, что требовалось, так это то, чтобы человек, употребляющий смесь, был аккуратен и точен.

Я спросил дону Хуана, что мы будем делать со смесью, которую он приготовил и отдал мне на хранение. Он ответил, что эта смесь моя и добавил, что мне надо воспользоваться ею как можно скорее. Я спросил, сколько ее требуется каждый раз. Небольшой мешочек, который он мне дал, содержал примерно втрое больше, чем содержит небольшая пачка табака.

Он сказал, что мне надо использовать содержимое мешочка за один год, а сколько мне будет нужно каждый отдельный раз при курении — так это мое личное дело.

Я захотел узнать, что случится, если я не использую весь мешочек. Дон Хуан сказал, что ничего не случится, дымок ничего не требует. Сам он больше не нуждается в курении и все же он каждый год приготавливает новую смесь. Затем он поправился и сказал, что ему редко бывает нужно курить. Я спросил, что он делает с неиспользованной смесью, но он не ответил. Он сказал, что смесь уже нехороша, если не использована в течение одного года.

В этой точке мы вступили в большой спор. Я неправильно выразил свой вопрос, и его ответы казались неясными. Я хотел знать, потеряет ли смесь свои галлюциногенные свойства или силу через год, делая таким образом годовой цикл необходимостью, но он настаивал, что смесь через любое время не теряет свои свойства. Единственное, что происходит, — сказал он, — что человеку она больше не нужна, так как он сделал новый запас. Ему нужно избавиться от неиспользованной старой смеси особым образом, который в данный момент дон Хуан не хотел мне открыть.

24 декабря 1963 года.

— Ты сказал, дон Хуан, что тебе более не нужно курить?

— Да, потому что дымок — мой *олли*, мне не нужно больше курить. Я могу вызвать его в любое время и в любом месте.

— Ты хочешь сказать, что он приходит к тебе даже, если ты не куришь?

— Я имею в виду, что я прихожу к нему свободно.

— Смогу ли я тоже делать это?

— Да, если тебе удастся сделать его своим *олли*.

31 декабря 1963 года.

Во вторник, 25 декабря, я имел первый опыт встречи с *олли* дона Хуана, дымком. Весь день я крутился вокруг него и угождал ему. Мы вернулись в его дом к концу дня. Я заметил, что мы ничего не ели весь день. Но ему совершенно не было дела до всего этого.

Вместо этого он начал говорить мне, что совершенно необходимо для меня познакомиться с дымком. Он сказал, что я сам должен испытать это, чтобы понять, насколько он важен, как *олли*.

Не давая мне возможности что-либо сказать, дон Хуан сообщил мне, что он собирается зажечь свою трубку для меня прямо сейчас. Я попытался разубедить его, утверждая, что я не считаю себя готовым. Я сказал ему, что, мне кажется, я еще недостаточно долго держал трубку просто в руках.

Но он сказал, что мне осталось мало времени учиться и мне придется пользоваться трубкой вскоре.

Он вынул трубку из ее футляра и погладил ее. Я сел на пол рядом с ним и отчаянно пытался заболеть и спасовать, сделать все, что угодно, чтобы избежать этого неизбежного круга.

В комнате было почти темно. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и поставил ее в угол. Обычно лампа поддерживала в комнате относительную полутьму, и ее желтоватый свет всегда успокаивал.

На этот раз, однако, свет казался тусклым и необычайно красным, он нервировал. Дон Хуан развязал свой мешок со смесью, не снимая его с тесьмы, накинутой на шею. Он поднес трубку к себе вплотную, взял ее внутрь рубашки и положил немного смеси в чашечку трубки. Он велел мне наблюдать, указав, что, если сколько-то смеси просыплется, то она попадет к нему за рубашку.

Дон Хуан наполнил чашечку, затем завязал мешочек одной рукой, держа трубку в другой. Он поднес небольшое глиняное блюдо, дал его мне и попросил принести угольков снаружи. Я пошел за дом и, взяв несколько углей из печи, вернулся назад. Я чувствовал глубокое любопытство.

Я сел рядом с доном Хуаном и подал ему блюдо. Он взглянул на него и заметил, что угли слишком большие. Он хотел поменьше, которые войдут внутрь чашечки трубки. Я пошел назад к печке и взял то, что требовалось.

Он взял новое блюдо углей и поставил его перед собой.

Он сидел со скрещенными ногами. Взглянув на меня уголком глаза, он наклонился вперед так, что его подбородок почти коснулся углей. Он держал трубку в левой руке и исключительно быстрым движением правой руки схватил пылающий уголек и положил его в чашечку трубки. Затем он снова сел прямо.

Держа трубку обеими руками, он поднес ее к губам и три раза пыхнул дымом.

Он протянул руки ко мне и повелительным шепотом сказал, чтоб я взял трубку в руки и курил.

На секунду мне пришла мысль отказаться от трубки и убежать, но дон Хуан вновь потребовал, все еще шепотом, чтобы я взял трубку и курил.

Я взглянул на него. Его глаза были фиксированы на мне, но его взгляд был дружеским, понимающим. Было ясно, что я сделал выбор давным-давно, и здесь нет выбора — только делать то, что он сказал.

Я взял трубку и чуть не уронил ее. Она была горячее. Я приложил ее ко рту с исключительной осторожностью, так как я воображал, что ее жар будет невыносим на моих губах. Но я совсем не почувствовал жара.

Дон Хуан велел мне вдохнуть. Дым затек ко мне в рот и, казалось, циркулировал там. Он был тяжелый. Я чувствовал, что как будто у меня полный рот дроби. Сравнение пришло мне на ум, хотя я никогда не держал дроби во рту. Дым был подобен ментолу, и во рту у меня внезапно стало холодно. Это было освежающее ощущение.

— Еще! Еще! — услышал я шепот дона Хуана.

Я почувствовал, что дым свободно просачивается внутрь моего тела, почти без моего контроля. Мне больше не нужно было подталкиваний дона Хуана. Механически я продолжал вдыхать.

Внезапно дон Хуан наклонился и взял у меня из рук трубку. Он вытряс пепел на блюдо с углями очень осторожно, затем поспешил палец и покрутил им в чашечке, прочищая бока. Несколько раз он продул мундштук. Я видел, как он положил трубку обратно в ее чехол. Его действия привлекли мой интерес.

Когда он почистил трубку и убрал ее, он уставился на меня, и тут только я почувствовал, что все мое тело онемело и стало ментолизированным.

Все лицо отяжелело и челюсти блестели. Я не мог удержать рот закрытым, но потока слюны не было. Рот мой горел от сухости, и все же я не чувствовал жажды. Я начал ощущать необычайное тепло по всей голове. Холодный жар!

Дыхание, казалось, разрывало ноздри и верхнюю губу каждый раз, как я вдыхал. Но оно не обжигало. Оно жгло, как кусок льда.

Дон Хуан сидел рядом со мной справа и, не двигаясь, держал чехол с трубкой прижатым к полу, как бы удерживая его силой. Мои ладони были тяжелыми. Мои руки ломило, они оттягивали плечи вниз. Нос у меня тек. Я вытер его тыльной стороной ладони, и моя верхняя губа была стерта. Я вытер лицо и стер с него все мясо! Я таял! Я чувствовал себя так, как если бы моя плоть действительно таяла. Я вскочил на ноги и попытался ухватиться за что-нибудь, за что угодно, что могло бы поддержать меня. Я испытывал ужас, какой никогда не испытывал раньше.

Я схватился за столб, который был у дон Хуана в центре комнаты. Я стоял там секунду, затем я повернулся взглянуть на него. Он все еще сидел неподвижно, держа свою трубку и глядя на меня. Мое дыхание было болезненно горячим (или холодным?). Оно душило меня. Я наклонил голову, чтобы дать ей отдохнуть на столбе, но, видимо, я промахнулся, и моя голова продолжала наклоняться, пройдя ту точку, где был столб. Я остановился, когда уже чуть не упал на пол. Я выпрямился, когда столб был тут, перед моими глазами. Я снова попытался прислонить к нему голову. Я старался управлять собой и не отклоняться и держал глаза открытыми, наклоняясь вперед, чтобы коснуться столба лбом. Он был в нескольких дюймах от моих глаз, но когда я положил голову на него, то у меня было крайне странное ощущение, что моя голова прошла прямо сквозь столб. В отчаянных попытках разумного объяснения я решил, что мои глаза искажают расстояние и что столб, должно быть, от меня где-нибудь метрах в трех, хотя я его и вижу прямо перед собой. Тогда я принял логический, разумный метод определить местонахождение столба. Я начал двигаться боком вокруг него шаг за шагом. Мой довод был в том, что, двигаясь таким образом вокруг столба, я, пожалуй, смогу сделать круг, более чем 1.5 метра в диаметре, если столб был действительно в 10 футах от меня, то есть вне досягаемости моей руки, то придет момент, когда я буду к нему спиной. Я считал, что в этот момент столб исчезнет, так как в действительности он будет сзади от меня.

Я начал крутить вокруг столба, но он все время оставался у меня перед глазами. В отчаянии и замешательстве, я схватил его обеими руками, но мои руки прошли сквозь него. Я схватил воздух. Я тщательно рассчитал расстояние между собой и столбом. По-моему, тут было полтора метра.

Некоторое время я играл с восприятием расстояния, поворачивая голову с боку на бок по очереди фокусируя каждый глаз то на столбе, то на окружающем его.

Согласно моему восприятию расстояния, столб определенно и несомненно был передо мной, примерно в полутора метрах. Протянув руки, чтобы предохранить голову, я изо всех сил бросился на него. Ощущение было тем же самым: я прошел сквозь столб. На этот раз я грохнулся на пол.

Я снова встал, вставание было, пожалуй, наиболее необычным из всех действий, которые я когда-либо делал. Я поднял себя мыслью! Для того, чтобы встать, я не пользовался мышцами и скелетной системой, как я привык делать, потому что я больше не имел над ними контроля. Я понял это в тот момент, когда упал на пол. Но мое любопытство к столбу было столь сильным, что я мыслью поднял себя наподобие рефлекторного действия. И прежде, чем я полностью понял, что я не могу больше двигаться, я уже поднялся.

Я позвал дон Хуана на помощь. Один раз я даже взвыл в полный голос, но дон Хуан не двинулся. Он продолжал искоса смотреть на меня, как если бы ему не хотелось повернуть голову, чтобы взглянуть на меня прямо. Я сделал шаг к нему, но вместо того, чтобы двигаться вперед, я качнулся назад и упал на стену. Я знал, что столкнулся с ней спиной, но она не ощутилась твердой: я был погружен в мягкую губкообразную субстанцию, — это была стена. Мои руки были расставлены в стороны, и медленно все мое тело, казалось, тонуло в стене. Я мог только смотреть вперед, в комнату. Дон Хуан все еще смотрел на меня, но он не сделал никаких попыток помочь мне.

Я сделал сверхусилие, чтобы выдернуть свое тело из стены, но оно лишь тонуло все глубже и глубже. В неопишемом ужасе я чувствовал, что губкообразная стена смыкается на моем лице. Я попытался закрыть глаза, но они не закрывались.

Я не помню, что еще случилось. Внезапно дон Хуан оказался передо мной, мы были в соседней комнате. Я видел его стол и горячую глиняную печь. Уголкем глаза я различил ограду за домом. Я все еще мог видеть очень ясно. Дон Хуан принес керосиновую лампу и повесил ее в центре комнаты. Я попытался посмотреть в другую сторону, но мои глаза смотрели только вперед. Я не мог ни различить, ни почувствовать ни одну из частей своего тела. Мое дыхание было неощутимо. Но мысли мои были исключительно ясными.

Я ясно сознавал все, что происходило передо мной. Дон Хуан подошел ко мне, и моя ясность мысли закончилась. Что-то, казалось, остановилось во мне, мыслей больше не было.

Я увидел, что дон Хуан подходит ко мне и ненавидел его. Я хотел разорвать его на части. Я мог бы убить его тогда, но не мог двинуться.

Сначала я чувствовал неясное давление на голову, но оно также исчезло.

Оставалась еще одна вещь — всепоглощающая злоба на дону Хуана. Я видел его всего в каких-то нескольких дюймах от себя. Я хотел рвать его. Я чувствовал, что рычу. Что-то во мне начало содрогаться.

Я услышал, что дон Хуан говорит со мной. Его голос был мягким и успокаивающим, и я чувствовал бесконечное удовольствие. Он подошел еще ближе и стал читать испанскую колыбельную: "леди св. Анна, почему дитя плачет? Из-за яблока, что оно потеряло. Я дам тебе одно. Я дам тебе два. Одно для ребенка, одно — для тебя".

Теплота охватила меня. Это была теплота сердца и чувств. Слова дона Хуана были далеким эхом. Они поднимали далекие воспоминания детства.

Ненависть, которую я перед тем чувствовал, исчезла. Неприязнь сменилась на притягивающую радостную любовь к дону Хуану. Он сказал, что я должен стараться не спать, что у меня нет больше тела, и я могу превратиться во что угодно, во что захочу. Он отступил назад. Мои глаза были на нормальном уровне, как если бы я стал рядом с ним. Он вытянул руки перед собой и велел мне войти в них.

То ли я двинулся вперед, то ли он подошел ближе ко мне. Его руки были почти на моем лице — на моих глазах, хотя я их не чувствовал.

— Зайди ко мне в грудь, — услышал я, как он сказал.

Я почувствовал, что я поглощаю его. Это было то же самое ощущение, что и губкообразность стены. Затем я слышал только его голос, приказывающий мне смотреть и видеть.

Его я больше не мог различать. Мои глаза были, очевидно, открыты, так как я видел вспышки света на красном фоне. Это было, как если бы я смотрел на свет через сомкнутые веки. Затем мои мысли стали убывать в количестве и интенсивности и исчезли совсем. Было лишь осознание счастья.

Я не мог различить каких-либо изменений освещения. Совершенно внезапно я был вытолкнут на поверхность. Я определенно чувствовал, что меня откуда-то подняли. И я был свободен двигаться с огромной скоростью в воде или в воздухе. Я плавал, как угорь. Я извивался и крутился, взмывал и опускался по желанию. Я чувствовал, как холодный ветер дует повсюду вокруг меня, и я начал парить, как перышко, вперед и назад, туда и сюда, вниз и вниз, и вниз, и вниз.

28 декабря 1963 года.

Я проснулся вчера во второй половине дня. Дон Хуан сказал, что я мирно проспал почти двое суток. У меня была тяжесть в голове. Я выпил воды и мне стало очень нехорошо. Я чувствовал себя усталым, исключительно усталым, и после еды я опять лег спать.

Сегодня я уже чувствовал себя полностью отдохнувшим. Мы с доном Хуаном говорили о моем опыте с маленьким дымком. Думая, что он хочет, чтоб я рассказал ему всю историю так же, как я делал это всегда, я начал описывать свои впечатления, но он остановил меня, сказав, что это ненужно.

Он сказал мне, что в действительности я ничего не сделал и что я сразу уснул, поэтому и говорить не о чем.

— Но как насчет того, что я чувствовал? Разве это совсем не важно? — настаивал я.

— Нет. Не с дымком. Позднее, когда ты научишься путешествовать, мы поговорим. Когда ты научишься проникать внутрь предметов.

— Разве действительно проникают внутрь предметов?

— Разве ты не помнишь? Ты проник *сквозь* эту стену?

— Я думаю, что в действительности я сошел с ума.

— Нет, ты не сошел с ума.

— Я вел себя так же, как ты, дон Хуан, когда ты курил впервые?

— Нет, это было не так. У нас разные характеры.

— Как ты себя вел?

Дон Хуан не ответил. Я перефразировал вопрос и задал его снова. Но он сказал, что не помнит своих впечатлений и что мой вопрос равносителен тому, что спрашивать у старого рыбака, какие у него были впечатления, когда он удил впервые. Он сказал, что дымок, как *олли*, уникален, и я напомнил ему, что он также говорил, что мескалито уникален. Он настаивал, что каждый из них уникален, но что они различаются качественно.

— Мескалито — защитник, потому что он разговаривает с тобой и может направлять твои поступки, — сказал он. Мескалито учит правильному образу жизни. И ты можешь видеть его, потому что он вне тебя. Дымок же — это *олли*. Он изменяет тебя и дает тебе силу, не показывая даже своего присутствия. С ним нельзя говорить. Но ты знаешь, что он существует, потому что он убирает твое тело и делает тебя легким, как воздух. И все же ты никогда не видишь его. Но он тут и дает тебе силу для совершения невообразимых дел, такую же, как и когда убирает твое тело.

— Я действительно чувствовал, что потерял свое тело, дон Хуан.

— Ты терял.

— Ты имеешь в виду, что у меня действительно не было тела?

— Что *ты сам* думаешь?

— Ну, я не знаю. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что я чувствовал.

— Все это и есть в реальности то, что ты чувствовал.

— Но как ты видел меня, дон Хуан? Каким я казался тебе?

— Как я тебя видел — это не важно. Это как в тот раз, когда ты ловил столб. Ты чувствовал, что он не здесь, и ты ходил вокруг него, чтобы убедиться, что он здесь. Но когда ты прыгнул на него, ты опять почувствовал, что в действительности его здесь нет.

— Но ты видел меня таким, какой я сейчас, не так ли?

— Нет! Ты не был таким, какой ты сейчас.

— Верно. Я согласен с этим. Но у меня было мое тело, да, хотя я мог его не чувствовать?

— Нет! Проклятье! У тебя не было такого тела, как то тело, которое у тебя есть сейчас!

— Что случилось в таком случае с моим телом?

— Я думал, что ты понял: маленький дымок взял твое тело.

— Но куда же оно ушло?

— Откуда же, черт возьми, ты считаешь, я буду знать это?

Бесполезно было упорствовать в попытках получить рациональные объяснения. Я сказал ему, что я не хочу спорить или задавать глупые вопросы, но если я соглашусь с мыслью, что можно терять свое тело, то я потеряю свою рациональность. Он сказал, что я преувеличиваю, как обычно, и что я теперь не теряю и не потеряю ничего из-за маленького дымка.

28 января 1964 года.

Я спрашивал дону Хуана, что он думает о том, чтобы дать попробовать дымок кому-нибудь, кто захочет испытать такой опыт. Он убежденно сказал, что дать дымок любому будет совершенно то же самое, что и убить его, потому что им некому будет руководить. Я попросил дону Хуана объяснить, что он имеет в виду, он сказал, что я тут, живой и говорю с ним, потому что он вернул меня назад. Он сохранил мое тело. Без него я бы никогда не проснулся.

— Как ты сохранил мое тело, дон Хуан?

— Ты узнаешь об этом позднее, но ты должен научиться все это самостоятельно. Вот почему я хочу, чтобы ты научился как можно большему, пока я с тобой. Ты потерял достаточно много времени, задавая мне глупые вопросы о чепухе. Но может быть, это и не твое призвание: научиться всему о маленьком дымке.

— Ну, а что же я тогда буду делать?

— Позволь дымку обучать тебя столькому, сколькому ты сможешь научиться.

— Разве дымок тоже учит?

— Конечно, он учит.

— Он учит также, как мескалито?

— Нет, он не такой учитель, как мескалито. Он не показывает тех же вещей.

— Но чему же тогда учит дымок?

— Он показывает, как обращаться с его силой и научиться принимать его так часто, как только сможешь.

— Твой *олли* очень пугающий, дон Хуан. Это не было похоже ни на что из того, что я испытывал ранее. Я думал, что я сошел с ума.

По какой-то причине это была самая упорная мысль, которая приходила мне в голову. Я воспринимал все с точки зрения человека испытывавшего и другие галлюциногенные опыты, с которыми можно сравнивать, и единственное, что мне приходило в голову, что с маленьким дымком теряешь рассудок.

Дон Хуан рассеивал мои опасения, говоря, что то, что я чувствовал, было его невообразимой силой. И для того, чтобы управлять этой силой, сказал он, следует вести сильную жизнь. Идея сильной жизни включает в себя не только подготовительный период, но и отношение человека ко всем тем вещам после того, как он испытал первый опыт. Он сказал, что дымок так силен, что человек может равняться с ним только стойкостью. Иначе его жизнь будет разбита на куски.

Я спросил его, имеет ли дымок одинаковое воздействие на каждого. Он сказал, что дымок производит трансформацию, но не в каждом.

— Тогда какова же особая причина, что дымок произвел особую трансформацию во мне?

— Это, я думаю, очень глупый вопрос. Ты послушно следовал по всем требуемым ступенькам. Нет никакого чуда в том, что дымок трансформировал тебя.

Я еще раз попросил его рассказать о том, как я выглядел. Я хотел узнать о том, как я выглядел, так как мысль о бестелесном существе, которую он во мне поселил, была, понятно, невыносимой. Он сказал, что, по правде говоря, он боялся смотреть на меня. Он ощущал то же самое, что должен был чувствовать его бенефактор, когда дон Хуан курил первый раз.

— Почему ты так боялся? Я был таким страшным? — спросил я.

— Я никогда не видел раньше никого курящим.

— Ты не видел, как курил твой бенефактор?

— Нет.

— Ты даже никогда не видел себя самого?

— Как бы я мог?

— Ты бы мог курить перед зеркалом.

Он не ответил, а уставился на меня и потряс головой. Я опять спросил его, возможно ли смотреть в зеркало. Он сказал, что это было бы возможно, хотя и бесполезно, так как, пожалуй, умрешь от испуга, если не от чего-нибудь еще.

Я спросил: — Тогда, значит, выглядишь устрашающе?

— Всю свою жизнь я гадал об этом, — сказал он, — и все же я не спрашивал и не глядел в зеркало, я даже не думал об этом.

— Но как же я тогда смогу узнать?

— Тебе надо будет ждать, так как я ждал, пока ты не передашь дымок кому-нибудь еще; конечно, если ты когда-нибудь освоишь его. Тогда ты увидишь, как при этом выглядит человек. Таково правило.

— Что будет, если я буду курить перед фотокамерой и сделаю снимок самого себя?

— Я не знаю. Вероятно, дымок обратится против тебя. Но мне кажется, ты находишь его столь безобидным, что считаешь, что с ним можно играть.

Я сказал ему, что я не собираюсь играть, но ранее он говорил мне, что дымок не требует определенных шагов и, я думаю, не будет вреда в том, чтобы хотеть узнать, как ты выглядишь. Он поправил меня, сказав, что он имел в виду отсутствие необходимости в определенном порядке действий с дымком в отличие от действий с "травой дьявола"; все, что требуется с дымком, — сказал он, — так это правильное отношение. С этой точки зрения следует быть точным в соблюдении правил. Он привел мне пример, объяснив, что не имеет значения, какая из составных частей курительной смеси собрана первая, если количество соблюдено правильно. Я спросил, будет ли какой-нибудь вред, если я расскажу другим о том, что я испытал. Он ответил, что есть два секрета, которые не должны раскрываться: как приготовить курительную смесь и как возвращаться. Все остальное, относящееся к этому предмету, не представляет важности.

8.

Моя последняя встреча с мескалитом была серией из четырех сессий, которая заняла четыре дня подряд. Дон Хуан назвал эту длинную сессию *митот*.

Это была пейотная церемония для пейтлерос и учеников. Там было четыре старика, примерно в возрасте дон Хуана, один из которых был руководителем, и пятеро молодых людей, включая меня. Церемония имела место в штате Чиь-Уаь-Уа в Мексике вблизи границы с Техасом. Она заключалась в пении и приеме пейота ночами. Днем женщины, которые находились за пределами места церемонии, снабжали каждого мужчину водой, и лишь символическое количество пищи съедалось каждый день.

Суббота, 12 сентября 1964 года.

В течение первой ночи церемонии, 3 сентября, я съел восемь батончиков пейота. Они не оказали на меня воздействия, или же, если и оказали, то оно было очень слабым. Всю ночь я держал глаза закрытыми — так мне было легче.

Я не заснул и не устал. К самому концу сессии пение стало необычайным. На короткий момент я почувствовал подъем и хотел плакать, но когда песня окончилась, чувство исчезло.

Мы все поднялись и вышли наружу. Женщины дали нам воды, некоторые полоскали ею горло, другие пили. Мужчины не разговаривали совершенно, но женщины болтали и смеялись весь день. Ритуальная пища была роздана в полдень. Это были поджаренные зерна.

На заходе солнца 4-го сентября началась вторая сессия. Ведущий спел свою пейотную песню, и цикл пения и принятия пейота начался опять. Он закончился утром, когда каждый пел свою пейотную песню в унисон с другими.

Когда я вышел, я не заметил такого большого количества женщин, как в предыдущий день. Кто-то дал мне воды, но меня больше не интересовало то, что меня окружало. Я также съел восемь батончиков, но эффект был уже иной.

Должно быть, шло уже к концу сессии, когда пение сильно ускорилось, и все пели одновременно. Я ощутил, что кто-то или что-то снаружи дома хочет войти. Я не мог сказать, было ли пение для того, чтобы "помешать ему" ворваться или же для того, что "заманить его" внутрь.

Я был единственным, кто не имел песни. Все, казалось, поглядывали на меня вопросительно, особенно молодежь. Меня это раздражало, и я закрыл глаза. Тогда я почувствовал, что могу много лучше воспринимать все происходящее с закрытыми глазами. Эта мысль захватила мое внимание полностью. Я закрыл глаза и увидел людей перед собой. Я открыл глаза — и картина не изменилась. Окружающее было для меня совершенно одинаковым, были ли мои глаза открыты или закрыты.

Внезапно все исчезло или стерлось; и на этом месте возникла человекоподобная фигура мескалита, которую я видел двумя годами раньше. Он сидел поодаль, в профиль ко мне. Я не отрываясь смотрел на него, но он на меня не взглянул и ни разу даже не повернулся.

Я считал, что делаю что-то неправильно, что-то, что держит его в стороне. Я поднялся и подошел к нему, чтобы спросить его об этом, но движение рассеяло картину. Она начала таять, и на нее стали накладываться фигуры людей, с которыми я находился. Снова я услышал громкое испуганное пение.

Я пошел в соседние кусты и немного прошелся. Все предметы выделялись очень ясно. Я отметил, что могу видеть в темноте, но на этот раз это для меня имело очень мало значения. Важным был вопрос, почему мескалит избегает меня?

Я возвратился, чтобы присоединиться к группе, но когда я собирался войти в дом, я услышал погромыхивание и почувствовал сотрясение. Земля тряслась. Это был тот же самый звук, который я слышал в пейотной долине два года назад.

Я снова побежал в кусты. Я знал, что мескалит здесь и собирался найти его. Но его там не было. Я прождал до утра и присоединился к остальным как раз перед концом сессии.

Обычная процедура повторилась и на третий день. Я не устал, но после обеда я спал.

Вечером, в субботу, 5-го сентября, старик запел свою песню, чтобы начать цикл заново. За эту сессию я разжевал только один батончик и не прислушивался ни к одной из песен, и не уделял внимания ничему из происходящего. С самого первого момента все мое существо было сконцентрировано на одной точке. Я знал, что отсутствует что-то ужасно важное для моего благополучия. Пока люди пели, я громким голосом попросил мескалита научить меня песне. Мои

просьбы смешались с громким пением людей. Тотчас же я в своих ушах услышал песню. Я повернулся, сел спиной к остальной группе и слушал. Я слышал слова и мотив опять и опять. И я повторял их, пока не выучил песню. Это была длинная песня на испанском языке. Затем я несколько раз пропел ее группе, а вскоре после этого новая песня послышалась мне в ушах. К утру я пропел обе песни бесчисленное количество раз. Я чувствовал себя обновленным, окрепшим.

После того, как нам была дана вода, дон Хуан дал мне мешок, и все мы пошли в холмы... Это был длинный изматывающий путь на низкое плоскогорье... Там я увидел несколько растений пейота. Но по какой-то причине я не хотел смотреть на них. После того, как мы пересекли плоскогорье, наша группа разбилась. Мы с доном Хуаном пошли назад, собирая батончики пейота точно так же, как в прошлый раз, когда я помогал ему. Мы вернулись к концу дня. Вечером ведущий открыл цикл опять. Никто не сказал ни единого слова, но я совершенно твердо знал, что это последняя встреча... На этот раз старик спел новую песню. Сетка со свежими батончиками пейота пошла по кругу. Это был первый раз, когда я попробовал свежий батончик. Он был сочным, но жевать его было трудно. Он напоминал твердый зеленый фрукт, и был острее и более горьким, чем сухие батончики.

Лично я нашел свежий пейот бесконечно более живым.

Я съел 14 батончиков. Я тщательно жевал их. Последний я не закончил жевать, потому что услышал знакомое погромыживание, которое отмечало присутствие мескалито. Все испуганно запели, и я знал, что дон Хуан и все остальные действительно слышали этот шум. Я отказывался думать, что их реакция была ответом на знак, поданный одним из них, просто для того, чтобы обмануть меня.

В этот момент я чувствовал, что огромная волна мудрости поглощает меня. Предложения, с которыми я играл в течение трех лет, уступили место определенности. Мне потребовалось три года для того, чтобы понять, что, что бы там ни содержалось в кактусе, оно ничего общего не имеет лично со мной, с возможностью существовать самому по себе, на просторе, я узнал это тогда.

Я лихорадочно пел до тех пор, пока уже не смог произносить слова. Я чувствовал, как будто мои песни были внутри моего тела и сотрясали меня произвольно; мне нужно было выйти и найти мескалито, или же я взорвусь.

Я пошел в сторону пейотного поля. Я продолжал петь свою песню. Я знал, что они индивидуально мои — неоспоримое доказательство моей единственности. Я ощущал каждый из своих шагов. Они отдавались от земли эхом; их эхо продуцировало неопишущую эйфорию от существования человеком.

Каждое из растений пейота на поле сияло голубоватым мерцающим светом.

Одно растение светилось очень ярко. Я сел перед ним и спел свою песню.

Когда я пел, из растения вышел мескалито: та же самая человекоподобная фигура, которую я видел раньше. Он посмотрел на меня.

С большим (для человека моего темперамента) выражением я пропел ему мои песни. Были еще звуки флейты или ветра, знакомые музыкальные колебания.

Он, казалось, сказал также, как и два года назад: "Что ты хочешь?" Я говорил очень громко. Я сказал, что знаю, что в моей жизни и в моих поступках чего-то не хватает, но я не могу обнаружить, что это такое. Я просил его сказать мне, что со мной не так, а также просил его сказать мне свое имя, чтобы я мог позвать его, когда буду нуждаться в нем.

Он взглянул на меня, удлинил свой рот, как тромбон, пока тот не достиг моего уха и сказал мне свое имя.

Внезапно я увидел своего собственного отца, стоящего посреди пейотного поля, но поле исчезло и сцена переместилась в мой старый дом, дом моего детства. Мы с отцом стояли у фигового дерева. Я обнял своего отца и поспешно стал ему говорить о том, чего я никогда не мог сказать ему. Каждая из моих мыслей была цельной, законченной и уместной. Было так, как будто у нас действительно не было времени, и нам нужно было сказать все сразу.

Я говорил ему потрясающие вещи о моих чувствах по отношению к нему, то есть, что при обычных обстоятельствах я никогда не смог бы произнести вслух.

Мой отец не говорил, он просто слушал, а затем был утянут куда-то прочь. Я снова был один и плакал от раскаяния и печали.

Я шел через пейотное поле, называя имя, которому научил меня мескалито. Что-то выделилось из странного звездного света из растения пейота. Это был длинный сияющий объект — палка света величиной с человека.

На момент он осветил все поле интенсивным желтоватым или цвета амбры светом, затем он озарил все небо наверху, создав грандиозное волшебное зрелище. Я думал, что ослепну, если буду продолжать смотреть. Я закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях.

У меня было ясное знание, что мескалито велит мне съесть еще один батончик пейота. Я подумал: "я не смогу этого сделать, так как у меня нет ножа, чтобы его срезать". — "Съешь его прямо с земли", — сказал он мне тем же странным способом. Я лег на живот и нашел верхушку растения. Оно наполнило каждый уголок моего тела теплотой и прямоотой. Все было живым.

Все имело существование и сложные детали, и в то же время было таким простым. Я был повсюду, я мог видеть вверху и внизу, и вокруг себя в одно и то же время.

Это особенное чувство длилось довольно долго, чтобы я мог его осознать. Затем оно сменилось на давящий страх, страх, который навалился на меня внезапно, но овладел мной как-то быстро. Сначала мой чудесный мир тишины был разбит звуками, но мне не было до этого дела. Затем звуки стали громче и непрерывными, как если бы они надвигались на меня. И постепенно я потерял чувство плавания в мире недифференцированном, безразличном и прекрасном. Эти звуки стали гигантскими шагами. Что-то громадное дышало и ходило вокруг меня. Я считал, что оно охотится за мной. Я побежал и спрятался под валун и попытался оттуда определить, что преследует меня. В один из моментов я выполз из своего убежища, чтобы взглянуть, и кто бы ни был мой преследователь, но он не бросился на меня.

Он был подобен гигантскому широкому слизню, и он упал на меня. Я думал, что его вес раздавит меня, но обнаружил себя в какой-то выбоине или пещере. Я видел, что слизень не покрыл всей поверхности земли вокруг меня.

Под валуном остался кусочек свободной почвы. Я начал заползать туда. Я видел огромные капли жидкости, капающие со слизня. Я знал, что он "секретирует" пищеварительную кислоту, чтобы растворить меня. Капля упала на мою руку, я попытался стереть кислоту землей и прикладывал к руке слюну, продолжая закапываться. В один из моментов я почти начал испаряться.

Меня вытаскивали к свету. Я думал, что слизень растворил меня. Я смутно заметил свет, который становился все ярче. Он вырывался из земли, пока, наконец, не выпрямился в то, в чем я узнал солнце, выходящее из-за горизонта. Медленно я начал восстанавливать свои обычные чувственные процессы. Я лег на живот, положив подбородок на сложенную руку. Растение пейота передо мной опять начало светиться, и прежде, чем я успел повести глазами, снова вырвался длинный свет. Он навис надо мной. Я сел. Свет прикоснулся ко всему моему телу спокойной силой, а затем скатался и скрылся из виду.

Я бежал всю дорогу к тому месту, где были мужчины, которых я оставил.

Все мы вернулись в город. Мы с доном Хуаном еще один день оставались у дона Роберто — пейотного ведущего. Все время, пока мы там были, я проспал.

Когда мы собрались уезжать, молодые люди, которые приняли участие в пейотных сессиях, подошли ко мне. Один за другим они обнимали меня и застенчиво смеялись. Каждый из них представился. Я проговорил с ними часы обо всем, кроме пейотных встреч.

Дон Хуан сказал, что время ехать. Молодые люди снова обняли меня.

— "Приезжай", — сказал один из них, "мы уже ждем тебя", — добавил другой. Я собирался медленно, стараясь увидеть стариков, но никого из них там не было.

10 сентября 1964 года.

Рассказывая дону Хуану о пережитом, я всегда придерживался последовательности, насколько мог, шаг за шагом. Сегодня я рассказал ему детали своей последней встречи с мескалито. Он внимательно слушал рассказ до того места, где мескалито назвал свое имя. Тут дон Хуан прервал меня.

— Теперь ты на собственном пути, — сказал он, — защитник принял тебя.

С этого момента я буду очень малой помощью для тебя. Тебе больше не надо ничего мне рассказывать о своих отношениях с ним. Ты теперь знаешь его имя, и ни его имя, ни его с тобой дела никогда не должны открываться ни одному живому.

Я настаивал на том, что хочу рассказать ему все детали испытанного мной, потому что для меня это не имеет смысла. Я сказал, что мне нужна его помощь, чтобы перевести то, что я видел. Он сказал, что я могу делать это и сам, что для меня было бы лучше думать самому. Я сказал, что

мне интересно узнать его мнение, потому что мне понадобится слишком много времени, чтобы понять это самому, и я не знаю, с чего начать.

Я сказал: — Возьми песни, например. Что они значат?

— Только ты можешь это решить, — сказал он. — откуда я могу знать, что они значат. Один защитник может тебе сказать это, так же, как только он мог научить тебя своим песням. Если бы я взялся объяснять тебе, что они означают, то это было бы то же самое, что ты выучил бы чьи-то чужие песни.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Можно сказать, что тот, кто поет чужие песни, — просто слушает певцов, поющих песни защитников. Лишь песни с душой — его песни и научены им. Остальные — это копии песен других людей. Иногда люди бывают так обманчивы. Они поют чужие песни, даже не зная, о чем говорится в этих песнях. Я сказал, что хотел узнать, для чего поются песни. Он сказал, что те песни, которые я узнал, служат для вызова защитника, и что я всегда должен пользоваться ими вместе с именем, чтобы позвать его. Позднее мескалито, вероятно, скажет мне другие песни для других целей, — сказал дон Хуан.

Затем я спросил его, считает ли он, что защитник полностью принял меня. Он рассмеялся, как если бы мой вопрос был глупым. Он сказал, что защитник принял меня и подтвердил это, чтобы я понял, дважды показавшись мне как свет... Казалось, на дону Хуана произвело большое впечатление, что я увидел его свет дважды. Он подчеркнул этот аспект моей встречи с мескалито.

Я сказал ему, что не понимаю, как это можно быть принятым мескалито и в то же самое время быть напуганным им.

Очень долгое время он не отвечал. Казалось, он был в замешательстве.

Наконец, он сказал: — Это так ясно. То, что он хотел сказать, так ясно, что я не могу понять, как это непонятно тебе.

— Все вообще еще непонятно мне, дон Хуан.

— Нужно время, чтобы действительно увидеть, что мескалито имеет в виду. Ты должен думать об его уроках, пока они не станут для тебя ясными.

11 сентября 1964 года.

Снова я настаивал на том, чтобы дон Хуан перевел мне мои зрительные видения. Некоторое время он отказывался. Затем он заговорил так, как будто мы уже вели разговор о мескалито.

— Ты видишь, как глупо спрашивать, если он подобен лицу, с которым можно разговаривать? — сказал дон Хуан. — он не похож ни на что из того, что ты уже видел: он как человек, но в то же время не совсем похож на человека. Это трудно объяснить людям, которые о нем не знают ничего и хотят сразу узнать о нем все. И потом его уроки столь же волшебны, как и он сам. Насколько я знаю, ни один человек не может предсказать его поступки. Ты задаешь ему вопрос и он показывает тебе путь, но он не говорит тебе о нем, как ты и я говорим друг с другом.

Понимаешь теперь ты, что он делает?

— Я не думаю, что у меня есть затруднения в том, чтобы понять это.

Чего я не могу понять, так это то, что это значит.

— Ты просил его сказать тебе, что с тобой не так, и он дал тебе полную картину. Здесь не может быть ошибок. Ты не можешь говорить, что ты не понимаешь. Это не был разговор — и все же это был он. Затем ты задал ему другой вопрос, и он ответил тебе тем же самым способом. Относительно того, что он имел в виду, я не уверен, что понимаю это, так как ты предпочел не говорить мне, какой вопрос ты ему задал.

Я очень тщательно повторил вопросы, которые, как я помнил, я задавал: "поступаю ли я так, как надо? На правильном ли я пути? Что мне делать со своей жизнью?" дон Хуан сказал, что вопросы, которые я задал, были только словами. Лучше не произносить вопросы, а задавать их изнутри. Он сказал, что защитник имел в виду дать мне урок, а не отпугнуть меня, поэтому он показал себя как свет дважды. Я сказал, что все еще не понимаю, зачем мескалито терроризировал меня, если он меня принял. Я напомнил дону Хуану, что согласно его утверждению, быть принятым мескалито означает, что его форма бывает постоянной и не изменяется на кошмар. Дон Хуан рассмеялся надо мной снова и сказал, что если я буду думать о вопросе, который был у меня в сердце, когда я разговаривал с мескалито, то я сам пойму урок.

Думать о вопросе, который я имел "в сердце", было трудной проблемой.

Я сказал дону Хуану, что у меня в голове было много чего. Когда я спросил, на правильном ли я пути, то я имел в виду: стою ли я одной ногой в том или в этом мире. Какой из этих миров правильный. Какой курс должна взять моя жизнь.

Дон Хуан выслушал мои объяснения и заключил, что у меня нет ясного представления о мире и что мне защитник дал прекрасный и ясный урок. Он сказал: — Ты думаешь, что для тебя здесь имеется два мира, два пути. Но тут есть лишь один. Защитник показал тебе это с невероятной ясностью.

Единственный для тебя доступный мир — это мир людей. И этот мир ты не можешь по выбору покинуть. Ты человек. Защитник показал тебе мир счастья, где нет разницы между предметами, потому что там некому спрашивать о различиях. Но это не мир людей. Защитник вытряхнул тебя оттуда и показал, как борется и думает человек. Это мир людей. И быть человеком — это значит быть связанным с этим миром. Ты имеешь глупость считать, что живешь в двух мирах, но это только твоя глупость. Кроме одного единственного, нет никакого другого мира для нас. Мы люди и должны следовать миру людей удовлетворенно. Я считаю, что таков был урок.

9.

Дон Хуан, казалось, хотел, чтобы я работал с "травой дьявола" как можно больше. Эта позиция не соответствовала его органической неприязни к этой силе. Он объяснил это тем, что приближается время, когда мне надо будет опять курить, и к этому времени следует получить более ясное знание о силе "травы дьявола".

Он неоднократно предлагал мне по крайней мере испытать "траву дьявола" еще одним колдовством с ящерицами.

Я долгое время играл с этой мыслью. Спешка дона Хуана драматически увеличивалась, пока я не почувствовал себя обязанным выполнить его требование. И однажды я принял решение поколдовать о некоторых украденных вещах.

Понедельник, 28 декабря 1964 года.

В субботу, 19 декабря, я срезал корень дурмана. Я подождал, пока не стало довольно темно, чтобы исполнить свои танцы вокруг растения. За ночь и приготовил экстракт корня и в воскресенье, примерно в 16 часов утра, я пришел к месту своего растения. Я сел перед ним. Я вновь перечитал записи и сообразил, что тут мне не нужно размалывать семена. Каким-то образом, простое нахождение перед растением давало мне чувство редкой эмоциональной устойчивости, ясности мысли или же силы концентрироваться на своих поступках, чего я обычно совсем лишен.

Я последовал в точности всем инструкциям, так рассчитывая свое время, чтобы паста и корень были готовы к концу дня. В 5 часов я был занят ловлей пары ящериц. В течение полутора часов я перепробовал все способы, какие только мог придумать, но всюду потерпел неудачу.

Я сидел перед кустом дурмана, стараясь придумать эффективный способ достижения своей цели, когда внезапно я вспомнил, что дон Хуан сказал, что с ящерицами надо поговорить.

Сначала я был не "в своей тарелке", разговаривая с ящерицами. Это было все равно, что почувствовать себя неудобно, выступая перед аудиторией.

Однако, чувство это скоро прошло, и я продолжал говорить. Было почти темно. Я поднял камень. Под ним была ящерица. Она казалась застывшей. Я поднял ее. И тут же я увидел, что под камнем была другая ящерица, тоже застывшая. Она даже не вырывалась.

Зашивание рта и век было очень трудной работой. Я заметил, что дон Хуан поселил в мои поступки чувство необходимости. Его позиция была такова, что когда человек начинает поступок, то уже нет возможности остановиться. Однако, если бы я захотел остановиться, то не было бы ничего, что могло бы мне в этом помешать. Может быть, я не хотел останавливаться. Я отпустил одну ящерицу, и она побежала в северо-восточном направлении — знак хорошего, но трудного колдовства. Я привязал другую ящерицу к своему плечу и смазал виски так, как было предписано. Ящерица была неподвижна. На секунду я подумал, что она умерла, а дон Хуан ничего мне не говорил о том, что надо делать, если такое случится. Но она была живой, только онемевшей.

Я выпил снадобье и немного подождал. Я не чувствовал ничего необычного. Я начал растирать пасту у себя на висках. Я наложил ее 25 раз.

Затем, совершенно механически, как во сне, я несколько раз помазал ею свой лоб. Я понял свою ошибку и поспешно стер пасту. На лбу у меня выступила испарина, меня лихорадило. Необъятное отчаяние охватило меня, потому что дон Хуан усиленно советовал мне не наносить пасту на лоб. Страх сменился чувством абсолютного одиночества, чувством обреченности. Я был тут брошен сам по себе.

Если со мной случится какое-либо несчастье, то тут нет никого, кто мог бы помочь мне. Я хотел убежать. Я чувствовал тревожную нерешительность, что я не знаю, что мне делать. Поток мыслей хлынул мне в голову, сменяясь с необычайной быстротой. Я заметил, что это довольно странные мысли, то есть они казались странными, потому что возникали иначе, чем обычные мысли. Я знаком с тем, как я думаю. Мои мысли имеют определенный порядок, который присущ именно мне и любое отклонение заметно.

Одна из чужих мыслей была о высказывании, сделанном неким автором.

Она была, как я смутно помню, как голос или как будто кто-то сзади меня произнес ее. Это случилось так быстро, что я испугался. Я притих, чтобы осмыслить ее, но она сменилась на обычные мысли. Я был уверен, что я читал это высказывание, но я не был уверен, кто был его автором. Внезапно я понял, что это был Альфред Кребер. Тогда другая чужая мысль возникла и "сказала", что это был не Кребер, а Жорж Симмель. Я настаивал на том, что это был Кребер, и следующее, что я знаю, что я был в гуще спора с самим собой. Я забыл о своем чувстве обреченности.

Мои веки были тяжелыми, как если бы я принял снотворного. Хотя я никогда никакого снотворного не принимал, но именно такое сравнение пришло мне в голову. Я засыпал. Я хотел пойти к своей машине и забраться в нее, но не мог двинуться.

Потом, совсем неожиданно, я проснулся. Или вернее, я ясно почувствовал, что проснулся. Моей первой мыслью было, сколько сейчас времени. Я огляделся. Я не был перед растением дурмана. Спокойно я воспринял тот факт, что я испытываю еще раз опыт колдовства. Было 12 часов 35 минут. Судя по часам над моей головой, я знал, что это полдень. Я увидел молодого человека, несущего папку бумаг. Я чуть не касался его. Я видел пульсирующую у него на шее вену и слышал биение его сердца. Я углубился в то, что я видел и не придавал в это время внимания качеству своих мыслей. Затем я услышал голос, описывающий сцену, говоря мне прямо в ухо, я понял, что этот голос был чужим в моем мозгу.

Я был так поглощен слушанием, что сцена потеряла для меня свой зрительный интерес. Я слышал голос у своего уха, над моим правым плечом.

Он практически создавал сцену, описывая ее... Но он слушался моей воли, потому что я в любой момент мог остановить его и обследовать детали того, о чем он говорил во время моего бездеятельного слушания. Я "видел-слышал" всю последовательность действий молодого человека. Голос продолжал описывать их в малейших деталях, но каким-то образом, действия были неважны. Сам голосок был необычайным явлением. Трижды я пытался повернуться, чтобы посмотреть, кто там говорит. Я пытался повернуть голову направо или же просто неожиданно крутнуться назад, чтобы увидеть, есть ли там кто-нибудь. Но каждый раз, когда я это делал, мое видение становилось расплывчатым. Я подумал: "причина того, что я не могу повернуться, заключается в том факте, что я не нахожусь в царстве обычной реальности", — и эта мысль была моей собственной.

С этого момента я сконцентрировал свое внимание на одном лишь голосе.

Он, казалось, исходил у меня из плеча. Он был совершенно ясен, хотя и был тоненьким голоском. Однако, это не был голос ребенка и не фальцет, а миниатюрный мужской голос. Я заключил, что говорит он на английском языке.

Когда бы я ни пытался намеренно поймать этот голос, он затихал тут же или становился неясным. И сцена мутнела. Я подумал о сравнении. Голос был вроде картины, созданной частичками пыли на ресницах или же кровяными сосудами на глазу, червеобразная форма, которую можно видеть до тех пор, пока не смотришь на нее прямо. Но в ту же секунду, когда пытаешься взглянуть на нее, она ускользает из поля зрения вместе с движением глазного яблока.

Я полностью потерял интерес к действию. По мере того, как я слушал, голос стал более сложным. То, что я считал голосом, было более похоже на то, как если бы кто-то нашептывал мысли мне в ухо. Но это неточно. Что-то *думало* за меня. Мысли были вне меня. Я знал, что это так, потому что я мог иметь свои собственные мысли и мысли "другого" в одно и то же время.

В один из моментов голос создал сцены о молодом человеке, не имевшие ничего общего с моим первоначальным вопросом о потерянных предметах.

Молодой человек выполнял очень сложные действия. Действия снова приобрели для меня значение, и я больше не уделил внимания голосу. Я начал терять терпение и хотел остановиться. "как мне остановить это?" — подумал я.

Голос в моем ухе сказал, что мне надо для этого вернуться в каньон. Я спросил, как это сделать, голос ответил, что мне надо думать о своем растении.

Я подумал о моем растении. Обычно я сидел перед ним. Я делал это настолько часто, что для меня не представляло никакого труда визуализировать его. Я считал, что-то, как я его в этот момент увидел, было еще одной галлюцинацией, но голос сказал мне, что я вернулся.

Я стал вслушиваться. Была только тишина. Растение дурмана передо мной казалось таким же реальным, как и все, что я только что видел, но я мог тронуть его, мог двигаться вокруг него.

Я встал и пошел к машине. Усилие утомило меня. В ушах звенело. Что-то соскользнуло мне на грудь. Это была ящерица. Я вспомнил наставление дон Хуана о том, чтобы отпустить ее. Я вернулся к своему растению и отвязал ящерицу. Я не хотел даже смотреть, была она мертвой или живой. Я разбил глиняный горшок с пастой и набросал на него ногой земли. Потом я забрался в свою машину и заснул.

24 декабря 1964 года.

Сегодня я рассказал все свои впечатления дону Хуану. Как обычно, он выслушал меня, не перебивая. В конце разговора между нами произошел следующий диалог: — Ты сделал нечто очень неправильное.

— Я знаю. Это была очень глупая ошибка. Случай.

— Нет случайностей, когда ты имеешь дело с "травой дьявола". Я говорил тебе, что она все время будет испытывать тебя. Как я вижу, или ты очень силен, или же траве действительно ты нравишься. Центр лба только для великих брухо, которые знают, как обращаться с ее силой.

— Что случится, если человек потрет себе пастой лоб, дон Хуан?

— Если этот человек не великий брухо, то он просто никогда не вернется из путешествия.

— Ты сам когда-нибудь мазал пастой лоб, дон Хуан?

— Никогда. Мой бенефактор говорил мне, что очень немногие возвращаются из такого путешествия. Человек может отсутствовать месяцами и другим приходится ухаживать за ним в это время. Мой бенефактор говорил, что ящерицы могут взять человека хоть на край света и по его просьбе показать ему волшебнейшие вещи...

— Знаешь ли ты кого-нибудь, что когда-либо предпринимал такое путешествие?

— Да. Мой бенефактор. Но он никогда не говорил мне, как оттуда возвратиться.

— Разве это так трудно, вернуться, дон Хуан?

— Да. Вот почему твои поступки так поразительны для меня. У нас нет шагов, которым следовать, и мы должны следовать определенным шагам, потому что именно в таких шагах приобретает человек силу. Без них мы ничто. — несколько часов мы молчали. Он, казалось, был погружен в очень глубокие размышления.

26 декабря 1964 года.

Дон Хуан спросил меня, искал ли я ящериц. Я сказал, что искал, но не смог их найти. Я спросил его, что бы случилось, если бы одна из ящериц умерла, пока я ее держал. Он сказал, что гибель ящерицы была бы несчастливым явлением. Если ящерица с зашитым ртом умрет в любое время, то не будет смысла продолжать колдовство, сказал он. Это будет также означать, что ящерицы порвали дружбу со мной, и мне пришлось бы отложить на долгое время учение о "траве дьявола".

— На какое время, дон Хуан? — спросил я.

— Два года или больше.

— Что случилось, если бы умерла вторая ящерица?

— Если умерла бы вторая ящерица, то ты оказываешься в действительной опасности. Ты бы оказался один, без гида. Если она умерла прежде, чем ты начал колдовать, то ты мог бы остановить его. Ты также должен был бы отказаться от "травы дьявола". Если бы ящерица умерла

у тебя на плече после начала колдовства, тебе пришлось бы его продолжать, но это уж действительно было бы безумием.

— Почему это было бы безумием?

— Потому что при таких условиях ничего не имеет смысла. Ты один, без гида, и видишь устрашающе бессмысленные вещи.

— Что ты имеешь в виду под бессмысленными вещами?

— То, что мы видим сами. То, что мы видим, когда не имеем установки (направления). Это значит, что "трава дьявола" старается от тебя отделаться, наконец, отпихивает прочь.

— Знаешь ли ты кого-нибудь, кто испытал это?

— Да, я сам. Без мудрости ящериц я сошел с ума.

— Что ты видел, дон Хуан?

— Кучу чепухи. Что еще я мог видеть без направления?

28 декабря 1964 года.

— Ты мне говорил, дон Хуан, что "трава дьявола" испытывает людей. Что ты этим хотел сказать?

— "Трава дьявола" подобна женщине и, так же как женщина, она льстит мужчинам. Она ставит им ловушки на каждом повороте. Она поставила ее тебе, когда заставила тебя помазать пастой лоб. Она попробует это вновь и ты, вероятно, поддашься. Я предупреждаю тебя, не делай этого. Не принимай ее со страстью. "Трава дьявола" — это только один из путей к секретам человека знания. Есть и другие пути. Но ее ловушка в том, чтобы заставить тебя поверить, что ее путь — единственный. Я говорю, что бесполезно тратить всю свою жизнь на один единственный путь, особенно, если этот путь не имеет сердца.

— Но как ты знаешь, дон Хуан, имеет ли путь сердце?

— Прежде, чем решительно пойти по пути, спроси себя, имеет ли этот путь сердце? Если ответ будет — нет, то ты узнаешь его и сможешь выбрать другой путь.

— Но как я смогу наверняка узнать, имеет ли путь сердце?

— Любой узнает это. Беда в том, что никто не задает этот вопрос; когда человек наконец поймет, что выбрал тропу без сердца, то эта тропа уже готова убить его. В этой точке лишь очень мало людей могут прекратить свою целенаправленность и прекратить этот путь.

— С чего я должен начать, дон Хуан, чтобы должным образом задать себе этот вопрос?

— Просто задай его.

— Я имею в виду, есть ли какой-нибудь специальный метод для того, чтобы я не солгал самому себе и не поверил бы в то, что ответ "да", тогда как в действительности он "нет".

— Но зачем ты будешь себе лгать?

— Может быть, потому, что в этот момент тропа будет казаться приятной и радостной.

— Это чепуха. Тропа без сердца никогда не бывает радостной. Нужно тяжело работать даже для того, чтобы ступить на нее. С другой стороны, тропа с сердцем легка. Тебе не приходится работать, чтобы любить ее.

Дон Хуан изменил направление разговора и оглушил меня идеей, будто мне нравится "трава дьявола". Я вынужден был признать, что я, по крайней мере, испытываю к ней предпочтение. Он спросил меня, что я чувствую по отношению к его *олли* — дымку. И я должен был признать, что даже мысль о нем пугает меня до потери чувств.

— Я говорил тебе, что при выборе пути надо быть свободным от страха и амбиции, но дымок ослепляет тебя страхом, а "трава дьявола" ослепляет тебя амбицией.

Я спорил, что амбиция нужна даже для того, чтобы встать на какой-либо путь, и что его утверждение, будто следует быть свободным от амбиции, не имеет смысла. Человеку нужна амбиция для того, чтобы учиться.

— Желание учиться — это не амбиция, — сказал он, — это наша судьба, как людей, хотеть знать, но искать "траву дьявола" значит стремиться к силе, а это амбиция, потому что ты не стремишься знать. Не позволяй "траве дьявола" ослепить тебя. Она уже поймала тебя на крючок. Она испытывает мужчин и дает им ощущение силы, она дает им почувствовать, что они могут совершать такие вещи, которые никакой обычный человек совершить не в силах. Но в этом же ее

ловушка. И следующая вещь, тропа без сердца повернется против человека и уничтожит его. Немного нужно, чтобы умереть, но искать смерть значит ничего не искать.

10.

В декабре месяце 1964 года мы с доном Хуаном отправились собирать различные растения, необходимые для приготовления курительной смеси. Это был четвертый цикл. Дон Хуан просто наблюдал за моими действиями. Он напоминал мне, что надо наблюдать время, понаблюдать и собраться с мыслями прежде, чем сорвать любое из растений.

Как только все нужные растения были собраны и приготовлены для хранения, он стал подталкивать меня вновь встретиться с дымком.

31 декабря 1964 года.

— Теперь, когда ты знаешь немного чуточку больше о "траве дьявола" и дымке, ты можешь более ясно сказать, который из двух тебе нравится больше, — сказал дон Хуан.

— Дымок действительно пугает меня, дон Хуан. Я не знаю точно, почему, но у меня нет к нему хороших чувств.

— Ты любишь лгать, а "трава дьявола" льстит тебе. Как женщина она дает тебе ощущать приятное. Дымок, с другой стороны, самая благородная сила. У него чистейшее сердце. Он не привлекает мужчин и не делает их пленниками, точно так же он свободен и от любви и от ненависти. Все, что он требует, так это силы (здесь слово "сила" в том смысле, в каком мы его обычно понимаем, тогда же, когда дон Хуан говорит о силе, которую получаешь от *олли* и т.п., он употребляет слово, которое переводится, как сила, мощь, энергия).

— "Трава дьявола" так же требует силы, но другого сорта. Она ближе к той силе, которая нужна, чтобы быть активным, потентным с женщинами. С другой стороны, сила, требуемая дымком, это сила сердца. Ты не имеешь ее.

Но и у очень немногих людей она есть. Вот почему я побольше рекомендую тебе узнать о дымке. Он укрепляет сердце. Он не похож на "траву дьявола", полную страстей, ревности и насилий. Дымок постоянен. С ним тебе не надо беспокоиться, что ты по ходу дела что-нибудь позабудешь.

27 января 1965 года.

19 января я опять курил галлюциногенную смесь. Я сказал дону Хуану, что чувствую себя очень нерасположенным к дымку и что я боюсь его. Он сказал, мне нужно еще раз попробовать его, чтобы оценить по справедливости.

Мы вошли в его комнату. Было почти два часа. Он вынул свою трубку. Я принес угли, затем мы сели лицом друг к другу. Он сказал, что собирается согреть трубку и разбудить ее, и что если я буду внимательно следить, то увижу, как она засветится. Он поднес три или четыре раза трубку к губам и потянул через нее воздух. Он нежно тер ее. Внезапно, он почти неуловимо кивнул мне смотреть на пробуждение трубки. Я посмотрел, но не мог увидеть этого.

Он вручил трубку мне. Я наполнил чашечку своей собственной смесью, и затем взял горящий уголек щипцами, которые я сделал из деревянной вешалки и приберегал специально для такого случая. Дон Хуан взглянул на щипцы и начал смеяться. Я секунду помешкал, и уголек пригорел к щипцам. Я побоялся стучать щипцами о трубку, и мне пришлось плюнуть на него, чтобы снять с щипцов.

Дон Хуан отвернул голову и закрыл лицо руками. Его тело сотрясалось.

На секунду я думал, что он плачет, но он беззвучно смеялся.

Действие на долгое время было прервано, затем он взял уголек сам, положил его в трубку и велел мне курить. Требовалось значительное усилие, чтобы прососать воздух сквозь смесь. Она казалась мне компактной. После первой попытки я почувствовал, что засосал к себе в рот мелкий порошок. Он тотчас вызвал у меня во рту онемение. Я видел горение в трубке, но совсем не чувствовал дыма, так, как чувствуешь дым сигареты. Однако, я ощущал, что вдыхаю что-то, что сначала наполнило мне легкие, а затем ринулось вниз, заполняя все остальное мое тело. Я

насчитал двадцать затяжек, а затем счет уже не имел значения. Я начал потеть. Дон Хуан смотрел на меня пристально и сказал, чтобы я не боялся и чтобы делал все так, как он говорил. Я попытался сказать "хорошо", но вместо этого издал утробный завывающий звук. Он продолжал звучать и после того, как я закрыл рот. Звук ошеломил дону Хуана и вызвал у него еще один приступ смеха. Я хотел крикнуть "да", но не мог двинуться.

Дон Хуан мягко разжал мои руки и забрал трубку. Я ждал, что он поможет мне лечь, но он этого не сделал. Он просто непрерывно смотрел на меня. Внезапно я увидел, что комната крутнулась, и я уже смотрел на дону Хуана из положения "лежа на боку". С этого момента мои видения стали странно расплывчатыми, как во сне. Я могу смутно припомнить, что дон Хуан много говорил мне, пока я был бездвижным.

Я не испытал ни страха, ни неудовольствия в течение этого состояния, и я не был болен при пробуждении на следующий день. Единственной необычной вещью было то, что я не мог ясно думать в течение некоторого времени после пробуждения. Затем постепенно, за 4-5 часов я стал самим собой.

20 января 1965 года.

Дон Хуан не говорил со мной о моих впечатлениях и не просил меня рассказать ему их. Единственным его замечанием было то, что я слишком быстро заснул.

— Единственный способ не заснуть — это стать птицей или зайцем, или чем-либо в этом роде, — сказал он.

— Как ты это делаешь, дон Хуан?

— Именно этому я и учу тебя. Ты помнишь, что я сказал тебе вчера, когда ты был без своего тела?

— Я не могу ясно припомнить.

— Я ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты научишься этому, ты будешь оставаться бодрствующим и будешь свободно двигаться. Иначе ты всегда будешь приклеен к земле, где ты упал.

7 февраля 1965 года.

Моя вторая попытка с дымком имела место около полудня, 31 января. Я проснулся на следующий день в начале вечера. Я имел ощущение необыкновенной силы памяти по отношению ко всему, что дон Хуан сказал мне в первом опыте. Его слова были впечатаны в мозг.

Я продолжал слышать их с необыкновенной ясностью и постоянством. В течение этого опыта другой факт стал для меня очевиден: все мое тело онемело после того, как я начал глотать мелкий порошок, который попадал мне в рот каждый раз, когда я затягивался. Таким образом, я не только вдыхал дым, но также поедая и смесь.

Я попытался передать свои ощущения дону Хуану, он сказал мне, что я ничего важного не сделал. Я заметил, что могу вспомнить все, что произошло, но он не хотел об этом слушать. Каждое воспоминание было точным и безошибочным. Процедура курения была точно такой же, как и при предыдущей попытке. Казалось, что оба опыта полностью совпадают, и я могу начать свой пересказ с того места, где первый эксперимент закончился. Я ясно помню, что после того, как я упал на землю на бок, я был полностью лишен чувств и мыслей.

И однако же моя ясность в голове ни в чем не была ущемлена. Я помню, что последней мыслью, которую я подумал, когда комната перевернулась в вертикальном плане, была: "я, должно быть, треснулся головой о пол, и все же я не чувствую никакой боли".

Начиная с этого момента, я мог только слышать и видеть. Я мог повторить каждое слово, которое мне сказал дон Хуан. Я следовал каждому из его указаний.

Воскресенье, 28 марта 1965 года.

Во вторник, 18 марта, я вновь курил галлюциногенную смесь.

Первоначальная процедура была отличной в мелких деталях. Мне нужно было вновь наполнить чашечку трубки один раз. После того, как я закончил первую трубку, дон Хуан указал

мне, чтоб я очистил трубку, но он положил в нее смесь сам, потому что у меня отсутствовала мускульная координация. Очень большое усилие потребовалось, чтобы двигать руками. В моем мешочке было еще достаточно смеси, чтобы еще раз наполнить трубку. Дон Хуан посмотрел на мешочек и сказал, что это была моя последняя попытка с дымком вплоть до следующего года, потому что я использовал все свои запасы. Он вывернул мешочек наизнанку и вытряхнул пыль на блюдо, на котором были угли. Она сгорела оранжевым пламенем, как если бы он положил лист прозрачного материала на угли. Лист вспыхнул пламенем, а затем рассыпался на сложный рисунок линий. Что-то зигзагом пролетело внутри этих линий на высокой скорости. Дон Хуан велел мне смотреть на движение линий. Я увидел что-то выглядывшее наподобие небольшого шарика, катавшегося туда-сюда по светящейся зоне. Он наклонился, сунул руку в это сияние, вынул шарик и положил его в чашечку трубки. Он велел мне затаиться. У меня было ясное ощущение, что он положил небольшой шарик в трубку для того, чтобы я смог вдохнуть его. В один момент комната потеряла свое горизонтальное положение, я почувствовал глубокую скованность и чувство тяжести. Когда я проснулся, я лежал на спине на дне мелкого арыка, погруженный в воду до подбородка. Кто-то поддерживал мою голову. Это был дон Хуан. Первой моей мыслью было то, что вода в арыке имеет необыкновенное качество. Она была холодной и тяжелой. Она легко накатывалась на меня, и мои мысли ощущались с каждым движением, которое она делала. Сначала вода имела ярко-зеленый отблеск или флюоресценцию, которая вскоре растворилась, оставив лишь поток обычной воды. Я спросил у дон Хуана о времени дня. Он сказал, что это раннее утро. Через некоторое время я полностью проснулся и вылез из воды.

— Ты должен рассказать мне все, что видел, — сказал мне дон Хуан когда мы пришли в его дом.

Он также сказал, что он пытался вернуть меня назад в течение трех дней, и ему пришлось употребить на это много усилий. Я сделал многочисленные попытки, чтобы описать ему то, что я видел, но я не мог сконцентрироваться. Позднее, в начале вечера, я почувствовал, что я готов говорить с доном Хуаном, и я начал рассказывать ему все, что я запомнил с того времени, как я упал на бок. Но он не хотел слушать об этом. Он сказал, что единственная интересная связь была в том, что я видел и делал после того, как он бросил меня в воздух и улетел. Все, что я мог вспомнить, это была серия похожих на сон картин или сцен. Они не имели последовательного порядка. У меня было впечатление, что каждая из них была подобна отдельному пузырьку, всплывающему в фокус и затем уходящему прочь.

Это были, однако, не просто сцены, на которые было бы просто смотреть. Я был внутри их. Я был частью их. Когда я пытался вспомнить их сначала, у меня было ощущение, что они были с пустыми смутными размазанными вспышками, но когда я подумал о них, то я вспомнил, что каждая из них была исключительно ясной, хотя полностью несвязной с обычным видением, отсюда ощущение пустоты. Картин было несколько, и они были очень просты. Как только дон Хуан упомянул, что он бросил меня в воздух, я получил слабое воспоминание об абсолютно ясной сцене, в которой я глядел прямо на него с некоторого расстояния. Я глядел только на его лицо. Оно было монументально по своим размерам. Оно было плоское и имело интенсивное свечение. Его волосы были желтоватыми, и они двигались. Каждая часть его лица двигалась сама по себе, отбрасывая своего рода желтоватый свет. Следующая картина была, в которой дон Хуан, фактически, подбросил меня вверх, или швырнул меня в прямом направлении. Я помню, что я распластал свои крылья и полетел. Я чувствовал себя одиноким, проносясь сквозь воздух, болезненно двигаясь вперед и вверх. Это было больше похоже на ходьбу, чем на полет.

Это утомляло мое тело. Там не было ощущения свободного парения. Затем я вспомнил тот момент, в который я был бездвижен, глядя на массу острых темных краев, выдыхающихся в районе, который имел смутный большой свет.

Затем я увидел поле с бесконечным разнообразием огней. Огни двигались и мелькали и изменяли свечение. Они были почти как цвета. Их интенсивность манила меня.

В следующий момент почти прямо перед моими глазами был объект. Это был толстый заостренный объект. Он имел явно розоватое свечение. Я ощутил внезапно дрожь где-то в своем теле и увидел многочисленные похожие розовые формы, приближающиеся ко мне. Все они двигались на меня. Я отпрыгнул в сторону.

В следующую сцену, которую я помню, были три серебристые птицы. Они отбрасывали сияющий металлический свет, почти похожий на отсвет нержавеющей стали, но интенсивный идвигающийся, и живой. Мне нравились они, и я полетел вместе с ними. Дон Хуан не делал никаких замечаний по поводу моего рассказа.

23 марта 1965 года.

Следующий разговор имел место на следующий день после рассказа о моем опыте. Дон Хуан сказал: — Немногое требуется, чтобы стать вороной. Ты сделал это и теперь ты всегда будешь ею.

— Что случилось после того, как я стал вороной, дон Хуан? Я летал в течение трех дней?

— Нет. Ты вернулся домой с заходом солнца, как я и сказал тебе сделать.

— Но как я вернулся?

— Ты был очень усталым и заснул. Это все.

— Я имею в виду, что я прилетел обратно?

— Я уже сказал тебе, ты послушался меня и вернулся назад в дом. Но не занимайся этим делом. Это неважно.

— Но что же тогда важно?

— Во всем твоём путешествии была только одна вещь очень большой ценности — серебристые птицы.

— Что же было такого особенного в них? Это были просто птицы.

— Не просто птицы. Это были вороны.

— Они были что, белые вороны, дон Хуан?

— Черные перья ворон в действительности серебристые. Вороны сияют так интенсивно, что их не беспокоят другие птицы.

— Но почему их перья выглядят серебристыми?

— Потому что ты смотрел, как ворона смотрит. Ты видел, как ворона видит. Птица, которая выглядит темной для нас, выглядит белой для вороны.

Белые голуби, например, розовые или голубые для вороны, морские чайки — желтые. Теперь попытайся вспомнить, как ты присоединился к ним.

Я подумал об этом, но птицы были смутными несвязными изображениями, которое не имело продолжений. Я сказал ему, что я могу вспомнить только, что я чувствовал, что я летел вместе с ними. Он спросил, присоединился ли я к ним в воздухе или на земле. Но я, пожалуй, не мог ответить на это. Он почти рассердился на меня. Он требовал, чтобы я подумал об этом. Он сказал: — Все это не будет стоить и гроша. Это будет лишь сумасшедший сон, если ты не вспомнишь точно. — я всячески старался вспомнить, но не мог.

Сегодня я подумал о другой картине в моем сне. О серебряных птицах. Я вспомнил, что я видел темную массу с миллиардами дырочек, как от булавок, фактически эта масса была набором маленьких дырочек. Я не знаю, почему я думал, что она мягкая. Когда я смотрел на нее, то три птицы летели прямо на меня. Одна из них издала звук, затем все три были уже рядом со мной на земле. Я описал эту картину дону Хуану. Он спросил меня, из какого направления прилетели птицы. Я сказал, что я, пожалуй, не смогу определить этого. Он стал очень нетерпелив и обвинял меня в негибкости мышления. Он сказал, что я очень хорошо могу вспомнить, если я попытаюсь. И что я боюсь немножко расслабиться. Он сказал, что я думаю в терминах людей и ворон, что в то время я был не человеком и не вороной, в то время, которое я хотел вспомнить. Он просил меня вспомнить, что вороны сказали мне. Я пытался подумать об этом, но мои мысли играли с массой других вещей вместо этого. Я не мог сконцентрироваться.

Воскресенье, 4 апреля 1965 года.

Сегодня я проехал большое расстояние. Уже совсем стемнело прежде, чем я подъехал к дому дона Хуана. Я думал о воронах, когда внезапно странная мысль пришла мне в голову. Это было похоже на чувство или на впечатление, чем на мысль. Птица, которая издала звук, сказала, что они пришли с севера и идут на юг, и когда мы встретимся вновь, они будут идти тем же путем. Я сказал дону Хуану, что я придумал или может быть, вспомнил. Он сказал: — Не думай о том, вспомнил ты это или же выдумал. Такие мысли подходят лишь к людям. Они не подходят воронам, особенно тем, которых ты видел. Потому что они эмиссары твоей судьбы. Ты уже ворона. Ты никогда не изменишь этого. С этого времени и далее вороны будут говорить тебе своим полетом о каждом повороте твоей судьбы. В каком направлении ты полетел с ними?

— Я не мог знать этого, дон Хуан.

— Если ты подумаешь правильно, то ты вспомнишь. Сядь на пол и покажи мне направление, в котором ты был, когда птицы прилетели к тебе. Закрой глаза и начерти на полу линию.

Я последовал его предложению и определил точку.

— Не открывай глаз, — продолжал он, — в каком направлении все вы полетели по отношению к этой точке?

Я сделал другую отметку на полу. Взяв эти ориентации, как отправную точку, дон Хуан истолковал различные направления полета, которые вороны могли бы наблюдать, чтобы предсказать мое личное будущее или судьбу. Он установил четыре точки компаса, как оси полета ворон. Я спросил его, всегда ли вороны следуют кардинальным точкам, чтобы предсказать судьбу человека. Он сказал, что ориентация была для меня одного. Абсолютно все, что вороны делали при моей встрече с ними, имело чрезвычайную важность. Он настаивал на том, чтобы я вспомнил каждую деталь, поскольку послание или же характер эмиссаров был индивидуальным, персональным делом.

Была еще одна вещь, которую, он настаивал, чтобы я вспомнил. Это было время дня, когда эмиссары покинули меня. Он попросил меня подумать о направлении света вокруг меня между временем, когда я начал летать и тем временем, когда серебряные птицы полетели со мной. Когда я впервые имел ощущение болезненного света, было темно, но когда я увидел птиц, было все красноватым, светло-красным или, пожалуй, оранжевым. Он сказал: — Это означает, что это была вторая половина дня. Солнце еще не село.

Когда оно полностью сядет, и полностью стемнеет, ворона ослеплена белизной, а не чернотой, как мы ночью. Это указание времени помещает твоих последних эмиссаров в конец дня. Они позовут тебя, и когда они пролетят над твоей головой, они будут серебристо-белыми. Ты увидишь их блестящими на небе. И это будет означать, что твое время пришло. Это будет означать, что ты умрешь и сам станешь вороной.

— А что, если я увижу их утром?

— Ты не увидишь их утром.

— Но вороны летают каждый день.

— Не твои эмиссары, дурень.

— А как насчет твоих эмиссаров, дон Хуан?

— Мои придут утром. Их будет трое. Мой бенефактор говорил мне, что можно криком отогнать их, превратить их в черных, если не хочешь умирать.

Но теперь я знаю, что этого делать нельзя. Мой бенефактор был одарен в смысле крика, и в смысле всего, что относится к "траве дьявола". Я знаю, что дымок другой потому, что он не имеет страсти. Он честен. Когда твои серебряные эмиссары придут за тобой, то нет нужды кричать на них, — просто лети вместе с ними, как ты уже сделал. После того, как они возьмут тебя с собой, они изменят направление, и их будет четверо, улетевших прочь.

Суббота, 10 апреля 1965 года.

Я испытывал короткие всплески несвязанности, мелких состояний необычной реальности. Один элемент галлюциногенного опыта с грибами вновь и вновь возвращался мне на ум. Это мягкая темная масса булавочных отверстий. Я продолжал визуализировать их как масляный пузырь, который начинает затягивать меня в свой центр. Это было, как будто центр открывается и заглатывает меня. И на очень короткие моменты я испытывал что-то, напоминающее состояние необычной реальности. В результате этого я страдал от моментов глубокого возбуждения, нетерпения и неудобства. Я желал скорее прийти к концу экспериментов, как только они начнутся.

Сегодня я поговорил об этом состоянии с доном Хуаном. Я спросил его совета. Ему, казалось, не было до этого дела, и он велел мне не обращать внимания на эти опытные ощущения потому, что они бессмысленны и не имеют никакой ценности. Он сказал, что единственные опытные впечатления, которые стоят моих усилий и внимания, будут те, в которых я увижу ворону. Любой другой вид "виденья" будет просто продуктом моих страхов. Он напомнил мне вновь, что для того, чтобы участвовать в дымке, необходимо вести сильную спокойную жизнь. Лично я, казалось, достиг опасного порога. Я сказал ему, что не могу идти дальше. Что-то было действительно пугающим с этими дымками.

Перебирая картины, которые я помнил из моего галлюциногенного опыта, я пришел к неизбежному заключению, что я видел мир, который был каким-то образом структурно отличным от обычного видения. В других состояниях необычной реальности, которые я прошел, формы и

картины, которые я видел, всегда были в границах моего обычного визуального восприятия. Но ощущение виденья под влиянием галлюциногенного дымка было не таким же.

Все, что я видел, было передо мной в прямой линии зрения. Ничего не было сверху или под линией зрения. Каждая картина имела раздражающую плоскость, и однако же, несмотря на это, большую глубину. Может быть, было более точным сказать, что картины были конгломератом невероятно ясных деталей, помещенных в поле другого цвета. Свет в поле двигался, создавая эффект вращения.

После того, как я старался и напрягался вспомнить, я был вынужден сказать серию аналогий того, чтобы понять *то, что я видел*.

Лицо дона Хуана, например, выглядело так, как если бы он был погружен в воду. Вода, казалось, двигалась в непрерывном потоке через его лицо и волосы. Она так увеличивала их, что я мог видеть каждую пору в его коже или каждый волосок на его голове, когда я фокусировал на этом свое внимание. С другой стороны, я видел массы материи, которые были плоскими и полными углов и краев, но не двигались потому, что в свете, который исходил из них, не было флуктуации.

Я спросил дона Хуана, что это были за вещи, которые я видел. Он сказал, что, поскольку это был первый раз, когда я видел, как ворона, предметы были неясными или неважными, и что позднее, с практикой, я смогу узнавать все. Я снова поднял вопрос различий, которые я заметил в движении света.

— Вещи, которые живы, — сказал он, — двигаются внутри, и ворона может легко видеть, когда что-либо мертвое или готово умереть, потому что движение останавливается или замедляется вплоть до полной остановки.

Ворона может также сказать, когда что-либо движется очень быстро, и по этому признаку ворона может сказать, когда что-либо двигается не так, как надо.

— Но что это значит, когда что-либо движется слишком быстро или не так, как надо?

— Это означает, что ворона может фактически сказать, чего следует избегать, а чего искать. Когда что-нибудь движется слишком быстро внутри, это означает, что оно готово яростно взорваться или прыгнуть вперед, и ворона будет избегать этого. Когда оно внутри двигается так, как надо, это приятное зрелище, и ворона будет искать его.

— Камни двигаются внутри?

— Нет. Ни камни, ни мертвые животные, ни мертвые деревья, но на них приятно смотреть. Вот поэтому вороны кружатся над мертвыми телами. Им нравится смотреть на них. Ни один свет не движется внутри их.

— Но когда плоть распадается, разве она не изменяется или не двигается?

— Да. Но это совсем другое движение. То, что ворона видит, это миллионы маленьких отдельных светов, двигающихся внутри плоти. Каждая из движущихся точек имеет свой собственный свет, и вот почему воронам так нравится это видеть. Это действительно незабываемое зрелище.

— Ты видел это сам, дон Хуан?

— Каждый, кто научится становиться вороной, может видеть это. Ты увидишь это сам.

В этом месте я задал дону Хуану неизбежный вопрос: — Я действительно стал вороной? Я имею в виду: любой, кто посмотрит на меня, примет меня за обычную ворону?

— Нет, ты не можешь думать так, когда имеешь дело с силами *олли*.

Такие вороны не имеют смысла. И однако же, чтобы стать вороной — это самое простое из всех дел. Это почти как фокус. В этом мало пользы. Как я уже сказал тебе, дымок не для тех, кто ищет силу. Он только для тех, кто старается видеть. Я научился становиться вороной, потому что эти птицы наиболее эффективны из всех. Никакие другие птицы не беспокоят их, за исключением, может быть, более крупных голодных орлов. Но вороны летают группами и могут защитить себя. Люди не беспокоят ворон также, и это важный момент. Любой человек может распознать большого орла, особенно необычного орла, или другую крупную необычную птицу, но кому есть дело до ворон? Ворона в безопасности. Она идеальна по размеру и по природе. Она может безопасно проникать в любое место, не привлекая внимания. С другой стороны можно стать львом или медведем, но это довольно опасно. Такие существа слишком велики, слишком много требуется энергии, чтобы превратиться в такого. Можно также стать ящерицей или тараканом или даже муравьем, но это еще более опасно, поскольку крупные животные охотятся за мелкими.

Я стал спорить и сказал, что-то, что он говорит, означает возможность действительного превращения в ворону, в таракана или во что-либо еще, но он настаивал на том, что я не понимаю.

— Нужно долгое время, чтобы научиться быть действительно вороной, — сказал он, — но ты не меняешься и не перестаешь быть человеком. Это нечто другое.

— Можешь ты мне сказать, что это такое — нечто другое, дон Хуан?

— Нет, сейчас ты уже знаешь сам это. Может быть, если бы ты не боялся так сойти с ума или потерять свое тело, ты понял бы этот чудесный секрет, но, может быть, тебе нужно ждать до тех пор, пока ты потеряешь свой страх, для того, чтобы понять, что я имею в виду.

11.

Последнее событие, которое я записал в моих полевых тетрадях, имело место в сентябре 1965 года. Это было последнее из учений дон Хуана. Я назвал его "специальное состояние необычной реальности", потому что оно не было продуктом ни одного из растений, которыми я пользовался раньше.

Казалось, что дон Хуан называл его путем тщательного манипулирования с намеками на самого себя. Иначе говоря, он вел себя передо мной так ловко и таким манером, что создал ясное и устойчивое впечатление, что он в действительности был не он, но кто-то подражающий ему. В результате чего я испытал глубокое чувство конфликта. Я хотел верить, что это был дон Хуан, и все же не мог быть в этом уверен. Подоплекой этого конфликта был сознательный ужас столь острый, что он расстроил мое здоровье на несколько недель. После этого я думал, что будет мудрым кончить тут же мое учение. Я никогда с этих пор не был участником вновь. Однако, дон Хуан не перестал рассматривать меня, как своего ученика. Он рассматривал мой уход лишь как необходимый период рекапитуляции, еще один шаг учения, который может длиться бесконечно долго. С этого времени, однако, он никогда больше не злоупотреблял своим значением.

Я написал подробный отчет о моем последнем опыте почти месяц спустя после того, как он произошел. Хотя я сделал многочисленные заметки о периоде затишья на следующий день в часы огромного эмоционального возбуждения, которое предшествовало наивысшей точке моего ужаса.

Пятница, 29 октября 1965 года.

30 сентября 1965 года я должен был увидеть дон Хуана. В коротких неглубоких состояниях необычной реальности, которые продолжали иметь место, несмотря на мои намерения и попытки покончить с этим или снизить их, как предлагал дон Хуан. Я чувствовал, что мое состояние становится все хуже, поскольку продолжительность таких состояний все время увеличивалась.

Я начал остро сознавать звук аэропланов. Звук их моторов, когда они пролетали надо мной, неизбежно захватывая мое внимание, и фиксировали его до такой точки, что я чувствовал, что я следую за аэропланами, как если бы я был внутри него или же летел вместе с ним. Это ощущение было столь раздражающим. Моя невозможность стряхнуть его производила глубокое нетерпение во мне и неудобство.

Дон Хуан, внимательно выслушав эти детали, заключил, что я страдаю от потери души. Я сказал, что у меня были эти галлюцинации уже с того момента, как я стал курить грибы. Но он настаивал на том, что они были новым приобретением. Он сказал, что раньше я боялся и воображал бессмысленные вещи, но что сейчас я действительно околдован.

Доказательством был звук улетающих аэропланов, который уносил меня с собой.

— Обычно, — сказал он, — звук ручья или реки может позвать околдованного человека, который потерял свою душу, и увести его прочь к смерти.

Затем он попросил меня описать всю мою деятельность до того, как я стал испытывать такие галлюцинации. Я перечислил ему все, что я делал, так, как смог это вспомнить. И из этого моего рассказа он заключил, где было место, на котором я потерял свою душу.

Дон Хуан, казалось, был полностью захвачен этим. Состояние совершенно необычное для него. Это естественно увеличило мое восприятие. Он сказал, что у него нет определенной идеи относительно того, кто поймал мою душу, но кто бы это ни был, он намеревался, без всякого сомнения, погубить меня или сделать меня больным. Затем он дал мне точные инструкции относительно "боевой формы". Это специальная позиция тела, которую следует выдерживать в то время, как я остаюсь на своем благоприятном месте. Я должен был поддерживать это положение, которое он назвал формой...

Я спросил его, для чего все это, и с кем я должен воевать. Он ответил, что он собирается увидеть, кто взял мою душу. И обнаружить, нельзя ли ее вернуть назад. Тем временем мне следует оставаться на моем месте до его возвращения. Боевая форма, сказал он, была, фактически, предосторожностью, если что-нибудь случится в его отсутствие. Ее следует использовать, если меня атакуют. Она состояла в следующем: нужно было схватить рукой щиколотку и ляжку моей правой ноги и топтать левой ногой в виде танца, который я должен исполнять, встречая лицом к лицу атакующего.

Он предупредил меня, что эту форму следует принимать лишь в моменты исключительной опасности, но в то время, когда опасности нет в виду, я просто должен сидеть, скрестив ноги на своем месте. При обстоятельствах исключительной опасности, однако, сказал он, я должен обратиться к одному из последних средств защиты: швырнуть объект во врага. Он сказал мне, что обычно швыряется объект силы, но поскольку я не обладаю таковым, то я должен использовать любой небольшой камень, который уляжется мне в ладонь правой руки. Камень, который я смогу держать, прижимая его к своей ладони большим пальцем. Он сказал, что такая техника должна использоваться лишь, если мне без всякого сомнения будет угрожать потеря жизни. Швыряние объекта должно быть сопровождено боевым криком, кличем, который должен правильно направить объект к его цели. Он очень возбужденно рекомендовал, чтобы я был осторожным и сознательным в смысле выкрика, а не использовал бы его так просто — но лишь при условии чрезвычайной опасности.

Я спросил его, что он имеет в виду под условием чрезвычайной опасности. Он сказал, что выкрикивание боевого клича, это нечто такое, что остается с человеком в течение всей его жизни: что это должно быть хорошим с самого начала и что единственный способ начать это правильно, состоит в том, чтобы сдерживать абсолютно естественный страх и колебания до тех пор, пока не будет абсолютно наполнен силой, и тогда клич вырвется с направлением и силой. Он сказал, что это условие очень серьезно и оно совершенно необходимо, чтобы издать клич.

Я попросил его объяснить о силе, которая исходит из благоприятного места. Это сила, которая издает крик. Если такая сила правильно управляется, то боевой клич будет совершенен.

Я попросил его вновь, чтоб он сказал, что же, по его мнению, может случиться со мной. Он сказал, что ничего не знает об этом и драматически упрасивал меня оставаться прикованным к моему месту все то время, которое потребуется, потому что это было единственной защитой, которую я имел против всего, что могло случиться. Я испугался. Я попросил его быть более точным. Он сказал, что все, что он знает, так это то, что я не должен двигаться ни при каких обстоятельствах. Мне не следует входить в дом или в кусты. Превыше всего, сказал он, я не должен издавать ни единого звука, не говорить ни единого слова, даже ему. Он сказал, что я могу петь мои песни мескалито, если я буду слишком испуганным. И затем он добавил, что я уже знаю очень много обо всех делах и поэтому меня не нужно предупреждать, как ребенка, о возможности правильного выполнения всего, что говорится. Его призывы произвели состояние глубокого беспокойства во мне. Я был уверен, что он ожидает, что что-то случится. Я попросил его сказать мне, почему он рекомендует петь песни мескалито и что, по его мнению, может меня напугать. Он рассмеялся и сказал, что я могу испугаться от одиночества. Он вошел в дом и закрыл дверь за собой. Я посмотрел на свои часы. Было семь часов вечера. Я сидел спокойно в течение долгого времени. Не было никаких звуков из комнаты дон Хуана. Все было спокойно. Было ветрено. Я подумал, не сбегать ли мне к машине, чтобы достать оттуда ветровое стекло, но не осмелился этого сделать, нарушив совет дон Хуана. Мне не хотелось спать, но я был усталым. Холодный ветер не давал мне возможности отдохнуть.

Четыре часа спустя я услышал, что дон Хуан идет вокруг дома. Я подумал, что он, должно быть, вышел через заднюю дверь, чтобы помочиться в кусты. Затем он громко крикнул мне: — Эй, мальчик! Эй, парень, ты мне нужен здесь.

Я чуть не прыгнул и не побежал к нему. Это был его голос, но не его тон и не его слова, обычные для него. Дон Хуан никогда не кричал мне: "эй, парень", поэтому я остался там, где я был, мороз пробежал у меня по спине.

Он вновь начал кричать, используя те же слова или вроде того фразы. Я слышал, как он идет вдоль стены дома. Он запнулся о кучу дров, как если бы он не знал, что она там лежит. Затем он подошел к веранде и уселся рядом с дверью спиной к стене. Он казался более тяжелым, чем обычно. Его движения не были медленными или неуклюжими, но просто более тяжелыми. Он уселся на пол, вместо того, чтобы чутко опуститься, как он это делал обычно. Кроме того, это было не его место, а дон Хуан никогда ни при каких обстоятельствах не сидел ни на каком другом месте. Затем он вновь заговорил со мной. Он спросил меня, почему я отказался прийти, когда я был ему нужен. Он говорил громко. Я не хотел смотреть на него. Он начал медленно раскачиваться слегка из стороны в сторону. Я изменил свое положение, приняв боевую форму, которой он научил меня, и повернулся к нему лицом. Мои мускулы были напряжены и странно застыли. Я не знал, что

заставило меня принять боевую форму, но может быть, это было потому, что я считал, что дон Хуан старается сознательно напугать меня, создавая впечатление, что лицо, которое я вижу, в действительности, не является им.

Я чувствовал, что он был очень тщателен в том, чтобы делать непривычное для того, чтобы поселить сомнения мне в мысли. Я боялся, но все же я еще чувствовал, что я выше всего этого, потому что, фактически, могу все это видеть целиком и анализировать всю последовательность. В этот момент дон Хуан поднялся. Его движения были совершенно незнакомы. Он протянул свои руки перед собой и толкнул себя вверх, подняв спину в первую очередь.

Затем он схватился за дверь и распрямился, подняв верхнюю часть тела. Я поразился тому, как глубоко знакомыми были мне его движения. И какое ужасное чувство он создал, позволив мне видеть дон Хуана, который не движется, как дон Хуан. Он сделал пару шагов по направлению ко мне. Нижняя часть его спины поддерживалась его руками, как если бы он пытался распрямиться, или как если бы у него болела спина. Он отдувался и пыхтел.

Его нос, казалось, был заложен. Он сказал, что он собирается взять меня с собой и велел мне подниматься и следовать за ним. Он пошел в западном направлении от дома. Я изменил свое положение, чтобы быть лицом к нему. Он повернулся ко мне. Я не тронулся со своего места. Я был прикован к нему.

Он заревел: — Эй, парень, я сказал тебе, чтобы ты шел за мной. Если ты не пойдешь, я потащу тебя.

Он пошел ко мне. Я начал бить свое колено и ляжку и быстро пританцовывать.

Он подошел к краю веранды прямо передо мной и почти касался меня. В отчаянии я подготовил свое тело, чтобы принять швыряющее положение, но он изменил направление и двинулся против меня, к кустам слева от меня. На одну секунду, когда он уходил прочь, он внезапно повернулся, но я был лицом к нему. Он скрылся из глаз. Я сохранил боевое положение некоторое время еще, но, поскольку я не видел его больше, я уселся, скрестив ноги вновь, со спиной, опирающейся на скалу. Но тут уж я действительно был напуган. Я хотел убежать, однако же, эта мысль пугала меня еще больше. Я чувствовал, что я буду полностью в его распоряжении, если он схватит меня по дороге к машине. Я начал распевать пейотную песню, которую я знал. Но каким-то образом я чувствовал, что эти песни здесь не имеют силы. Они служили лишь как успокаивающее, и, однако же, они утихомирили меня. Я пел их вновь и вновь.

Примерно в 2.45 ночи я услышал шум внутри дома. Я тотчас же изменил свое положение. Дверь распахнулась, и дон Хуан вышел оттуда. Он хватал воздух ртом и держался за горло. Он склонился на колени передо мной и застонал. Он попросил меня высоким стонущим голосом подойти к нему и помочь ему. Затем он заревел вновь, потребовав, чтобы я подошел к нему. Он издавал гортанные звуки. Он просил меня подойти и помочь ему, потому что что-то душило его. Он на четвереньках полз, пока не оказался чуть ли не в полутора метрах от меня. Он протянул руки ко мне и сказал: "иди сюда".

Затем он поднялся. Его руки были протянуты ко мне. Он, казалось, готов был схватить меня. Я ударил ногой о землю и схватил щиколотку и ляжку. Я был вне себя от страха. Он остановился и пошел к краю дома и в кусты. Я изменил свое положение, чтобы быть лицом к нему. Затем я вновь уселся. Я не хотел больше петь. Казалось, моя энергия вся ушла. Все мое тело болело.

Все мои мускулы были напряжены и болезненно сокращены. Я не знал, что и думать. Я не мог принять никакого решения, сердиться ли мне на дон Хуана, или нет. Я подумывал о том, чтобы прыгнуть на него, броситься на него, но каким-то образом я знал, что он свалит меня, как букашку. Я действительно хотел плакать. Я испытывал глубокое отчаяние. Мысль, что дон Хуан собирается все время пугать меня, заставляла меня чувствовать горе. Я не мог найти никакой другой причины для этой ужасной игры, этого розыгрыша.

Его движения были столь искусны, что я был в замешательстве. Это было не так, как если бы он пытался двигаться, как женщина движется, но это было так, как если бы женщина пыталась двигаться так, как движется дон Хуан. У меня было впечатление, что она действительно пыталась ходить и двигаться с сознательностью дон Хуана, но была слишком тяжелой и не имела той пружинистости, которую имел дон Хуан. Кто бы это ни был передо мной, он создавал впечатление, как будто более молодая, но более тяжелая женщина пытается имитировать медленные движения легкого и скорого старого человека. Эти мысли привели меня в состояние паники. Громко начал кричать сверчок очень близко от меня. Я отметил богатство его тонов. Я отметил, что у него баритон. Звук начал затихать вдали. Внезапно все мое тело вздрогнуло. Я принял боевое положение и вновь обратился лицом в направлении, откуда только что доносился голос сверчка. Звук уносил меня с собой. Он начал захватывать меня прежде, чем я понял, что он был лишь похож на пение сверчка. Звук вновь приблизился. Он стал ужасно громким. Я начал петь свою пейотную песню громче и громче, внезапно сверчок замолк. Я тотчас же уселся, но продолжал

петь. Секунду спустя я увидел фигуру человека, бегущего по направлению ко мне со стороны противоположной той, откуда пел сверчок. Я сцепил руки на ноге и начал отчаянно топтать пяткой.

Фигура быстро пронеслась мимо, почти коснувшись меня. Она была похожа на собаку. Я ощутил ужасный страх, настолько сильный, что я прямо онемел. Я не мог ничего вспомнить из того, что я чувствовал или думал в тот момент.

Утренняя роса освежила. Я почувствовал себя лучше. Каково бы ни было явление, оно, казалось, прошло. Было уже 5.48 утра, когда дон Хуан открыл спокойно дверь и вышел наружу. Он потянулся, зевнул и посмотрел на меня.

Он сделал два шага по направлению ко мне, продолжая зевать. Увидев его глаза, глядящие из полуоткрытых век, я вскочил. Я знал, что кто бы это ни был или что бы это ни было, но это не дон Хуан. Я схватил небольшой угловатый камень с земли (он как раз оказался рядом с моей правой рукой), я не взглянул на него, я просто держал его, прижимая большим пальцем и вытянутыми остальными четырьмя пальцами, я принял ту форму, которой дон Хуан научил меня. Я чувствовал огромную силу, наполняющую меня через какие-то секунды. Затем я вскочил и швырнул камень в него. Я думаю, что это был чудесный выкрик. В тот момент мне не было дела, жив я или мертв; я чувствовал, что крик был зрелым по своей силе. Он был пронзительный и длинный и, фактически, направил мою руку. Фигура передо мной заколебалась и вскрикнула и исчезла в сторону дома, в кустах, примыкающих к нему.

Потребовалось несколько часов, чтобы я успокоился. Я больше не мог сидеть. Я продолжал топтаться на том же самом месте. Мне приходилось дышать через рот, чтобы захватить достаточно воздуха. В одиннадцать часов утра дон Хуан вышел вновь. Я собирался вскочить, но его движения были его движениями.

Он прошел прямо к своему месту и уселся в своей обычной знакомой позе. Он взглянул на меня и улыбнулся. Это был дон Хуан. Я подошел к нему и вместо того, чтобы рассердиться, поцеловал его руку. Я действительно верил, что это не он создавал тот драматический эффект, но что это кто-то, подражая ему, хотел причинить мне вред или убить меня.

Разговор начался с рассуждений о идентичности, о личности той женщины, которая захватила мою душу. Тогда дон Хуан попросил меня рассказать ему все детали моего опыта, который я испытал. Я кратко изложил ему всю последовательность событий очень рассудительным образом. Он все время смеялся, как если бы это была шутка. Когда я закончил, он сказал: — Ты действовал отлично. Ты выиграл битву за свою душу. Но это дело более серьезное, чем я думал. Твоя жизнь не стоила и гроша прошлой ночью.

Это счастье, что ты научился чему-то в прошлом. Если бы у тебя не было такой тренировки, то ты был бы сейчас уже мертвым, потому что, кто бы это ни был, кого ты видел прошлой ночью, но он хотел покончить с тобой.

— Но как возможно это, дон Хуан, что она может принять твою форму?

— Очень просто. Она диابلеро, и имеет хорошего помощника с другой стороны. Но она была не слишком ловкой в принятии моей формы, и ты разгадал ее трюк.

— Помощник с другой стороны, — это то же самое, что *олли*?

— Нет, помощник — это помощь диابلеро. Помощник — это дух, который живет с другой стороны мира и помогает диابلеро вызывать болезни или боль.

Она помогает ему убивать.

— Может ли диابلеро иметь также *олли*, дон Хуан?

— Именно диابلеро и имеют *олли*, но прежде, чем диابلеро может приручить *олли*, он обычно имеет помощника, чтобы помогать ему в его задачах.

— А как насчет женщины, которая приняла твою форму, дон Хуан? Она имеет только помощника и не имеет *олли*?

— Я не знаю, имеет ли она *олли* или нет. Некоторым людям не нравится сила *олли* и они предпочитают помощника. Приручить *олли* — это трудная работа. Куда легче заполучить помощника с другой стороны.

— Как ты думаешь, я могу получить помощника?

— Чтобы узнать это, ты должен еще многому научиться. Мы снова у самого начала. Почти также, как в самый первый день, когда ты пришел ко мне и попросил научить тебя мескалито. И я не мог этого, потому что ты не понял бы. Та, другая сторона — это мир диابلеро. Я думаю, что лучше будет рассказать тебе мои собственные чувства таким же образом, как мой бенефактор рассказал мне свои. Он был диابلеро и воин. Его жизнь была весьма склонной к силе и насилию мира, но я не отношусь ни к тому, ни к другому — такова моя натура. Ты видел мой мир с самого начала. Что касается того, чтобы показать тебе мир моего бенефактора, то я смогу только

подвести тебя к двери и ты будешь тогда решать сам. Тебе нужно научиться тому, чтобы предпринимать свои собственные усилия. Я должен согласиться теперь, что я сделал ошибку. Намного лучше, как я теперь вижу, начинать путь, как я это делал сам. Тогда легче понять, как проста и в то же время, как глубока разница. Даблеро — это даблеро, а воин — это воин.

Или же человек может быть и тем, и другим. Есть достаточно много людей, которые являются и тем и другим. Но человек, который только проходит по путям жизни, является всем. Сегодня я не воин, и не даблеро. Для меня есть только прохождение по путям, которые могут иметь сердце. Там я путешествую, и единственной стоящей задачей для меня является пройти их полную длину. Я там я путешествую, глядя, глядя, бездыханно.

Он сделал паузу. Его лицо отражало любопытные настроения. Он, казалось, был необычайно серьезен. Я не знал, что спросить или что сказать. Он продолжал: — Одна из частых вещей, которой надо научиться, — это как пройти к трещине между мирами и как войти в другой мир. Имеется трещина между двумя мирами: миром даблеро и миром живых людей. Есть место, где два мира наползают один на другой. Трещина там. Она открывается и закрывается, как дверь на ветру. Чтобы попасть туда, человек должен развить свою волю. Он должен, я хочу сказать, развить непреодолимое желание к этому. Неуклонное решение. Он должен это сделать без помощи какой-либо силы или какого-либо человека. Человек должен сам по себе рассуждать и желать вплоть до того момента, когда его тело будет готово путешествовать. Этот момент провозглашается длительным дрожанием конечностей и ужасной рвотой. Человек обычно не может спать и есть и изматывается. Когда конвульсии не останавливаются, человек готов идти; и трещина между мирами открывается прямо перед его глазами, подобно монументальной двери, трещина, которая идет сверху вниз. Когда трещина открылась, человек должен проскользнуть через нее. С другой стороны границы трудно видеть. Там ветрено, как в песчаную бурю. Вокруг завихряются смерчи. Человек тогда должен идти в любом направлении. Это будет короткое или длинное путешествие, в зависимости от силы воли. Человек с сильной волей идет недалеко.

Нерешительный и слабый человек идет долго и опасно. После этого своего рода путешествия человек прибывает в своего рода плато. Его возможно узнать очень ясно по некоторым отличиям. Это плоское поднятие над землей.

Его можно узнать, ориентируясь по ветру, который в этом месте становится все более сильным, хлещущим, ревушим со всех сторон. На вершине этого плато есть вход в другой мир и там стоит шкура, которая разделяет два мира. Мертвые люди проходят через нее без звука, но мы должны разорвать ее криком. Ветер набирает силу, тот же самый неуправляемый ветер, который дует на плато. Когда ветер набирает достаточно силы, человек должен выдать клич, и ветер протолкнет его сквозь шкуру. Здесь его воля должна быть негибкой также для того, чтобы он мог подчинить себе ветер. Все, что ему нужно — это небольшой толчок. Ему не нужно, чтобы его пронесло до другого мира, до его конца. Как только он очутится с другой стороны, человек должен походить вокруг. Большой удачей для него будет найти помощника поблизости, не слишком далеко от входа. Человек должен попросить его о помощи. Своими собственными словами он должен попросить помощника научить его и сделать даблеро. Когда помощник согласится, он убивает человека на месте, и в то время, как тот мертв, он учит его. Когда ты сделаешь такое путешествие сам, то в зависимости от твоего счастья, ты можешь найти и великого даблеро в помощники, который убьет и обучит тебя.

Чаще все же встречаются мелкие брехо, у которых есть очень мало, чему они могут научить, но ни ты, ни они не имеют силы отказаться. Самое лучшее — это найти помощника мужчину, иначе станешь жертвой даблеры, которая заставит тебя страдать невероятным образом. Женщины всегда такие. Но это зависит лишь от одного счастья. Разве что у человека сам бенефактор является великим даблеро, и в этом случае он имеет многих помощников в другом мире, и может направить ученика, чтобы тот встретился с определенным помощником. Мой бенефактор был таким человеком. Он направил меня встретиться с духом-помощником. После своего возвращения ты уже не будешь тем же самым человеком. Ты будешь вынужден возвращаться назад, чтобы часто видеть своего помощника, и ты будешь вынужден бродить все дальше и дальше от входа до тех пор, пока, наконец, однажды ты не зайдешь слишком далеко и не сможешь вернуться. Иногда даблеро может схватить душу и протолкнуть ее через вход и оставить ее в плену у своего помощника до тех пор, пока тот не ограбит человека полностью от всей его силы воли. В других случаях, подобно твоему примеру, душа принадлежит человеку с сильной волей, и даблеро может держать ее в своем доме, потому что она слишком тяжела для того, чтобы нести ее куда-либо. В таких случаях, как твой, битва может решить проблему, битва, в которой даблеро или выигрывает все, или теряет все. На этот раз она претерпела поражение и вынуждена была освободить твою душу. Если бы она победила, то она бы взяла ее к своему помощнику на сохранение.

— Но как я победил?

— Ты не двинулся со своего места. Если бы ты двинулся хоть на один дюйм, то ты был бы уничтожен. Она выбрала для удара то время, когда я был не здесь, когда я отсутствовал, и она поступила хорошо. Она проиграла потому, что она не рассчитывала на твою собственную натуру, которая насильственна, а также потому, что ты не сдвинулся со своего места, на котором ты неуязвим.

— Как бы она убила меня, если бы я сдвинулся?

— Она бы поразила тебя, подобно молнии. Но кроме всего этого, она держала бы твою душу, и ты уничтожился бы.

— А что же произойдет теперь, дон Хуан?

— Ничего. Ты отвоевал свою душу. Это была хорошая битва. Ты очень многому научился прошлой ночью.

После этого мы начали искать камень, который я бросил. Он сказал, что если бы мы нашли его, то мы могли бы быть совершенно уверены, что дело закончено. Мы искали почти три часа. У меня было такое чувство, что я узнаю его; но я не смог этого сделать.

В тот же самый день ранним вечером дон Хуан взял меня в холмы рядом со своим домом. Там он дал мне длинные и детальные инструкции, касающиеся боевых процедур. В один момент в ходе повторения определенных предписанных шагов, я обнаружил, что я один. Я взбежал на холм и выдохся. Я обливался потом. Мне было холодно. Несколько раз я звал дону Хуана, но он не отвечал. Я начал испытывать странное неудобство. Я услышал шелест в кустах, как если бы кто-то подходил ко мне. Я услышал шелест, но вскоре шум прекратился. Затем он вновь послышался ближе и громче. В этот момент мне казалось, что события предыдущей ночи собираются повториться. Через несколько секунд мой страх вырос до бесконечности. Шум в кустах послышался все ближе, и силы мои исчезли. Я хотел завизжать или заплакать, или убежать, или потерять сознание. Мои ноги подкосились, и я с воплем повалился на землю. Я даже не мог закрыть глаза. После этого я помню, что дон Хуан развел костер и растирал мои сведенные руки и ноги.

В течение нескольких часов я оставался в состоянии глубокого расстройств. Впоследствии дон Хуан объяснил мою неадекватную реакцию, как обычное явление. Я сказал, что не могу логически понять, что вызвало мою панику, и он объяснил, что это был не страх смерти, но скорее страх потерять свою душу — страх обычный среди людей, не имеющих несгибаемого намерения.

Этот опыт был последним в учении дон Хуана. С тех пор я всегда избегал искать его уроки. И хотя дон Хуан не изменил ко мне своего отношения, как к ученику, я считаю, что я проиграл битву первому из врагов человека знания.

Часть вторая. Приложения к первой книге.

Структурный анализ.

Последующая структурная схема, построенная на данных о необычных явлениях действительности, должна рассматриваться, как попытка раскрыть внутреннее единство и неоспоримость учения дон Хуана. Схема состоит из четырех главных разделов-концепций:

- 1) человек, обладающий знанием,
- 2) человек, обладающий знанием, имел *олли*,
- 3) этот *олли* имел принцип,
- 4) принцип подкреплялся особой согласованностью.

Эти четыре основных концепции, в свою очередь, состоят из ряда более мелких концепций; таким образом, эта структура охватывает все значимые описанные понятия, полученные до того, как я прервал процесс обучения. В каком-то смысле эти разделы представляют собой последовательные уровни анализа; каждый уровень модифицирует предыдущий.

Ввиду того, что в основе данной концептуальной структуры лежат концепции всех ее составляющих, в этом месте надо дать следующее пояснение: во всей этой работе смысл событий я передавал так, как понимал их. Составляющие концепции знания дон Хуана в моем изложении здесь не могли быть точным повторением его собственных высказываний. Несмотря на все мои усилия как можно точнее изложить эти концепции, их смысл изменился при моих попытках их классифицировать. Однако, само расположение этих четырех главных разделов структурной схемы представляет собой логическую последовательность, по-видимому, свободную от влияния

моих собственных методов классификации. Но если говорить об идеях, составляющих каждую из этих главных концепций, невозможно было сбросить со счетов собственную интерпретацию. В некоторых местах необходима внешняя классификация, чтобы объяснить какое-то явление более вразумительно. А так как это и есть цель этой работы, достигнуть ее можно было переходя от смысловых понятий и классификационной схемы учителя к смысловым понятиям и классификационным методам ученика и наоборот.

Оперативный порядок.

1. Человек, обладающий знанием.

В самом начале моего обучения дон Хуан заявил, что цель его учения "показать, как можно стать человеком знания". Это его высказывание я делаю отправной точкой. Оперативная цель — стать человеком, обладающим знанием.

Ясно также, что все учение дон Хуана направлено на то, чтобы тем или иным способом достигнуть этой цели. Ход моих рассуждений в этой части был таков: если при данных обстоятельствах стратегическая цель — стать "человеком знания" — должно разъяснить "оперативный порядок", тогда справедливо сделать вывод о том, что для того, чтобы уяснить себе оперативный порядок, нужно уяснить конечную цель: человек знания.

Когда я определил первый раздел структуры "человек знания", появилась возможность определить семь концепций, составляющих этот раздел:

- 1) чтобы стать человеком знания нужно учиться;
- 2) человек знания должен быть полным решимости;
- 3) человек знания обладал ясностью мышления;
- 4) стать человеком знания — это напряженный труд;
- 5) человек знания обладал бойцовским характером;
- 6) становится человеком знания — процесс непрерывный; и
- 7) человек знания имел *олли*.

Эти семь концепций были темами. Они проходили через весь курс обучения, определяя самый характер всего знания дон Хуана. Так как стратегическая цель его учения — сформировать человека, обладающего знанием, то все, чему он обучал, включало в себя специфику каждой из этих семи тем. Взятые в совокупности, они определили концепцию "человек знания", как способ поведения, являющийся конечным результатом длительной и утомительной учебы. Однако, "человек знания" — это не руководство по поведению, а целый комплекс принципов, включающих в себя все необычные обстоятельства, имеющие отношение к преподаваемому знанию.

В свою очередь каждая из этих семи концепций состоит из разных понятий, раскрывающих, все эти грани.

Из утверждений дон Хуана можно было сделать вывод о том, что человеком знания мог быть диаблеро, т. е. колдун, занимающийся черной магией. Он утверждал, что колдуном был его учитель и в прошлом он сам, хотя некоторые аспекты колдовства перестали его интересовать. Так как цель учения — показать, как стать человеком знания, а частью этого знания было колдовство, значит, существовала неотъемлемая связь между человеком знания и колдуном. Хотя дон Хуан не использовал их как взаимозаменяемые термины, тот факт, что они сходны и связаны, допускает возможность того, что "человек знания" со всеми семью темами и составляющими их концепциями, включает в себя все обстоятельства становления колдуна.

Стать человеком знания — это вопрос обучения. Первая тема подразумевает, что учиться — это единственный способ стать человеком знания, а это в свою очередь подразумевает необходимость длительных усилий для достижения цели. Стать человеком знания — это конечный результат процесса в отличие от немедленного приобретения этого состояния, являющегося даром сверхъестественных сил. Вероятность узнать, как стать человеком знания, оправдала существование системы обучения тому, как этого достичь.

В первой теме было три элемента: (1) не существовало очевидных необходимых условия для того, чтобы стать человеком знания; (2) существовали некоторые скрытые условия; (3) решение о том, кто может стать человеком знания, вынесено было безликими силами.

Видимо, не существовало очевидных предпосылок, которые помогли бы определить, кто способен, а кто нет, научиться стать человеком знания. В идеале к этому может стремиться любой. Хотя на практике, дон Хуан отбирал учеников.

Фактически, при существующих обстоятельствах, любой учитель выбирал бы учеников, подбирая их по скрытым предпосылкам. Сущность этих предпосылок никогда не была сформулирована; дон Хуан лишь исподволь внушал, каким должен быть ход мыслей при выборе будущего ученика. Подход, который он использовал для того, чтобы определить, насколько подходящим был склад характера кандидата в ученики, дон Хуан называл "непреклонное намерение".

Тем не менее, окончательное решение по вопросу о том, кто может научиться быть человеком знания, было делом безликой силы, о которой дон Хуан знал, но это находилось за пределами его воли. Эта сила могла указать на нужного человека, дав ему возможность совершить необычный поступок, или поставив его в необычные обстоятельства. Поэтому, отсутствие открытых предпосылок и существование скрытых предпосылок никогда не вступали в конфликт.

Человек, который таким образом был выделен из числа других, становился учеником. Дон Хуан называл его эскогидо — "избранный". Быть избранным значило гораздо больше, чем быть просто учеником. Сам способ выбора эскогидо уже отличал его от обыкновенных людей. Он уже считался носителем минимального количества могущества, которое предположительно должно было возрастать по мере обучения.

Но учение — это процесс бесконечного поиска и те силы, которые вынесли первоначальное решение или силы, с ними сходные, должны были в дальнейшем определить в состоянии ли эскогидо продолжать обучение или он потерпел поражение. Такие решения могли обозначиться в разных выражениях на любой стадии обучения. В этом смысле любые необычные обстоятельства, окружающие ученика, рассматривались, как предзнаменования.

Человек знания имел не преклонное намерение.

Сама мысль о том, что человек знания нуждается в непреклонном намерении, объясняла упражнение силы воли. Иметь непреклонное намерение значило иметь волю для осуществления необходимой процедуры в рамках получаемого знания. Человеку знания нужна несгибаемая воля, чтобы выдержать обязательное качество, которое свойственно любому действию, происходящему в пределах его знания.

Обязательное качество всех действий, происходящих в таких пределах, их неизменность и предопределенность, без сомнения, любому человеку неприятны; по этой причине небольшое количество непреклонного намерения — это единственное скрытое требование, предъявляемое к каждому будущему ученику.

Непреклонное намерение состоит из (1) умеренности, (2) трезвости суждения и (3) недостатка свободы вводить новшества.

Умеренность необходима человеку, т.к. большинство обязательных действий касалось инстанций или элементов, находящихся или за рамками обычной повседневной жизни, или не были приняты в обычной деятельности, и человеку, который должен действовать в соответствии с ними, приходится делать экстраординарное усилие каждый раз, как он предпринимает какое-то действие. Ясно, что быть способным на такое усилие можно лишь будучи умеренным в другой деятельности, которая прямо не затрагивает такие предопределенные действия.

Ввиду того, что все действия предопределены и обязательны, человеку знания нужна трезвость суждения. Под этим понятием подразумевается не просто здравый смысл, а способность оценивать обстоятельства, сопутствующие любой необходимости действовать. Руководством для такой оценки может быть совокупность всех составных учения, взятых в качестве рациональных факторов, бывших в распоряжении на тот момент времени, в который должно было быть выполнено действие. Т.о., руководящий фактор все время изменялся по мере того, как выучивалось больше составляющих; хотя в основе его всегда лежало убеждение, что любое обязательное действие, которое возможно надо было произвести, в действительности было самым подходящим действием в данных обстоятельствах.

Ввиду того, что все действия были установлены заранее и обязательны, их выполнение означало ограничение свободы на введение каких-то новшеств.

У дон Хуана система передачи знаний была так хорошо разработана, что не было возможности как-то ее изменить.

Человек знания обладал ясностью мышления.

Ясность мышления была тем фактором, который обеспечивал чувство ориентации. Тот факт, что все действия предопределены означал, что ориентация в пределах получаемого знания в равной степени предопределена; как следствие — ясность мышления подсказывала направление ориентации. Этим постоянно подтверждалась обоснованность избранного курса при составляющих понятиях (1) свобода выбирать путь, (2) знание специфической цели, (3) изменчивость.

Предполагалось, что у человека была свобода выбора пути. Идея свободы выбора не противоречила идее об ограничении свободы вводить новшества; они не противоречили друг другу и не смешивались друг с другом. Свобода выбора пути подразумевала свободу выбора между разными возможностями свершения действия, одинаково эффективными и практичными. Критерием для такого выбора было преимущество одной возможности над другими по оценке выбирающего. Кстати, свобода выбора пути давала чувство ориентации через выражение личных наклонностей.

Другой способ выработать чувства ориентации — это осознание специфической цели каждого действия в пределах получаемого знания. Поэтому человеку знания необходима ясность мышления, чтобы сочетать свои специфические причины действия со специфической целью каждого действия.

Знание специфической цели каждого действия было тем фактором, которым он руководствовался при оценке обстоятельств, сопровождающих любую необходимость действия.

Другим аспектом ясности мышления была мысль о том, что человек знания для того, чтобы подкрепить выполнение обязательных действий, должен собрать все ресурсы, которые учение ему предоставило. В этом состоит изменчивость. Чувство ориентации сформировалось при появлении у человека чувства уступчивости и изобретательности. Обязательное качество всех действий внушило бы человеку чувство жесткости или бесплодности, если бы не мысль о том, что человек знания должен быть изменчив.

Стать человеком знания — вопрос напряженного труда.

Человек знания должен обладать или развивать в себе в процессе обучения всестороннюю способность проявлять волю. Дон Хуан утверждал, что стать человеком знания — дело напряженного труда. Напряженный труд означал способность (1) драматически напрягать волю; (2) достигнуть эффективности; и (3) отвечать на вызов.

В судьбе человека знания драма несомненно должна быть выделена особым образом, нужен особый вид волевых усилий, чтобы отвечать на обстоятельства, которые требовали драматической эксплуатации; иначе говоря, человек знания нуждался в драматических волевых усилиях. Взяв для примера поведение дон Хуана, с первого взгляда может показаться, что его усилия воли драматического характера являлись лишь результатом его собственной приверженности к театральности. Но драматические проявления воли в его случае гораздо больше, чем просто игра; скорее, это глубокое состояние веры. Посредством драматических усилий он придавал особое чувство законченности всем своим выполняемым действиям. Затем, как следствие его действий были инсценированы, так что одним из главных действующих лиц была смерть. Ясно, что смерть была вероятной в процессе обучения из-за опасной природы тех предметов, с которыми имел дело человек знания; затем было логично, что драматические проявления были больше, чем театральными представлениями — они были обусловлены убежденностью, что смерть была вездесущим игроком.

Усилия воли повлекли за собой не только драму, но также необходимость эффективности. Воля должна быть эффективной; одним из ее качеств должна быть правильная направленность и приемлемость. Идея неминуемой смерти вызвала к жизни не только драму, но и уверенность в том, что в каждое действие входит борьба за выживание, уверенность в том произойдет уничтожение, если чья-то воля не будет эффективной.

Воля также повлекла за собой идею вызова, т.е. действия, направленного на проверку и доказывающего, что человек способен совершить правильное действие в пределах жестких рамок получаемых знаний.

Человек знания обладал бойцовским характером.

Существовать для человека знания значит находится в состоянии постоянной борьбы, и мысль о том, что он боец, ведет жизнь воина, помогала ему достигать эмоциональной стабильности. Сама идея воюющего человека состоит из четырех концепций: 1) человек знания должен иметь уважение, 2) в нем должно быть чувство страха, 3) он должен быть активным, 4) он должен быть уверен в себе. Отсюда быть воином — это вид самодисциплины, форма совершенствования личности, хотя это то состояние, когда личные интересы сведены к минимуму, т.к. в большинстве ситуаций личный интерес несовместим с суровой необходимостью для совершения какого-либо predetermined, обязательного акта.

Человек знания в роли бойца обязан обладать особым уважением ко всему, с чем ему приходилось иметь дело; ко всему, что связано с его знанием, следует относиться с глубоким уважением для того, чтобы в перспективе расставить все по значимости. Иметь чувство уважения эквивалентно умению оценивать незначительные возможности человека перед лицом неизвестности.

Если человек мыслит таким образом, то эта идея уважения, логически развиваясь, включает уважение к себе, т.к. человек неисследован в той же степени, как и сама *неизвестность*. Упражнение, направленное на осознание чувства уважения, трансформировало изучение этого специфического знания, которое иначе могло бы показаться абсурдным, в рациональное.

Еще один необходимый фактор в жизни бойца — это необходимость испытывать и тщательно оценивать чувство страха. Идеальная ситуация — это когда, несмотря на страх, человек продолжает производить действия.

Предположительно, чувство страха должно быть побеждено и в какой-то период в жизни человека оно должно исчезнуть, но первое, что человек должен сознавать, это необходимость испытывать это чувство с тем, чтобы должным образом оценить это чувство. Дон Хуан утверждал, что человек способен победить страх, только будучи лицом к лицу с ним.

Будучи бойцом, человек знания должен быть всегда активным, начеку.

Человек на войне должен быть начеку, чтобы осознавать два аспекта знания: (1) осознание намерения и (2) осознание ожидаемого постоянного движения.

Осознание намерения — это знание факторов, участвующих во взаимоотношении между специфической целью любого обязательного действия и целью действия отдельного человека. Так как у всех обязательных действий есть определенная цель, человек знания должен быть всегда активен, т.е. он должен быть в состоянии сочетать определенную цель каждого обязательного действия с тем определенным мотивом, который побудил его к действию.

Осознавая эту взаимосвязь, человек знания должен быть в состоянии осознавать, что такое ожидаемое постоянное движение. То, что я назвал "осознание ожидаемого постоянного движения" — это уверенность в том, что человек в состоянии всегда определить значимые изменения, происходящие во взаимоотношении между специфической целью действия и мотивов личности, побуждающих личность действовать. Осознавая это движение, человек, предполагается, должен обнаруживать самые незначительные изменения. Это целенаправленное осознание изменений объясняет признание и интерпретацию предзнаменований и других необычных событий.

Последний аспект бойцовского поведения — это необходимость уверенности в себе, т.е. уверенность в том, специфическая цель действия, которое возможно выбрано, была единственной вероятной альтернативой для специфических личных мотивов действия. Без уверенности в себе человек не способен выполнить один из аспектов учения: способность утверждать знание, как власть.

Становиться человеком знания — не прекращающийся процесс.

Быть человеком знания не подразумевает постоянство. Никогда не было уверенности в том, что выполняя все задания преподаваемого знания, можно стать человеком знания. Очевидно, что роль этих заданий состоит в том, чтобы показать, как стать человеком знания. Итак, стать человеком знания — это задача, которая не могла быть выполнена полностью, скорее это непрерывный процесс, включающий в себя 1) мысль о том, что каждый должен искать новые способы, как стать человеком знания, 2) мысль о собственном непостоянстве и 3) выбранному занятию должно отдаваться сердце.

Вопрос об обновлении способов становления человеком знания обсуждался в связи с темой четырех символических препятствий, встречающихся на пути человека обучающегося: страх, ясность, власть и возраст. Возобновление поиска нового подразумевает умение себя контролировать и сохранять контроль над собой. Настоящий человек знания должен бороться против каждой из этих враждебных сил последовательно до конца жизни, чтобы активно участвовать в процессе приобретения знания. Несмотря на истинное возобновление поиска, перевес неизбежно не на стороне человека, он отступит перед последним из символических препятствий. В этом заключается идея непостоянства.

Компенсация негативности человеческого непостоянства — это указание на то, что выбравший путь должен делать это "от всего сердца". Это выражение метафорическое, означает, что, несмотря на непостоянство, человек должен идти избранным путем и должен находить удовлетворение и самовыражение в самом процессе выбора наиболее приемлемой альтернативы и идентифицировать себя с ней полностью.

Дон Хуан выразил рациональную сущность всего своего учения метафорически таким образом, что для него важно было найти путь сердцем и пройти по нему до конца, для него достаточно идентифицировать себя полностью с этой альтернативой. Удовлетворение приносило само прохождение этого пути, надежда достичь какого-то перманентного состояния за пределами его знания.

2. Человек знания имел союзника (олли).

Мысль о том, что человек знания имел *олли*, была самой важной из семи составляющих, единственно необходимая для объяснения сущности человека знания. По классификации дона Хуана, человек знания имел *олли* в то время, как у обычного человека его не было, и именно в этом состояло различие между ними.

Дон Хуан описывал *олли*, как "силу, которая способна транспортировать человека за пределы его личности", т.е. силу, которая способна вынести его за пределы обыденности. Соответственно иметь *олли* значит иметь власть, тот факт, что человек знания имеет *олли*, означает, что оперативная цель учения была достигнута. Так как цель — это научить, как стать человеком знания, а человек знания — это тот, кто имел *олли*, то по учению дона Хуана учение также показывает, как приобрести *олли*.

Понятие "человек знания", являющееся философской оболочкой мага, имеет значение для каждого, кто хочет жить внутри этой оболочки только в том случае, если у него есть *олли*.

Я классифицировал предыдущую составляющую человека знания, как вторую по значению структурную часть из-за ее необходимости при объяснении, что такое человек знания.

В учении дона Хуана было два *олли*. Первый входил в состав растения датура, общеизвестного под названием трава *Jimson*. Дон Хуан называл этого *олли* испанским названием, которое означает трава дьявола. По его мнению, любые разновидности датуры его содержат. Хотя каждый маг должен выращивать один какой-то вид, который он называет своим не только в том смысле, что это его личная собственность, но и потому, что оно идентифицируется с ним.

Собственные растения дона Хуана относились к виду *ipoxia*, там, по-видимому, не было корреляции между этим фактом и различиями, которые, возможно, существовали между двумя видами датуры, ему доступными.

Второй *олли* входил в состав гриба, который я идентифицировал, как род гриба *psilocybe*, возможно, это был *psilocybe mexicana*, но эта классификация была лишь приблизительной, так как мне не удалось достать образец для лабораторного анализа.

Дон Хуан называл этого *олли* *nimito*, что значит "маленький дымок", предполагая, что этот *олли* был аналогичен дыму или курительной смеси, которую он составлял с этим грибом. Этот дым упоминается, как настоящий контейнер, но он разъяснил, что силой обладал лишь один вид *psilocybe*, т.о. при сборе необходима особая тщательность, чтобы не спутать этот вид с дюжиной других видов этого рода, которые растут в том же регионе.

Олли в качестве значимой концепции включал в себя следующие идеи и их вариации: 1) *олли* не имеет формы, 2) *олли* воспринимается, как качество, 3) *олли* можно приручить, 4) *олли* обладал властью.

Олли бесформенен.

Олли есть сущность, существующая вне и независимо от себя, но несмотря на то, что это отдельная сущность, формы *олли* не имеет. Я ввел понятие "бесформенность" как противоположное понятию "имеющий определенную форму", различие это сделано ввиду того, что существуют другие силы, сходные с *олли*, имеющие совершенно определенные для восприятия формы.

Состояние бесформенности означает, что *олли* не имеет ярко или слабо выраженной формы, даже просто различимой формы, подразумевается, что *олли* всегда невидим.

Олли воспринимается, как качество.

В продолжение идеи бесформенности было еще одно состояние, выражающееся в том, что *олли* воспринимается, как качество ощущений, т.е. из-за бесформенности присутствие *олли* можно ощутить лишь по его влиянию на мага. Дон Хуан определил качество этих влияний как антропоморфическое. Он изобразил *олли*, обладающего характером человека, подразумевая при этом, что каждый маг в отдельности выбирал наиболее подходящего себе *олли* по характеру, принимая во внимание антропоморфические характеристики *олли*.

Два *олли* в учении были описаны доном Хуаном, как имеющие качества.

По классификации дона Хуана, *олли*, содержащийся в датуре иноксия, обладал двумя качествами: он был женского типа и был источником избыточной силы. Он считал оба эти свойства абсолютно нежелательными. Его высказывания на этот счет были вполне определенными, но в то же время он указывал, что его оценка этого вопроса носит личный характер.

Самой важной характеристикой было, несомненно, то, что дон Хуан называл женской природой. Тот факт, что говорится о женской природе, однако, не означает, что *олли* был женской властью. Аналогия с женщиной, возможно, была лишь метафорой, которую дон Хуан использовал для описания отрицательных влияний *олли*. Кроме того, само испанское название растения *jebra* женского рода и могло способствовать проведению такой аналогии. В любом случае

персонификация этого *олли*, как власти женской по природе, приписывали ему такие антропоморфные качества: (1) он был собственником; (2) он был неистовым (3) он был непредсказуем и (4) он обладал отрицательным последствием.

Дон Хуан верил, что союзник (*олли*) обладал способностью поработать людей, которые стали его последователями; он объяснил эту способность, как проявление собственности, которая ассоциируется в его представлении с женским характером. *Олли* устанавливал власть над своими последователями, создавая у них чувство зависимости и давая ощущение физической силы и благополучия.

Олли также должен быть неистов. Неистовость женского типа выражалась в том, что последователи *олли* совершали жестокие действия.

Эта специфическая черта сделала его наиболее подходящим для мужчин свирепого характера, которые хотели найти ключ к личной власти в неистовости.

Следующей женской чертой была непредсказуемость. Дон Хуан подразумевал, что последствия *олли* никогда не были постоянными; скорее, они были неустойчивы и ярко выраженного способа их предсказать не было.

Непостоянство *олли* уравнивалось дотошной и драматической заботой мага о своих действиях. Любой неблагоприятный поворот событий, необъяснимый, являющийся результатом ошибки или неправильностью действий объяснялся непредсказуемостью *олли*.

Из-за собственничества, неистовости и непредсказуемости в целом влияние *олли* на характер последователей было вредным. Дон Хуан утверждал, что *олли* целенаправленно старался передать свои качества и что в этом он преуспел.

Но наряду с женскими качествами, *олли* обладал другим качеством: он был источником избыточной силы. Дон Хуан особо подчеркивал это, он говорил, что как источник избыточной силы, *олли* был непревзойден.

Подразумевается, что он дает своим последователям физическую силу, чувство смелости и отвагу совершать необычные подвиги. По мнению дон Хуана, такая непомерная власть была избыточна; он утверждал, что по крайней мере для него самого, в таком количестве она было больше не нужна. Тем не менее, он считал ее сильным стимулом для будущего человека знания в случае, если у последнего возникло бы намерение искать власти.

Своеобразность точки зрения дон Хуана состояла в том, что *олли*, входящий в состав *псилоубе мексана*, напротив, обладает адекватными и наиболее ценными характеристиками: 1) он мужского типа и 2) дает состояние экстаза.

Он описывал этого *олли*, как антипод тому, который содержится в растении *datura*. Он считал его мужским по типу. Мужская природа в нем представляется аналогичной женской природе другого *олли*, т.е. это не мужская власть, но дон Хуан просто классифицировал его воздействие в рамках того, что он определил, как мужское поведение. В этом случае также мужской род испанского названия растения мог дать аналогию мужского начала.

Человекоподобные качества этого *олли*, которые дон Хуан считал свойствами мужчины, следующие: 1) он был бесстрастен, 2) он нежен, 3) он предсказуем и 4) он обладает благотворным воздействием.

Мысль дон Хуана о бесстрастной природе *олли* выражалась в уверенности в справедливости *олли* в том, что он никогда не требовал экстравагантных действий от своих последователей. Он никогда не поработал людей, потому что он никогда не обладал легким воздействием на них, наоборот, действовал тяжело, но должным образом на своих последователей.

Тот факт, что *олли* не проявлял открыто никакой неистовости свидетельствовал о его мягкости. Было ощущение его бестелесности, и дон Хуан т.о. описывал его спокойствие, мягкость и умиротворенность.

Он также предсказуем. Дон Хуан описал его влияние на отдельных последователей и его поведение в серии последовательных экспериментов на одном человеке, как постоянное, другими словами формы проявления не меняются, а если изменения и происходят, то они незначительны и их можно не рассматривать отдельно.

Из-за того, что *олли* мягок, бесстрастен и предсказуем, предполагается, что он обладает и другими мужскими свойствами: благоприятным влиянием на характер своих последователей. Эти свойства "хумито" создают в них состояние эмоциональной стабильности. Дон Хуан уверен в том, что под влиянием *олли* человек может обуздать свои порывы и прийти в состояние равновесия.

Вершиной всех мужских характеристик *олли* является его свойство приходить в состояние экстаза. Эта его характеристика также воспринимается, как качество. Хумито как бы освобождал тело от сопутствующих ощущений, давая им возможность собственной активности, создавая таким

образом ощущение бестелесности. А эта активность неизбежно выражалась в состоянии экстаза. *Олли*, содержащийся в *psilocybe* считается идеальным для людей, склонных к созерцанию.

Олли можно приручить.

Мысль о том, что *олли* можно приручить, означает, что потенциально его силу можно использовать. Дон Хуан объяснял, что это его природная особенность; после того, как маг подчинил *олли*, считалось, что он мог распоряжаться им, что означало использовать его силу в своих интересах.

Способность *олли* к подчинению противостояла неспособности к этому других сил, которые во всем другом, кроме способности к подчинению, сходны с *олли*.

В манипулировании *олли* есть два аспекта: 1) *олли* — средство передвижения, 2) *олли* — это помощник.

Олли — это средство передвижения в том смысле, что он переносит мага в область необычной реальности. Что касается моего личного опыта, оба *олли* являлись средствами передвижения, хотя смысл этой функции для каждого из них был разным.

Общие нежелательные свойства *олли*, содержащегося в *datura innoxia*, особенно его непредсказуемость, сделали его опасным и независимым средством передвижения. Единственным способом защиты от его несовместимости был ритуал, но его всегда было недостаточно, чтобы обеспечить стабильность *олли*; когда маг использует *олли*, как средство передвижения, перед тем, как начать действие, должен дожидаться хороших предзнаменований.

Наоборот, *олли*, содержащийся в *psilocybe mexicana*, считался надежным, предсказуемым средством транспортировки в силу своих ценных качеств. В силу предсказуемости этого *олли*, магу при работе с ним не нужен никакой подготовительный ритуал.

Другой аспект манипулирования *олли* — это *олли*, помощник. Идея *олли* помощника состоит в том, что после того, как *олли* сослужит службу в качестве средства передвижения, его можно использовать, как помощника в достижении поставленной цели, т.е. перехода в состояние необычной реальности.

В качестве помощников оба *олли* обладали разными уникальными свойствами. Сложность и пригодность этих свойств выяснялась все больше в процессе обучения. Но в целом *олли*, содержащийся в *datura innoxia* считается необычайным помощником, и эта его способность рассматривается, как следствие его способности давать чрезмерную силу. Помощник, содержащийся в *psilocybe mexicana*, считался еще более экстраординарным помощником. Дон Хуан считал, что в функции помощника с ним ничто не может сравниться, что являлось следствием всех его ценных свойств.

3. Олли имел правило.

Среди составляющих понятие "*олли*" мысль о том, что *олли* имел правило, необходима для объяснения сущности *олли*. В силу этой обязательности я сделал эту часть третьим разделом структурной схемы.

Это правило, которое дон Хуан называл также законом, являло собой жесткую организующую концепцию, определяющие собой все те действия, которые должны быть выполнены и то поведение, которое должно соблюдаться во время применения *олли*. Правило, таким образом, не было лишь сводом каких-то норм; скорее, это план действий, определяющих путь, по которому надо следовать, чтобы манипулировать *олли*.

Многие из этих норм несомненно подтвердили бы определение *олли*, данное доном Хуаном, как "силы, способной перенести человека за пределы его сознания". Если принять это определение, то можно назвать *олли* любое средство, обладающее таким свойством. И логично, таковыми *олли* могли бы считаться физические состояния, вызванные голодом, усталостью, болезнью и т.п., т.к. они обладают способностью перенести человека за пределы его сознания. Но мысль о том, что *олли* имеет правило, исключала все эти возможности. *Олли* был силой, действующей в соответствии с законом (правилом). Все другие обстоятельства не могут считаться *олли*, т.к. действуют не по правилам.

В качестве концепции это правило состояло из следующих мыслей и их разных составляющих: (1) правило не является гибким; (2) правило не кумулятивно; (3) правило подкреплено в условиях обычной реальности; (4) правило подтверждено в условиях нереальности; и (5) правило подтверждено специальным согласием.

Правило не гибко План действий, формирующих свод норм правила, — это неизбежные действия, которые каждый должен совершить, чтобы достигнуть цели учения.

Обязательность этого и определяет негибкость правила. Негибкость неизбежно связана с эффективностью. Драматическое проявление создало условия для непрерывной борьбы за

выживание, а в этих условиях лишь наиболее эффективное действие, которое можно предпринять, обеспечит выживание. Так как отступление не разрешается, закон предписывал лишь те действия, которые были направлены на выживание. Т.О., правило должно быть негибким; оно должно соответствовать тому, что диктует.

Соответствие правилу отнюдь не абсолютно. В процессе обучения я отметил период, в течение которого его негибкость была аннулирована. Дон Хуан объяснил этот случай, как отклонение, как особый случай, являющийся результатом непосредственного вмешательства *олли*. В этот период из-за моей случайной ошибки в употреблении *олли*, содержащегося в *datura inoxia*, правило было нарушено. Из этого случая дон Хуан сделал вывод, что *олли* обладал способностью непосредственно вмешиваться и оказывать вредное, обычно фатальное влияние, происходящее из-за несовместимости с правилом.

Такое доказательство гибкости всегда считалось результатом сильной родственной близости между *олли* и его последователем.

Правило не кумулятивно. Здесь допускаем, что были использованы все возможные способы манипулирования *олли*. Теоретически правило не кумулятивно; возможности наращивания его не было. Некумулятивная природа правила соотносится с концепцией силы. Так как правило предполагало единственную действенную альтернативу для выживания, то любая попытка изменить его или его действие считалась не только излишней, но и смертельной. Существует лишь возможность расширить личное знание этого правила с помощью учителя или с помощью самого *олли*. Последнее считается инстанцией непосредственного приобретения знания, а не добавлением к правилу.

Правило подтверждается в реальности. Подтверждение правила означало его проверку, проверку его действия экспериментальным путем. Подтверждение правила происходило в области как обычной, так и необычной реальности, т.к. оно распространяется на обе эти области.

Ситуации обычной реальности, в которых действовало это правило, были замечательно необычны, но, несмотря на эту необычность, правило в обычной реальности подтверждалось. Поэтому оно не является средством исследования этой работы, а должно стать предметом другого исследования. Эта часть правила касалась деталей процессов, связанных с узнаванием, сбором, смешиванием, приготовлением и содержанием (уходом) за растениями, в которых содержатся сильно действующие средства, подробностей, связанных с применением таких растений и другими подобными моментами.

Правило подтверждалось в необычной реальности.

Правило также подтверждалось в необычной реальности и проверка эта происходила таким же экспериментальным путем, как и в условиях обычной реальности. Идея прагматического подтверждения подразумевала две концепции: (1) встречи с *олли*, которые я бы назвал состояниями необычной реальности, и (2) специфические цели правила.

Состояния необычной реальности — Два растения, содержащие *олли*, будучи использованы в соответствии с правилами, давали состояние необычайной восприимчивости, которые дон Хуан классифицировал, как встречи с *олли*. Особое внимание он обращал на то, как вызывать эти состояния, что нашло выражение в теории о том, что встречаться с *олли* можно так часто, как это требуется для проверки в процессе эксперимента. Предполагалось, что составная часть правила, подвергающаяся проверке, коррелировалась количеством встреч с *олли*.

Единственный способ вызова встречи с *олли* состоял в правильном применении растения, его содержащего. Однако, дон Хуан предполагал, что на продвинутой стадии обучения такие встречи могли происходить без применения растения; они могли вызываться лишь силой воли.

Я назвал встречи с *олли* состоянием необычной реальности. Я выбрал сам термин "необычная реальность", т.к. он согласовывался с утверждением дон Хуана о том, что такие встречи происходили в реальности, которая лишь несколько отличалась от обычной реальности повседневной жизни. Следовательно, необычная реальность обладала специфическими характеристиками, которые могли быть оценены любым человеком приблизительно одинаковыми терминами. Дон Хуан никогда не использовал определенных формулировок для этих характеристик, но его сдержанность была результатом убежденности в том, что получение человеком знания зависит от его личности.

Другие категории, которые я считаю специфическими для необычной реальности, есть результат моего собственного опыта. Все же, несмотря на их как бы своеобразную природу, они были подкреплены и получили дальнейшее развитие в учении дон Хуана на базе его учения; он так строил свой процесс обучения, что эти характеристики как бы являлись неотъемлемой частью необычной реальности: (1) необычная реальность была усваиваемой, (2) необычная реальность состояла из компонентов.

Первое — то, что необычная реальность была усваиваема — значит, что она подходит для практического использования. Дон Хуан все время объяснял, что суть его знания — достижение практических результатов, а это свойственно как необычной, так и обычной реальности. Он признавал, что в его знании были способы практического использования необычной и обычной реальности. Как он утверждал, состояния, вызванные *олли*, вызывались намеренно для того, чтобы их использовали. В этой конкретно части вывод дон Хуана состоит в том, что встречи с *олли* создавались для того, чтобы узнать их секреты и этот вывод служил указанием искать другие мотивы личного свойства, которые могли быть у каждого для поисков состояний необычной реальности.

Второй характеристикой необычной реальности являлось то, что она имела составляющие. Эти составляющие — предметы, действия, события в восприятии каждого, которые являются содержанием состояния необычной реальности. Общая картина необычной реальности состоит из элементов, обладающих качествами элементов обычной реальности и компонентов обычной грезы, хотя равенства между ними нет.

По моему, составляющие элементы необычной реальности обладают тремя уникальными характеристиками: (1) стабильностью, (2) необычностью, и (3) отсутствием обычного соглашения. Эти качества их выделяют и делают их особенными.

Составляющие элементы необычной реальности обладают стабильностью в том смысле, что они постоянны. В этом отношении они похожи на составляющие компоненты обычной реальности, т.к. они никогда не смещаются и не исчезают, как это случилось бы с компонентами обычных грез.

Представляется, что каждый составляющий компонент необычной реальности конкретен по своему, той конкретностью, которую я воспринимаю, как необычайную стабильность. Эта стабильность была сформулирована таким образом, что смог ввести критерий, состоящий в том, что в необычной реальности всегда можно остановиться на неопределенное время, чтобы рассмотреть каждый из составляющих элементов. Применение этого критерия позволило мне отличать состояния необычной реальности, использованные доном Хуаном, от других состояний особой восприимчивости, которые могут оказаться необычной реальностью, но не подходят под этот критерий.

Вторая характеристика элементов необычной реальности — их необычайность — означала, что каждая часть составляющих элементов была уникальна, необычайна, индивидуальна, как будто бы она была изолирована от других, или как будто бы каждая из них проявлялась по очереди. Эта необычайность составляющих элементов далее, по-видимому, создает уникальную необходимость: властную необходимость, стремление объединить все изолированные части в общую композицию. Дон Хуан, по-видимому, знал об этой необходимости и использовал ее, когда возможно.

Третья уникальная характеристика и самая драматическая из всех — это отсутствие обычного соглашения. Составляющие элементы воспринимаются в состоянии полного одиночества, которое больше похоже на состояние одиночества человека, наблюдающего незнакомую сцену в обычной реальности, чем на одиночество грезящего человека. Так как стабильность составляющих элементов необычной реальности дала возможность каждому остановиться в течение неопределенного периода рассматривать любой из них, то казалось, что они были как бы элементами повседневной жизни; разница между составляющими элементами этих двух состояний реальности состоит в их способности к обычному соглашению. Под обычным соглашением я подразумеваю молчаливое соглашение о составляющих компонентах повседневной жизни, которое соучастники тем или иным способом дают друг другу. Для составляющих элементов необычной реальности обычное соглашение недостижимо. В этом отношении необычная реальность была ближе к состоянию грез, чем к обычной реальности. Все же из-за своих уникальных особенностей, стабильности и необычайности, составляющие элементы необычной реальности имели свойство реальности, которая создавала необходимость признания их существования в пределах соглашения.

Специфическая цель правила Другой компонент концепции о том, что правило проверялось в необычной реальности, была мысль о том, чтобы достичь утилитарной цели с помощью *олли*. В контексте учения дон Хуана предполагалось, что правило выучивалось путем подтверждения его в обычной и необычной действительности. Решающий аспект учения — это подтверждение правила в состоянии необычной реальности; то, что подтвердилось в действиях и элементах, воспринятое в необычной реальности, было специфической целью правила. Эта специфическая цель имела дело с силой *олли*, т.е. с использованием *олли* сначала в качестве средства транспортировки, а затем в качестве помощника, но дон Хуан всегда рассматривал каждую инстанцию специфической цели правила, как одно целое, охватывающее обе области.

Так как специфическое правило касается управления силой *олли*, оно имело неотъемлемое продолжение — методы управления.

Методы управления — это реальные процессы, реальные действия, происходящие на каждой стадии управления силой *олли*. Мысль о том, что *олли* управляем, оправдывала его применение при достижении прагматических целей и методы управления были просто процессами, делавшими *олли* управляемым.

Специфическая цель и методы управления — это одно целое, тою, что маг должен знать точно, чтобы управлять своим *олли* на самом деле.

Учение дона Хуана включало в себя следующие специфические цели правил двух *олли*. Здесь я привожу их в том порядке, в котором он мне их дал.

Первая специфическая цель была проверена вне обычной реальности с *олли*, содержащимся в *datura inoxia*. Метод управления состоял в том, чтобы проглотить микстуру, настоянную на корне растения *datura*.

Употребление этой микстуры переводило в поверхностное состояние необычной реальности, которое дон Хуан применил, проверяя меня на мою пригодность в ученики, у меня была совместимость с *олли*, содержащимся в этом растении. Это зелье должно было дать либо ощущение необъяснимого физического комфорта, либо большого дискомфорта, результаты, которые дон Хуан считал соответственно признаком совместимости или отсутствия таковой.

Второй специфической целью было гадание. Оно также было частью правила *олли*, содержащегося в *datura inoxia*. Дон Хуан считал ворожбу формой специфического движения, допуская, что маг транспортировался *олли* в какую-то область необычной реальности, где он мог предсказывать события иначе ему неизвестные. Метод управления второй специфической целью — это глотание-поглощение. Микстура, приготовленная из корня *datura* проглатывалась, а мазь, приготовленная из семян *datura*, втиралась в височную и лобную часть головы. Я использовал термин "глотание-поглощение", потому что глотанию сопутствовало поглощение кожей при достижении состояния необычной реальности или поглощению кожей сопутствовало глотание.

Этот метод управления требовал усвоения других элементов помимо *datura*, в этом случае двух ящериц. Они должны были служить магу в качестве инструментов движения, имея в виду особое восприятие в особом состоянии, когда можно было услышать разговор ящериц и затем визуально представить себе, что она сказала. Дон Хуан объяснял такие явления, как ответы ящериц на те вопросы, которые были поставлены для ворожбы.

Третья специфическая цель правила *олли*, содержащегося в *datura* связан с еще одной специфической формой движения, полетом тела. Как объяснял дон Хуан, маг при помощи этого *олли* был способен переноситься на громадные расстояния, полет тела — это способность мага передвигаться в необычной реальности, а затем при желании возвращаться в обычную реальность. Метод управления третьей специфической цели также процесс глотания-поглощения. Проглатывалась микстура с корнем *datura*, сделанная из семян *datura*, втиралась в подошвы ног, наносилась на внутренние поверхности обеих ног и на гениталии.

Третья специфическая цель глубоко не разрабатывалась, дон Хуан имел ввиду, что он не раскрыл другие аспекты метода манипуляции, которые позволили бы магу определять направление во время движения.

Четвертая специфическая цель правила — это тестирование, *олли* содержался в *psilosybe mexicana*. Целью тестирования не было определение совместимости или несовместимости с *олли*, а скорее неизбежность первого употребления или первой встречи с *олли*.

Метод управления четвертой специфической цели — это применение курительной смеси, приготовленной из сушеных грибов с разными частями пяти других растений, ни одно из которых не обладает свойством вызывать галлюцинации. Правило акцентировало процесс вдыхания дыма этой смеси, называя *олли*, содержавшегося в ней, учитель использовал слово хумито (небольшой дымок). Но я назвал этот процесс "глотания-вдыхания", так как он представлял собой сочетание сначала глотания, а затем вдыхания. Грибы из-за своей мягкости после вдыхания превращались в мелкую пыль, которая горела с трудом. Другие ингредиенты после высушивания превращались в кусочки. Эти кусочки сжигались в трубке, тогда как грибной порошок, который не горит так легко, глотают. Логично количество проглатываемых сушеных грибов превышает количество сжигаемых и вдыхаемых кусочков.

Результаты первого состояния необычной реальности, вызванного *psilosybe mexicana*, вызвало дон Хуана на короткий спор о пятой специфической цели правила. Он касался движения, с помощью *олли*, содержащегося в *psilosybe mexicana*, внутрь и сквозь одушевленные существа.

Полный метод управления кроме глотания-вдыхания может включать гипноз. Так как дон Хуан упомянул об этой специфической цели лишь в коротком споре и так как проверена она не была, то я не могу правильно оценить ее аспекты.

Шестая специфическая цель правила, проверенная в необычной реальности, также связана с *олли*, содержащемся в *psilosuvo mexicana*, имела дело с другим аспектом движения — движением, принимающем альтернативную форму. Этот аспект движения подвергнулся наиболее тщательной проверке. Дон Хуан утверждал, что для его совершенствования необходима прилежная работа. Он признавал, что *олли*, содержащийся в *psilosuvo mexicana*, обладал способностью вызывать исчезновение тела мага; таким образом, мысль о том, чтобы принять альтернативную форму, была логичной для достижения возможности движения при бестелесности. Другой возможностью совершать движение было движение сквозь предметы и существа, о котором дон Хуан говорил кратко.

Метод управления шестой специфической целью включал не только глотание-вдыхание, но и, по всем данным, гипноз. Дон Хуан выдвинул предположение о гипнозе на время переходных стадий в необычную реальность, а также в ранней части состояний необычной реальности. Он классифицировал этот представляющийся гипнотическим процесс, как свое собственное наблюдение, имея в виду, что мне он не раскрыл метод управления в этот момент полностью.

Принятие альтернативной формы не означает, что маг в любой момент совершенно свободно принимает любую желаемую форму; наоборот, для принятия желаемой формы необходима тренировка в течение всей жизни. Форма, которую предпочел дон Хуан — это ворона и, соответственно, на ней он акцентировал внимание в своем учении. Хотя он подчеркнул, что ворона — это его собственный выбор и что существовали многочисленные другие формы.

4. Правило подтверждено специальным соглашением.

Среди понятий, формирующих правило, есть одно, необходимое для объяснения правила, это то, что правило подтверждается специальным соглашением. Все остальные составляющие понятия недостаточны для объяснения значения правила.

Дон Хуан очень четко разъяснил, что *олли* не приносится в дар магу, а что маг научился управлять *олли* через процесс подтверждения его правила. Полный процесс изучения процесса включал проверку этого правила как в необычной, так и в обычной реальности. Однако, решающим фактором в учении дон Хуана было подтверждение правила прагматическим и экспериментальным путем в контексте того, что воспринимается, как элементы необычной реальности. Но эти составляющие элементы не являлись элементами обычного соглашения, если кто-то оказывался не в состоянии получить согласие на их существование, то их воспринимаемая реальность была бы лишь иллюзией. Так как человек оказывается сам по себе в необычной реальности, то из-за его одиночества что бы он ни воспринимал, будет своеобразно.

Одиночество и своеобразие были следствием предположения о том, что ни один человек не может дать обычное соглашение на чье-то восприятие.

В этом месте дон Хуан ввел самую важную составляющую часть своего учения: он снабдил меня специальным соглашением на действия и те элементы, которые я воспринял в необычной реальности, те действия и элементы, которые как будто подтверждали правило. В учении дон Хуана специальное соглашение означало молчаливое или гласное соглашение о составляющих элементах необычной реальности, которые он, как мой учитель, передал мне, как ученику. Это специальное соглашение ни в коем случае не было обманом или поддельным так, как это может быть, если один или два человека описывают друг другу составляющие элементы своих грез. Специальное соглашение, данное доном Хуаном систематично и для того, чтобы его представить, он должен был воспользоваться всем своим знанием. При наличии систематического соглашения действия и элементы, воспринятые в необычной реальности, стали консенсуально реальными, что означало по классификации дон Хуана, что правило *олли* подтверждено. Правило имело значение понятия лишь поскольку оно было предметом специального соглашения, так как без специального соглашения о его подтверждении, правило было бы чисто своеобразным построением.

Из-за необходимости объяснить правило я подумал, что правило подтверждалось специальным соглашением, четвертым разделом этой структурной схемы. Этот раздел так как был в основном взаимодействием между двумя личностями, состоял в основном из: 1. Благотетеля или проводника в преподаваемое знание, агента, давшего специальное соглашение 2. Ученика или предмета, для которого предназначалось специальное соглашение.

Провал или успех в достижении оперативной цели учения основаны на этом разделе. Таким образом, специальное соглашение было ненадежной кульминацией следующего процесса: маг имел отличительную черту, обладание *олли*, что отличало его от обычного человека. *Олли* был

силой, обладавшей особым свойством, правилом. А уникальной характеристикой правила было его подтверждение в необычной реальности специальным соглашением.

Благодетель — это тот фактор, без которого подтверждение правила было бы невозможно. Для того, чтобы обеспечить специальное соглашение, он выполнил две задачи: 1. Подготовка фона для специального соглашения по подтверждению правила и 2. Направление специального соглашения.

Подготовка специального соглашения. Первой задачей благодетеля являлось создание фона, необходимого для того, чтобы произвести специальное соглашение по подтверждению правила.

Будучи моим учителем, дон Хуан заставил меня: 1. Испытать другие состояния необычной реальности, которые по его объяснению отходят далеко от тех, которые выбраны для подтверждения правила *олли*, 2. Вместе с ним принять участие в определенных специальных состояниях обычной реальности, которые он, по-видимому, создавал сам, и 3. Резюмировать детально каждый опыт.

Задача дона Хуана по подготовке специального соглашения состояла в усилении и утверждении подтверждения правила путем создания специального соглашения по составляющим элементам этих новых состояний необычной реальности и по составляющим элементам специальных состояний обычной реальности.

Другие состояния необычной реальности, которые дон Хуан заставил меня испытать, были вызваны употреблением кактуса лофофора виллиамсия, известного под названием пейот. Обычно срезалась верхушка кактуса, высушивалась, затем прожевывалась и глоталась, но в особых условиях верхушка употреблялась в свежем виде. Глотание, однако, было не единственным способом испытать состояние необычной реальности с лофофора виллиамсия. Дон Хуан предположил, что спонтанные состояния необычной реальности возникали при уникальных условиях и он определил их, как дары, данные силой, содержащейся в растении.

Необычная реальность, вызванная лофофора виллиамсия, обладала тремя отличительными свойствами: 1. Верили, что ее производила сущность под названием "мескалито", 2. Ее можно было усвоить и 3. Она имела составляющие элементы.

Предполагалось, что мескалито — это уникальная сила, сходная с *олли* в том смысле, что он позволял переступить границы обычной реальности, но и отличающаяся от него. Как и *олли*, мескалито содержался в определенном растении, кактусе лофофора виллиамсия. Но в отличие от *олли*, который просто содержался в растении, мескалито и это растение были одним и тем же, растение было центром открытых проявлений уважения, приемником глубокого почитания. Дон Хуан предполагал, что при определенных условиях, как, например, при глубоком молчаливом соглашении с мескалито, простое прикосновение к кактусу вызвало бы состояние необычной реальности.

Но мескалито не ошел правила и поэтому не являлся *олли*, хотя и мог транспортировать человека за пределы обычной реальности. Отсутствие правила не только не давало мескалито быть использованным в качестве *олли*, так как без правила он не управляем, но также делало его власть резко отличающейся от *олли*.

Из-за отсутствия правила мескалито был доступен любому человеку без длительного обучения и без знания методов управления, как это было в случае с *олли*. Из-за того, что обучение не было необходимым, мескалито называли защитником. Быть защитником означало, что он был приемлем для каждого. Все же мескалито, как защитник, не был доступен каждому, и с некоторыми людьми он был несовместим. По дону Хуану, такая несовместимость была вызвана несоответствием между "несгибаемой нравственностью мескалито" и неуверенностью индивидуума.

Мескалито также являлся учителем. Он должен был выполнять дидактические функции. Он был руководителем, направляющим к правильному поведению. Мескалито указывал истинный путь. Мысль дона Хуана об истинном пути казалась чувством пристойности, которое заключалось не в истине в плане нравственности, а в тенденции упрощать модели поведения в пределах силы, укрепленной его учением. Дон Хуан верил, что мескалито учил упрощать поведение.

Мескалито — это сущность. Будучи таковым, он имел определенную форму, которая не была постоянной или предсказуемой. Под этим качеством подразумевалось, что мескалито не только по-разному воспринимался разными людьми, но по-разному воспринимался одним и тем же человеком в разных обстоятельствах. Эту мысль дон Хуан высказал, говоря о способности мескалито принимать любую мыслимую форму. Однако, он принимал неизменную форму при взаимодействии с теми, с кем он совместим, в том случае, если они употребляли его в течение ряда лет.

Необычная реальность, вызванная мескалитом, была утилизируемой, и в этом отношении была идентична той, которая вызывалась *олли*.

Единственная разница состояла в рациональности, которая была свойственна для дон Хуана при обучении технике вызова: искать воздействия мескалитом нужно правильным способом.

Необычная реальность, созданная мескалитом, также имела составляющие элементы, в этом случае опять-таки состояния необычной реальности, вызванные мескалитом и *олли*, были идентичны. У обоих характеристики составляющих элементов — это стабильность, необычайность и отсутствие соглашения.

Еще дон Хуан при подготовке фона для специального соглашения привлекал меня к участию в специальных состояниях обычной реальности.

Специальное состояние обычной реальности — это ситуация, которая может быть описана в рамках реалий повседневной жизни, за исключением того, что было бы невозможным получить обычное соглашение по его составляющим элементам. Дон Хуан готовил фон для специального соглашения по подтверждению правила, давая специальное соглашение по составляющим элементам специальных состояний обычной реальности. Эти составляющие элементы были элементами повседневной жизни, существование которых могло быть подтверждено лишь доном Хуаном путем специального соглашения. С моей стороны это было лишь предположением, так как будучи соучастником в специальном состоянии обычной реальности, я верил, что только дон Хуан, как другой участник, знает, какие составляющие компоненты создали специальное состояние обычной реальности.

По-моему, специальные состояния обычной реальности были вызваны доном Хуаном, хотя он в этом и не признавался. Кажется, он вызывал эти состояния путем искусной манипуляции подсказками, предложениями, направляя мое поведение. Я назвал этот процесс "манипуляцией намеками". Манипуляция имела два аспекта: 1. Намек на обстоятельства и 2. Намек на поведение.

В процессе обучения дон Хуан заставил меня испытать оба состояния. Он мог вызвать первое, высказываясь по поводу обстоятельств. Рациональный подход дон Хуана в этом случае заключался в том, что меня надо было проверить, чтобы доказать мои хорошие намерения, и лишь после того, как он давал мне специальное соглашение по составляющим элементам, он соглашался начать обучение. Под выражением "намек на обстоятельства" я имел в виду, что дон Хуан вводил меня в особое состояние обычной действительности путем изоляции, посредством неясных предложений составляющих элементов, обычной реальности, которые являлись частью непосредственного физического окружения. На этой стадии элементы, изолированные таким образом, создавали особое визуальное восприятие цвета, которое дон Хуан выверял.

Второе состояние обычной реальности, возможно, было вызвано процессом оценки поведения. Дон Хуан, установив тесную связь со мной и сохраняя постоянную линию поведения, создал свой собственный образ, который мне служил эталоном, по которому я его мог узнать. Затем, селектируя ответы, которые противоречили выбранному им образу, дон Хуан был способен изменять данный эталон узнавания. Это изменение могло, в свою очередь, менять нормальную конфигурацию элементов, ассоциирующихся с эталоном, и создавало новый, не имеющий аналогов эталон, который не мог быть подвергнут обычному соглашению; дон Хуан, будучи соучастником специального состояния обычной реальности, являлся единственным человеком, который знал, каковы были составляющие элементы, и таким образом, он был единственным, кто мог дать мне согласие на их существование.

Дон Хуан создал второе специальное состояние обычной реальности тоже, как тест, как своего рода подтверждение своего учения. Оба эти специальные состояния обычной реальности были как бы переходной фазой его учения. Они, по-видимому, являлись точками сочленения. И это второе состояние отметило мой переход на новую стадию обучения, характеризующуюся более непосредственным рабочим контактом между учителем и учеником, с целью достижения особого соглашения.

Третья процедура, которую практиковал дон Хуан для подготовки специального соглашения, состояла в том, чтобы заставить меня дать подробный отчет о своих ощущениях, являющихся следствием состояния необычной реальности и каждого специального состояния обычной реальности, а потом выбрать моменты из моего рассказа. Существенным фактором была возможность направлять исход состояний необычной реальности, и моим безоговорочным убеждением было, что такие характеристики составляющих элементов необычной реальности, как стабильность, необычайность и отсутствие обычного соглашения, были им присущи, и они являлись результатом деятельности дон Хуана. В основе этого допущения было наблюдение, которое заключалось в том, что составляющие элементы первого состояния необычной реальности, которые я прошел, обладали теми же тремя характеристиками, а дон Хуан только лишь начал давать свои указания.

Допуская, что эти характеристики были присущи составляющим элементам необычной реальности в целом, дон Хуан поставил задачу применить их в качестве основы для управления исходом каждого состояния необычной реальности, вызванного *datura innoxia*, *psilocybe mexicana*, и лофофора виллиамсиа.

Этот подробный отчет, который дон Хуан заставил меня сделать после каждого состояния необычной реальности, являлся подтверждением этого опыта. В него входил подробный рассказ о моих ощущениях во время каждого состояния. Это доказательство имело два аспекта: 1. Воспоминания о событиях и 2. Описание воспринимаемых составляющих элементов. Воспоминания о событиях были связаны с ситуациями, которые я воспринимал во время опыта, о котором я рассказывал: т.е. это были события, которые по-видимому, произошли и действия, которые я, по-видимому, производил.

Описание воспринятых составляющих элементов представило собой мой рассказ об особой форме и специфических деталях составляющих элементов, которые я по-видимому, воспринял. При каждом подтверждении эксперимента дон Хуан отбирал определенные моменты следующим образом: 1. Обращая внимание на какие-то определенные части моего рассказа, и 2. Отбрасывая все не имеющие значения. Перерывами между состояниями необычной реальности было то время, когда дон Хуан интерпретировал ход эксперимента.

Я назвал первую часть "акцептуация", потому что в основе его лежала разница между тем, что дон Хуан ставил для меня целью, которую я должен был достигнуть в состоянии необычной реальности, и тем, что я сам воспринял. Акцептуация означала, что дон Хуан выделял какую-то часть моего рассказа, концентрируя на ней свои выводы. Акцептуация была либо позитивной, либо — негативной. Позитивная акцептуация означала, что дон Хуан был удовлетворен каким-то определенным явлением, которое я воспринял, так как это соответствовало тем конечным целям, которые, как он ожидал, я достигну в состоянии необычной реальности. Негативная акцептуация означала, что дон Хуан не был удовлетворен тем, что я воспринял, потому что это могло не совпадать с его ожиданиями или потому, что этого было недостаточно. Тем не менее, он все равно концентрировался на этой части, чтобы подчеркнуть негативность моего восприятия. Второй селективный процесс, который практиковал дон Хуан, — не обращать внимания на некоторые части моего рассказа. Я называл это "отсутствием акцептуации", так как оно было противоположным акцептуации. Думается, что, не придавая значения отдельным частям моего рассказа, имеющим отношение к составляющим элементам, которые дон Хуан считал излишними для его учения, он практически игнорировал мое восприятие таких же элементов в последующих состояниях необычной реальности.

Руководство специальным соглашением Вторым аспектом работы дон Хуана в качестве учителя было руководство специальным соглашением, направляя исход каждого состояния необычной реальности и каждого специального состояния обычной реальности. Дон Хуан направлял этот исход методично манипулируя внешними и внутренними уровнями необычной реальности и внутренним уровнем специальных состояний обычной реальности.

Внешний уровень необычной реальности имел отношение к ее действующему состоянию. Он включал в себя механику, способы достижения собственно необычной реальности. Внешний уровень имел три аспекта: 1 — подготовительный период, 2 — переходные стадии, и 3 — наблюдение учителя.

Подготовительный период — это промежуток времени между одним состоянием необычной реальности и следующим. Дон Хуан пользовался им для того, чтобы давать мне прямые инструкции и определить основное направление учения. Подготовительный период являлся критически важным в создании состояний необычной реальности и имел два аспекта: 1 — период, предшествующий необычной реальности, и 2 — период, следующий за необычной реальностью.

Период, предшествующий необычной реальности, был относительно коротким отрезком времени, самое большее 24 часа. При состояниях необычной реальности, вызванных *datura innoxia* и *psilocybe mexicana* этот период характеризовался драматическими и быстрыми прямыми инструкциями дон Хуана по специфической цели этого правила и по способам манипуляции, которые я предположительно должен был подтвердить в наступающем состоянии необычной реальности. В случае лофофора виллиамсиа этот период был временем ритуального поведения, т.к. мескалито не имел правила.

Период, следующий за необычной реальностью, с другой стороны, представлял собой длинный промежуток времени, длящийся месяцами, что позволяло дону Хуану обсудить и внести ясность в события, происшедшие во время предыдущего состояния необычной реальности. Этот период особенно важен после применения лофофора виллиамсиа. Так как мескалито не имел правила, то цель, преследуемая в необычной реальности, — это выяснение характеристик мескалито. Дон

Хуан описал эти характеристики во время длительного интервала, следующего за каждым состоянием необычной реальности.

Второй аспект внешнего уровня — это переходные стадии, которые означали переход от состояния обычной реальности к состоянию необычной реальности и наоборот. Два состояния реальности в этих переходных стадиях накладывались и критерий, которым я пользовался, чтобы отличить последние от любого из состояний реальности, состоял в том, что их составляющие элементы были затуманены. Я никогда не был в состоянии осознать их или точно вспомнить.

В пределах осознаваемого времени переходные стадии были либо обрывистыми, либо замедленными. В случае *datura innoxia* обычное и необычное состояния почти накладывались друг на друга, и переход из одного в другое происходил внезапно. Наиболее заметными были переходы в необычную реальность. Напротив, *psilocybe mexicana* вызывала переходные стадии, которые я воспринимал, как медленные. Переход из обычной в необычную реальность был особенно затянувшимся и осознаваемым. Я всегда его осознавал больше из-за понимания последующих событий.

Переходные стадии при применении лозофора виллиамси, видимо, сочетали в себе черты двух других. Во-первых, переходы в и из необычную реальность были очень заметны. Вход в необычную реальность был медленным; я перенес его без ухудшения физического и умственного состояния; но возвращение в обычную реальность было короткой внезапной переходной стадией, которую я ясно осознал, но при сниженных способностях к восприятию всех ее подробностей.

Третьим аспектом внешнего уровня было наблюдение наставника или действенная помощь, которую я, как ученик, получал при прохождении состояния необычной реальности. Я выделил наблюдение в самостоятельную категорию, т.к. подразумевалось, что на определенной стадии процесса обучения наставник войдет в необычную реальность вместе с учеником.

В период состояний необычной реальности, вызванный *datura innoxia*, я получал минимум наблюдения. Дон Хуан особенно акцентировал выполнение всех моментов подготовительного периода, но после того, как я удовлетворил это требование, он предоставил меня самому себе.

В необычной реальности, вызванной *psilocybe mexicana*, степень наблюдения была совершенно другой, т.к. в этом случае ученик нуждался в максимуме помощи и руководства. Подтверждение этого правила сделало необходимым принятие другой формы, которое предполагало серию разных установок, которые мне должны были быть даны для восприятия окружающего.

Дон Хуан дал эти установки в виде словесных команд и предложений во время переходных стадий в необычную реальность. Другим аспектом его наблюдения было руководство мною в начале состояний необычной реальности, давая мне команды сконцентрироваться на некоторых составляющих элементах предшествующего состояния обычной реальности. Элементы, на которых он сосредоточивался, были, очевидно, выбраны наугад, т.к. самым важным был процесс совершенствования принятой другой формы. Окончанием наблюдения было мое возвращение в обычную реальность. Ясно, что этот процесс также требовал от дона Хуана максимального наблюдения, хотя самого процесса я вспомнить не мог.

Наблюдение, необходимое для состояний, вызванных лозофора виллиамси было сочетанием двух других. Дон Хуан находился рядом со мной как можно дольше, хотя никоим образом не пытался направлять меня в необычную реальность или из нее.

Второй уровень измененного порядка в необычной реальности — это, по-видимому, внутренние стандарты или, по-видимому, внутреннее расположение ее составляющих элементов. Я дал ему название "внутренний уровень" и здесь я допускаю, что составляющие элементы являлись субъектами трех основных процессов, которые представлялись результатом руководства дон Хуана: 1 — движение в направлении особенного, 2 — движение в направлении более экстенсивного диапазона оценки, и 3 — движение в направлении более прагматичного использования необычной реальности.

Движение в направлении особенного представляло собой продвижение составляющих элементов каждого последующего состояния необычной реальности к большей точности и специфичности. Оно влекло за собой два момента: 1 — движение в направлении особых отдельных форм, и 2 — движение в направлении особых общих результатов.

Под движением в направлении особых отдельных форм подразумевалось, что составляющие элементы были аморфно знакомы на ранних состояниях необычной реальности и стали особыми и незнакомыми в поздних состояниях.

Это движение, по-видимому, охватывало два уровня изменения в составляющих элементах необычной реальности: 1 — прогрессирующая сложность воспринимаемой детали и 2 — прогрессия от знакомых к незнакомым формам.

Прогрессирующая сложность воспринимаемой детали означает, что в каждом последовательном состоянии необычной реальности те ежеминутные подробности, которые я воспринимал, как составляющие этих элементов, становились более сложными. Я пришел к выводу, что усложнялась сама структура составляющих элементов, но их более мелкие составляющие не перепутывались. Возрастающая сложность скорее означала более гармоничное восприятие каких-то деталей, которое варьировалось от впечатлений от каких-то неясных форм в начале состояний до восприятия мною мельчайших подробностей на поздней стадии.

Прогрессия от знакомых к незнакомым формам означает, что сначала форма составляющих элементов либо напоминала формы, существующие в обычной реальности или, по крайней мере, ассоциировались с повседневной жизнью. Но при последующих состояниях необычной реальности особые формы, составляющие форм и схема расположения элементов становились постепенно незнакомыми до тех пор, пока я был уже не в состоянии ассоциировать их с чем-либо в обычной реальности.

Прогрессия составляющих элементов в направлении особых общих результатов означала приближение конечного общего результата, который я достигал в каждом отдельном состоянии необычной реальности, к тому, которого хотел дон Хуан, когда речь шла о подтверждении правила, т.е.

необычная реальность вызывалась для подтверждения правила и подтверждение становилось все более специфическим при каждой последующей попытке.

Вторым общим процессом внутреннего уровня необычной реальности было движение в направлении расширения диапазона оценки. Другими словами, это та самая цель, которую я преследовал на каждом последующем этапе состояния необычной реальности, стремясь с каждым разом концентрироваться на как можно более большем количестве объектов. Предмет обсуждения здесь — это либо существует какая-то одна область, которая расширяется, либо моя способность к восприятию увеличивается с каждым следующим состоянием.

Учение дон Хуана подтверждало мысль о том, что это была целая область, и я назвал эту воображаемую область "диапазон оценки". Ее прогрессирующее расширение состояло в сенсорной оценке, которую я сделал на основе составляющих необычной реальности, существующих в каком-то определенном диапазоне. Я оценил и проанализировал эти составляющие элементы, как мне кажется, сенсорно и по всем данным я почувствовал тот диапазон, в котором они существуют экстенсивно и всеобъемлюще в каждом следующем состоянии.

Диапазон оценки бывает двух видов: 1) зависимый диапазон и 2) независимый диапазон. Зависимый диапазон — это область, в которой составляющие элементы были предметами физического окружения, которые я осознавал в предыдущем состоянии обычной реальности. Независимый диапазон, напротив, представлял собой ту область, в которой составляющие элементы необычной действительности, по-видимому, существовали сами по себе, независимо от физического окружения предшествующей обычной реальности.

Если говорить о диапазоне оценки, то дон Хуан придерживался мнения о том, что каждый из двух *олли* и *мескалито* обладали способностью вызывать обе формы восприятия. Хотя мне кажется, что *datura inoxia* обладает большей способностью вызывать независимый диапазон, хотя и в аспекте физического полета, который я не воспринимал достаточно долго для того, чтобы его оценить; диапазон оценки был ясно зависимым. *Psilocybe mexicana* обладала способностью создавать зависимый диапазон; *lornorнога williamsii* обладала способностью создавать оба.

Я предполагаю, что дон Хуан использовал эти разные свойства для подготовки специального соглашения. Другими словами, при состояниях, вызванных *datura inoxia*, составляющие элементы, не имеющие обычного соглашения, существовали независимо от предшествующей обычной реальности.

В случае *psilocybe mexicana* отсутствие обычного соглашения включало составляющие элементы, зависящие от окружающей среды, предшествующей обычной реальности. При применении *lornorнога williamsii* некоторые составляющие элементы определялись окружающей средой, тогда как другие не зависели от нее. То, использование этих трех растений вместе, по-видимому, было предназначено для того, чтобы создать широкое восприятие недостатка обычного соглашения по составляющим элементам необычной реальности.

Последний процесс внутреннего уровня необычной реальности — это прогрессия, которую я воспринял при каждом следующем состоянии в направлении более прагматичного использования необычной реальности. Эта прогрессия, по-видимому, соотносится с мыслью о том, что каждое новое состояние было более сложной стадией обучения, и что возрастающая сложность каждой новой стадии требовала более содержательного и прагматичного использования необычной реальности. Эта прогрессия была наиболее заметна при применении *lornorнога williamsii*:

одновременное существование зависимого и независимого диапазонов оценки при каждом из состояний сделало прагматическое использование необычной реальности более экстенсивным, т.к. оно покрывало оба диапазона сразу.

Управление исходом особых состояний обычной реальности создавало, по-видимому, порядок во внутреннем уровне, порядок характеризовался прогрессией составляющих элементов в направлении особого... Эти характерные черты, возможно, не были столь очевидны из-за недостатка у меня опыта, я впервые испытал состояние необычной реальности.

Невозможно было выяснить влияние предыдущих указаний дона Хуана на реальный ход опыта, однако его мастерство в руководстве исходом последующими состояниями необычной реальности с этой точки зрения совершенно очевидно.

По моим воспоминаниям об опыте он отобрал определенные разделы для того, чтобы направлять прогрессию к отдельным особым формам и особым общим результатам. Он взял отчет о моих действиях с собакой и связал его с идеей о том, что мескалито являлся видимой сущностью. Он способен принимать любые формы, кроме того, он являлся сущностью вне других.

Отчет о моих действиях также помог дону Хуану установить прогрессию в направлении расширенного диапазона оценки, здесь прогрессия была в направлении зависимого диапазона. Дон Хуан положительно расценил тот факт, что я двигался и действовал в необычной реальности почти также, как я действовал бы в повседневной жизни.

Прогрессия в направлении более прагматического использования необычной реальности была установлена при негативной оценке моей неспособности логически воспринимать составляющие элементы. Дон Хуан советовал не использовать возможность рассмотреть эти элементы беспристрастно и точно; этот подход сформировал две общие характеристики необычной реальности: она была прагматична и оценивалась сенсорно.

Недостаток обычного соглашения для составляющих элементов был порожден чередованием положительных и отрицательных акцентов на взгляды наблюдателей, следивших за моим поведением в течение первого состояния необычной реальности.

Подготовительный период, следующий за первым состоянием необычной реальности длился более года. Дон Хуан использовал это время для того, чтобы ознакомить меня с большим количеством составляющих понятий человека знания и чтобы раскрыть какие-то части правила двух *олли*. Он также вызвал неглубокое состояние необычной реальности, чтобы проверить мое родство с *олли*, содержащимся в *datura innoxia*. Дон Хуан использовал эти смутные ощущения в этом неглубоком состоянии для того, чтобы обрисовать основные характеристики этого *олли* по контрасту с выделенными воспринимаемыми характеристиками мескалито.

Третьим шагом в процессе подготовки специального соглашения по подтверждению правила был вызов еще одного состояния необычной реальности при помощи *lornoroga williamsii*. Предыдущие указания дона Хуана, по-видимому, заставили меня воспринять это второе состояние необычной реальности следующим образом: Так прогрессия направления особенного дала возможность визуального восприятия некоей сущности, чья форма замечательно изменилась от знакомой формы собаки на первой стадии до совершенно незнакомой формы какого-то человекоподобного существа, существующего, по-видимому, без меня.

Прогрессия в направлении расширенного диапазона оценки в моем восприятии процесса была очевидна. На протяжении этого процесса диапазон оценки был как зависимым, так и независимым, хотя большинство составляющих элементов зависело от окружающих условий предшествующего состояния обычной реальности.

Прогрессия в направлении более прагматического использования необычной реальности была возможна самой замечательной особенностью моего второго состояния. Мне стало ясно, что вне обычной реальности можно передвигаться.

Также я рассмотрел аккуратно и тщательно составляющие элементы. Я отчетливо воспринял их стабильность, индивидуальность и отсутствие соглашения. Из моего воспоминания об опыте дон Хуан подчеркивал следующее: при прогрессии в направлении специфического он позитивно оценил мой рассказ о том, что я видел мескалито, как некую человекоподобную сущность.

Здесь спекуляция концентрировалась вокруг идеи о том, что мескалито способен быть учителем и также защитником. Для того, чтоб направить прогрессию к расширенному диапазону оценки, дон Хуан положительно акцентировал отчет о моем путешествии, которое, очевидно, произошло в зависимом диапазоне, он также положительно отнесся к тем визуальным сценам, которые я наблюдал с помощью мескалито, сценам, которые, по-видимому, не зависят от составляющих элементов, предшествующей обычной реальности.

Отчет о моем путешествии и эти сцены, также дали дону Хуану возможность направлять эту прогрессию к более прагматичному использованию необычной реальности. Сначала он выдвинул

мысль о том, что возможно получить указания, затем интерпретировал эти сцены, как уроки, касающиеся правильного образа жизни.

На некоторые участки моих воспоминаний, касающиеся восприятия ненужных сущностей, внимание совсем не обращалось, поскольку их нельзя было использовать для установления направления внутреннего порядка.

Следующее, третье состояние необычной реальности вызвали для подтверждения правила, *олли* при этом содержался в *datura inoxia*.

Впервые был важным и заметным подготовительный период. Дон Хуан представил методы манипуляции и раскрыл, что специфической целью, которую я должен был подкрепить, является гадание.

Его предыдущее руководство тремя аспектами внутреннего порядка дало следующие результаты: прогрессия к специфическому проявилась в моей способности воспринимать *олли*, как качество, то есть я подтвердил уверенность в том, что *олли* является абсолютно невидимым. Эта прогрессия также вызвала особое восприятие серии образов, сходные с теми, которые я наблюдал с помощью мескалито. Дон Хуан интерпретировал эти сцены, как колдовство или подтверждение специфической цели правила.

Восприятие этой серии сцен повлекло за собой прогрессию к расширенному диапазону оценки. В этот раз диапазон не зависел от окружающих условий предшествующей обычной реальности. Эти сцены не накладывались на составляющие элементы в отличие от образов, которые появлялись передо мной под влиянием мескалито, в самом деле, не было других составляющих элементов, кроме тех, которые являлись частью этих сцен. Другими словами, общий диапазон оценки был независим.

Восприятие совершенно независимого диапазона также выявило прогрессию к более прагматичному использованию необычной реальности. Угадывание подразумевало возможность утилитарно оценить увиденное.

Для того, чтобы направить прогрессию к специфическому, дон Хуан положительно отметил мысль о том, что передвигаться в независимом диапазоне оценки собственными средствами невозможно. Он объяснил движение там, как косвенное, и в момент его завершения в качестве инструмента выступали ящерицы. Для того, чтобы установить направление второго аспекта внутреннего уровня прогресса к расширенному диапазону оценки он сконцентрировался на мысли о том, что сцены, воспринятые мною, являющиеся ответом на гадание, можно было наблюдать и продлить по моему желанию. Для направления прогрессии к прагматическому использованию необычной реальности дон Хуан подчеркнул, что угадываемая тема должна быть простой для получения приемлемого результата.

Четвертое состояние необычной реальности было вызвано также для подтверждения правила *олли*, содержащегося в *datura inoxia*.

Специфическая цель подтверждающего правила касалась состояния полета, как еще одного аспекта движения.

Результатом направления прогрессии по направлению к специфическому, возможно, является восприятие полета в воздухе. Это ощущение было обостренным, хотя ему недоставало глубины прежних восприятий действий, которые я выполнял в необычной реальности. По-видимому, телесный полет происходил в зависимом диапазоне оценки, а за ним, по-видимому, следовало продвижение собственными силами, являющимися, возможно, результатом прогрессии в направлении более широкого диапазона оценки.

Два других аспекта ощущения полета в воздухе, возможно, являются результатом направления прогрессии в сторону более прагматичного использования необычной реальности. В первую очередь это были восприятие расстояния, то восприятие, которое создало реальное ощущение полета, во-вторых, возможность придать направление этому воображаемому движению.

Во время последующего подготовительного периода дон Хуан спекулировал на якобы вредной природе *олли*, содержащегося в *datura inoxia*. Он выделил следующие части моего отчета: для направления прогрессии к специфическому он положительно отметил мои воспоминания о полете. Хотя я не воспринял составляющие элементы того состояния необычной реальности с привычной к тому времени ясностью, мое ощущение движения было очень определенным, и дон Хуан использовал его для подкрепления специфического результата движения. Прогрессия к более прагматичному использованию необычной реальности была достигнута путем перемещения акцента на мысль о том, что маги могут летать на громадные расстояния, теория, которая позволяет предположить возможность для человека передвигаться в зависимом диапазоне оценки, а затем перевести это движение в обычную реальность.

Пятое состояние необычной реальности было вызвано *олли*, содержащимся в *psilocybe mexicana*. Это растение использовалось впервые, поэтому полученное состояние можно рассматривать, как тест, а не как подтверждение правила. Во время подготовительного периода дон Хуан дал лишь способ манипуляции: т.к. он не раскрыл специфической цели, которую надо было бы проверить, я не поверил, что это состояние было вызвано для подтверждения правила. Все же направление внутреннего уровня необычной реальности, установленное ранее, видимо, закончилось со следующими результатами.

Направление прогрессии к специфическим общим результатам создало у меня впечатление, что эти два *олли* отличались друг от друга, а каждый в отдельности отличался от мескалито. Я воспринял *олли*, содержащегося в *psilocybe mexicana*, как некое качество — бесформенное и невидимое, и создает ощущение бестелесности. Прогрессия в направлении расширенного диапазона оценки имела результатом ощущение, что общие условия предшествующей обычной реальности, оставшиеся в моем сознании, могли быть использованы в необычной реальности, т.е. зависимый диапазон, видимо, распространился на все. Прогрессия в направлении более прагматичного использования необычной реальности создала особое ощущение, что я был в состоянии проходить сквозь составляющие элементы внутри зависимого диапазона оценки, несмотря на тот факт, что они являлись обычными элементами повседневной жизни.

Дон Хуан не требовал обычного изложения опыта, отсутствие специфической цели как бы делало это состояние необычной реальности переходной стадией. Однако, во время последующего подготовительного периода он обдумывал некоторые моменты моего поведения во время опыта.

Он отрицательно отнесся к тому логическому барьеру, который мешал мне поверить, что можно проходить сквозь одушевленные и неодушевленные предметы. С этим предположением он направлял прогрессию в сторону специфического общего результата движения сквозь составляющие элементы необычной реальности, воспринимаемой в зависимом диапазоне оценки.

Дон Хуан использовал те же самые наблюдения для того, чтобы направить второй аспект внутреннего уровня, расширенного диапазона оценки. Если возможно движение сквозь одушевленные и неодушевленные предметы, то зависимый диапазон должен соответственно расширяться, он должен покрыть общие окружающие условия предшествующей обычной реальности, которая осознавалась человеком в любое данное время, т.к. движение влекло за собой постоянные перемены окружающих условий. В том же предположении ясно говорилось о том, что необычную реальность возможно применять более прагматично. Продвижение сквозь предметы и живые существа подразумевало определенную точку продвижения, недоступную магу в обычной реальности.

На следующем этапе дон Хуан использовал серию из трех состояний необычной реальности, вызванных *Jornornoga williamsii*, для дальнейшей подготовки специального соглашения по подтверждению правила. Эти три состояния воспринимались, как единое целое, т.к. они происходили в течение четырех дней подряд, а в течение нескольких часов между ними какого-либо общения с доном Хуаном у меня не было. Внутренний порядок этих трех состояний также рассматривался, как единое целое с соответствующими характеристиками. Прогрессия в направлении специфического создала условия для восприятия мескалито, как видимой человекоподобной сущности, способной обучать. Эта способность давать уроки значит, что мескалито способен к общению с людьми.

Прогрессия в направлении расширенного диапазона оценки достигла момента, когда я воспринимал оба диапазона одновременно, и я был неспособен отличить их друг от друга за исключением сферы движения. В зависимом диапазоне я мог передвигаться своими способами и по своему желанию, но в независимом диапазоне я мог передвигаться лишь с помощью мескалито. Например, уроки мескалито включали серию сцен, которые я мог лишь наблюдать. Прогрессия в направлении более прагматичного использования необычной реальности выразилась в идее о том, что мескалито мог на самом деле давать уроки, как следует жить.

Во время подготовительного периода, следующего за последним состоянием необычной реальности в этой серии, дон Хуан выбрал следующие разделы. Для прогрессии в направлении специфического он положительно расценил мысль о том, что мескалито являлся инструментом для продвижения человека сквозь независимый диапазон оценки, и что мескалито был существом дидактическим, способным обучать путем ввода человека в воображаемый мир.

Он также высказал предположение о том, что мескалито произнес свое имя и предположительно обучил меня некоторым песням, эти два момента были приведены в качестве примера способности мескалито быть защитником. Тот факт, что я воспринял мескалито, как свет, дает основание предполагать, что он принял абстрактную, постоянную для меня форму.

Выбор этих разделов помог дону Хуану в направлении прогрессии к расширенному диапазону оценки. В течение этих трех состояний необычной реальности я ясно воспринял, что зависимый диапазон и независимый диапазон — это два отдельных аспекта необычной реальности, одинаково важные.

Независимый диапазон являлся той областью, в которой мескалито давал свои уроки, и т.к. эти состояния необычной реальности предположительно вызывались только для того, чтобы получить эти уроки, эта область имела особое значение. Мескалито являлся защитником и учителем — это означало, что он был видим, хотя его форма никак не была связана с предшествующим состоянием обычной реальности. С другой стороны, человек должен был путешествовать, т.е. передвигаться в необычной реальности в поисках уроков мескалито, эта мысль свидетельствовала о значимости зависимого диапазона.

Эта прогрессия в направлении более прагматичного использования необычной реальности определялась уроками мескалито. Дон Хуан построил эти уроки, как несущественные для жизни человека. Вывод был совершенно ясным — необычную реальность можно использовать более прагматично для сопоставления с ценностями обычной реальности. Впервые дон Хуан сформулировал это.

Последующее состояние необычной реальности, девятое по счету, было вызвано для подтверждения правила *олли*, содержащегося в *datura inoxia*.

Специфическая цель, предмет подтверждения, связана с обожествлением, и предыдущее направление внутреннего уровня закончилось следующими моментами. Прогрессия в направлении специфических общих результатов создала восприятие ряда последовательных сцен, которые должны были быть как бы голосом ящерицы, излагающей подлежащие обожествлению события, и ощущение реального голоса, описывающего такие сцены. Прогрессия в направлении независимого диапазона оценки результировала в восприятии экстенсивного и совершенно независимого диапазона, свободного от чуждого влияния обычной реальности. Прогрессия к более прагматичному использованию необычной реальности закончилась утилитарными возможностями разработки независимого диапазона. Дон Хуан выбрал именно это направление, т.к.

предполагал возможность использования соответствующих моментов независимого диапазона, применяя их в обычной реальности. Т.о., божественные сцены обладали очевидной прагматической ценностью, т.к. они давали видение действий, совершаемых другими, действий, к которым не было доступа обычными способами.

Во время последующего подготовительного периода дон Хуан больше обращал внимание на составляющие темы человека знания. Он, по-видимому, подготовился перейти к поискам лишь одного или двух *олли*, *олли* хумито. В то же время он положительно отнесся к мысли о том, что у меня было влечение к *олли*, содержащемуся в *datura inoxia*, т.к. он дал мне возможность убедиться в гибкости правила, когда я сделал ошибку в ходе манипуляций. Мое допущение о том, что дон Хуан был готов прекратить преподавание правила *олли*, содержащегося в *datura inoxia*, получило подтверждение, когда он не выделил какие-либо области моих воспоминаний об опыте, чтобы объяснить управление внутренним уровнем последующих состояний необычной реальности.

Затем следовала серия из трех состояний необычной реальности, вызванных для подтверждения правила *олли*, содержащегося в *psilocybe mexicana*. Их рассматривали, как одно целое. И, хотя между ними был значительный промежуток времени, во время этих интервалов дон Хуан не предпринимал попыток выдвинуть какие-то предположения по аспектам их внутреннего порядка.

Первое состояние этой серии было неясным, оно быстро закончилось и его составляющие элементы не были четкими. Оно было больше похоже на переходную стадию, чем на само состояние необычной реальности.

Второе состояние было более глубоким. Я впервые отдельно воспринял переходную стадию в необычную реальность. Во время этой первой переходной стадии дон Хуан обнаружил, что специфическая цель правила, которое я должен был подтвердить, была связана с еще одним аспектом движения, аспектом, требовавшим его неусыпного наблюдения, я его определил, как "движение путем принятия другой формы". В результате стали очевидны два аспекта внешнего уровня необычной реальности: переходные стадии и наблюдение учителя.

Дон Хуан использовал свое наблюдение во время первой стадии для того, чтобы заострить внимание на последующем управлении тремя аспектами внутреннего уровня. В первую очередь его усилия были направлены на то, чтобы дать специфический общий результат, направляя меня к ощущению, будто бы я принял форму ворона.

Возможность принимать другую форму для того, чтобы передвигаться в необычной реальности, в свою очередь повлекла за собой расширение зависимого диапазона оценки, единственной области, где такое передвижение возможно.

Прагматическое использование необычной реальности состояло в том, что меня направляли к концентрированию моего собственного внимания на определенных составляющих элементах зависимого диапазона для того, чтобы использовать их в качестве ориентиров для движения.

Во время подготовительного периода, последовавшего за вторым состоянием данной серии, дон Хуан отказался высказывать какие бы то ни было предположения по поводу моего опыта. Он интерпретировал второе состояние, как просто еще одну продленную переходную стадию.

Первостепенной в учении, однако, являлась третья стадия. На этой стадии процесс управления внутренним уровнем достиг кульминации в следующих результатах: прогрессия по направлению к специфическому создала ощущение, что я настолько вошел в альтернативную форму, что начал к ней физически приспосабливаться, в частности изменив способ смотреть. Результатом этого приспособления явилось мое восприятие новой грани зависимого диапазона оценки — мелочей, которые составляли составляющие элементы — это восприятие определенно расширило диапазон оценки. Прогрессия в направлении более прагматичного использования необычной реальности достигла кульминации в тот момент, когда я осознал, что в зависимом диапазоне можно передвигаться столь же прагматично, как ходить пешком в обычной реальности.

Во время подготовительного периода, следующего за последним состоянием необычной реальности, дон Хуан начал суммировать результаты по-другому. Он выбрал области для выводов до того, как услышал мой отчет, т.е. он требовал рассказа о том, что относилось к прагматичному использованию необычной реальности и к движению.

Из этих отчетов он вывел прогрессию в направлении специфического, положительно разрабатывая вервю о том, как я воплощался в форму ворона.

Хотя особое внимание он обращал на движение после принятия этой формы.

Движение являлось той областью моих воспоминаний, где он совмещал позитивные и негативные оценки. Он оценивал отчет положительно, когда он подтверждал идею о прагматической природе необычной реальности, или когда речь шла о восприятии составляющих элементов, которое дало мне возможность получить общее ощущение ориентации во время кажущегося перемещения в зависимом диапазоне оценки. Он негативно отметил мою неспособность с точностью воспроизвести природу или направление такого движения.

При направлении прогрессии к расширенному диапазону оценки, дон Хуан сконцентрировался на моем рассказе о том особенном способе, с помощью которого я воспринял те подробности, которые формировали составляющие элементы в пределах зависимого диапазона. Его рассуждения привели меня к выводу о том, что если можно видеть мир глазами вороны, то зависимый диапазон оценки должен углубиться и расшириться для того, чтобы охватить весь спектр обычной реальности.

Для того, чтобы управлять прогрессией к более прагматичному использованию неординарной реальности дон Хуан объяснил мне особый способ восприятия составляющих элементов, как видение мира вороной. Этот способ позволял видеть предполагаемый вход в диапазон явлений, находящихся за пределами нормальных возможностей в обычной реальности.

Последний опыт, записанный в моих заметках, — это специальное состояние обычной реальности; дон Хуан вызвал его, изолировав составляющие элементы обычной реальности через опыт своего собственного поведения.

Эти общие процессы, применяемые при управлении внутренним уровнем необычной реальности во время второго специального состояния обычной реальности дали следующие результаты. Прогрессия в направлении специфического дала легкую изоляцию многих элементов ординарной реальности. При первом специальном состоянии обычной реальности те немногие составляющие элементы, которые были изолированы в процессе получения информации об окружающей среде, также трансформировались в незнакомые формы, лишённые обычного соглашения, однако во втором специальном состоянии обычной реальности его составляющие элементы были многочисленны и, хотя это были знакомые элементы, они, возможно, утратили возможность к обычному соглашению. Возможно, такие составляющие элементы охватывали всю окружающую среду, бывшую в пределах моего сознания.

Возможно, дон Хуан вызвал это второе специальное состояние для укрепления связи между обычной и необычной реальностью, развивая мысль о том, что большая часть, если не все составляющие элементы обычной реальности могли утрачивать свою способность иметь обычное соглашение.

С моей собственной точки зрения последнее специальное состояние являлось окончательным итогом моего обучения. Страшное воздействие ужаса на уровень трезвого сознания обладало особенностью подрывать уверенность в том, что реальность повседневной жизни была абсолютно реальной, уверенность, что я в вопросах обычной реальности мог снабдить себя соглашением неограниченно. До этого момента курс моего обучения представлялся непрерывным строительством в направлении разрушения этой уверенности. Дон Хуан использовал каждую грань своего драматического влияния для того, чтобы достичь этого разрушения во время этого последнего специального состояния, факт, подсказывающий мне, что полное крушение этой уверенности уничтожило бы тот последний барьер, который отделял меня от принятия существования отдельной реальности: реальности специального соглашения.